

Инна Лиснянская

Имя разлуки
Переписка

Елена Макарова

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Инна Лиснянская

**Имя разлуки: Переписка Инны
Лиснянской и Елены Макаровой**

«НЛО»

2017

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6-8

Лиснянская И. Л.

Имя разлуки: Переписка Инны Лиснянской и Елены Макаровой / И. Л. Лиснянская — «НЛО», 2017

Переписка Инны Лиснянской и Елены Макаровой – документ эпохи. Это не просто переписка дочери и матери, разделенных волею обстоятельств тысячами километров и множеством государственных границ. Это письма на фоне новых мировых катаклизмов. И на фоне старых – тоже. Потому что уже самой своей работой, своим творчеством обе раздвинули границы современности. Это их объединяет. А отличает то, что когда-то экзистенциалисты назвали поведением человека перед лицом катастроф. Замечательный русский поэт Инна Лиснянская, оставаясь в подмосковном Переделкине, подробно и поэтично описывает все, что происходило с Россией в эпоху перемен. Замечательный прозаик Елена Макарова, живя в Иерусалиме, но став фактически человеком мира, пытается осмыслить не только современность, но и разобраться в калейдоскопе стремительно меняющегося мира.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6-8

© Лиснянская И. Л., 2017
© НЛО, 2017

Содержание

Благодарности	8
Неевклидово пространство	9
Крещеная Эвтерпа	20
Долгоиграющие письма	30
Переписка Инны Лиснянской и Елены Макаровой	33
1. И. Лиснянская – Е. Макаровой	33
2. Е. Макарова – И. Лиснянской	35
3. Е. Макарова – И. Лиснянской	36
4. И. Лиснянская – Е. Макаровой	38
5. И. Лиснянская – Е. Макаровой	41
6. Е. Макарова – И. Лиснянской	42
7. И. Лиснянская – Е. Макаровой	45
8. И. Лиснянская – Е. Макаровой	46
9. И. Лиснянская – Е. Макаровой	48
10. И. Лиснянская – Е. Макаровой	50
11. Е. Макарова – И. Лиснянской	53
12. Е. Макарова – И. Лиснянской	55
13. И. Лиснянская – Е. Макаровой	56
14. И. Лиснянская – Е. Макаровой	57
15. Е. Макарова – И. Лиснянской	58
16. И. Лиснянская – Е. Макаровой	59
17. Е. Макарова – И. Лиснянской	60
18. Е. Макарова – И. Лиснянской	61
19. И. Лиснянская – Е. Макаровой	62
20. Е. Макарова – И. Лиснянской	63
21. Е. Макарова – И. Лиснянской	65
22. Е. Макарова – И. Лиснянской	66
23. И. Лиснянская – Е. Макаровой	67
24. Е. Макарова – И. Лиснянской	68
25. И. Лиснянская – Е. Макаровой	69
26. Е. Макарова – И. Лиснянской	70
27. Е. Макарова – И. Лиснянской	71
28. И. Лиснянская – Е. Макаровой	72
29. Е. Макарова – И. Лиснянской	74
30. И. Лиснянская – Е. Макаровой	76
31. И. Лиснянская – Е. Макаровой	77
32. И. Лиснянская – Е. Макаровой	78
33. Е. Макарова – И. Лиснянской	79
34. И. Лиснянская – Е. Макаровой	80
35. Е. Макарова – И. Лиснянской	81
36. И. Лиснянская – Е. Макаровой	83
37. Е. Макарова – И. Лиснянской	86
38. Е. Макарова – И. Лиснянской	87
39. Е. Макарова – И. Лиснянской	88
40. И. Лиснянская – Е. Макаровой	89
41. Е. Макарова – И. Лиснянской	91

42. И. Лиснянская – Е. Макаровой	92
43. И. Лиснянская – Е. Макаровой	93
44. Е. Макарова – И. Лиснянской	94
45. Е. Макарова – И. Лиснянской	95
46. И. Лиснянская – Е. Макаровой	96
47. Е. Макарова – И. Лиснянской	99
48. И. Лиснянская – Е. Макаровой	100
49. Е. Макарова – И. Лиснянской	101
50. И. Лиснянская – Е. Макаровой	102
51. Е. Макарова – И. Лиснянской	103
52. Е. Макарова – И. Лиснянской	104
53. Е. Макарова – И. Лиснянской	105
54. Е. Макарова – И. Лиснянской	106
55. И. Лиснянская – Е. Макаровой	108
56. Е. Макарова – И. Лиснянской	110
57. И. Лиснянская – Е. Макаровой	111
58. Е. Макарова – И. Лиснянской	112
59. И. Лиснянская – Е. Макаровой	113
60. Е. Макарова – И. Лиснянской	114
61. И. Лиснянская – Е. Макаровой	115
62. Е. Макарова – И. Лиснянской	117
63. Е. Макарова – И. Лиснянской	118
64. И. Лиснянская – Е. Макаровой	119
65. Е. Макарова – И. Лиснянской	125
66. И. Лиснянская – Е. Макаровой	126
67. Е. Макарова – И. Лиснянской	127
68. И. Лиснянская – Е. Макаровой	128
69. Е. Макарова – И. Лиснянской	132
70. И. Лиснянская – Е. Макаровой	134
71. И. Лиснянская – Е. Макаровой	135
72. Е. Макарова – И. Лиснянской	136
73. Е. Макарова – И. Лиснянской	137
74. И. Лиснянская – Е. Макаровой	138
75. Е. Макарова – И. Лиснянской	139
76. И. Лиснянская – Е. Макаровой	140
77. И. Лиснянская – Е. Макаровой	142
78. Е. Макарова – И. Лиснянской	143
79. И. Лиснянская – Е. Макаровой	144
80. Е. Макарова – И. Лиснянской	145
81. И. Лиснянская – Е. Макаровой	146
82. Е. Макарова – И. Лиснянской	149
83. И. Лиснянская – Е. Макаровой	150
84. Е. Макарова – И. Лиснянской	151
85. И. Лиснянская – Е. Макаровой	152
86. Е. Макарова – И. Лиснянской	157
87. И. Лиснянская – Е. Макаровой	158
88. Е. Макарова – И. Лиснянской	160
89. И. Лиснянская – Е. Макаровой	161
90. Е. Макарова – И. Лиснянской	163

91. И. Лиснянская – Е. Макаровой	164
92. Е. Макарова – И. Лиснянской	168
93. И. Лиснянская – Е. Макаровой	169
94. Е. Макарова – И. Лиснянской	170
95. И. Лиснянская – Е. Макаровой	172
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Инна Лиснянская, Елена Макарова Имя разлуки Переписка Инны Лиснянской и Елены Макаровой

Предисловия Е. Бершина, М. Кудимовой

© Е. Макарова, 2017

© Е. Бершин, предисловие, 2017

© М. Кудимова, предисловие, 2017

© С. Макаров, фото на лицевой стороне обложки

© А. Беккер, фото на задней стороне обложки

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

* * *

Благодарности

Когда мамы не стало, я решила издать нашу с ней переписку, из многих томов сделать один. Переводом писем в электронную форму занималась моя иерусалимская подруга Римма Юха, за что я безмерно ей благодарна. На мне лежала лишь сверка набранного текста с рукописным. Огромное спасибо Ольге Степановой за помощь в редакции.

Оригиналы маминых писем, а также ряд фотографий ныне хранит «Отдел редких книг и рукописей библиотеки им. Хесбурга, Университет Нотр-Дам, США»; мои письма сданы мамой в РГАЛИ. Наш семейный архив разлетелся по континентам, и я равно благодарна и Университету Нотр-Дам в Америке, и РГАЛИ в России за надежный кров.

Неевклидово пространство

1

Я знаю не только авторов и адресатов этих писем – я знаю адреса. Некоторые адреса. Кстати, у Лиснянской адрес все-таки действительно был, хотя постоянных конкретных адресов долго не было. Но дело ведь не в конкретных строениях с номерными знаками. Дело в конкретной почве, в точке притяжения, без которой она себя долго не мыслила. Ее адрес – Россия. Или то место, где говорят и пишут и по-русски. Почти воздух. Такой воздушный адрес. А письма, о чем бы в них ни писала, она всегда отправляла в одном и том же направлении – куда-то поверх крыш. Просто поэт, наверно, иначе не может. И то, что эти письма каким-то чудом доходили до Елены Макаровой, – чудо и есть.

Тем более что сама Макарова выбрала себе адресом весь мир. Или даже не выбрала – родилась с этим адресом в голове. Потому и писала: «Думаю, что приверженность к своей земле – это поэтический образ. Вся наша земля такая маленькая, и у всего есть культурные двойники – храмы Нового Иерусалима и храмы в старом городе Иерусалима, и, зная хоть еще один какой-нибудь язык, можно со своим родным жить любовно везде, также и в литературе». Или так: «Мир скоро станет маленьким и общим. Наши представления о времени, пространстве и скоростях настолько отличаются от представлений прошлого века! Человек тогда был внутри времени и движения, а теперь скорость самолета, например, ты не можешь ощутить, находясь внутри самолета, то есть теряется связь с пространством и временем в процессе перемещения».

Энергия Лиснянской совпадала с энергией места. Внутренние ритмы – с ритмами ухабов на переделкинских дорожках, леса за забором, того самого леса, «где не бытует эхо», деревянными домиками и бездомными котами, выклянчивающими по утрам под ее окном сосиску или колбасу. Или висящего над ней переделкинского неба. Уже потом, в двухтысячных, подолгу живя в Иерусалиме и в Хайфе, эту энергию места она так и не сумела преодолеть, все рвалась к своему ветхому переделкинскому дому, к своей земле.

Буйно желтеет сурепка, белеет ромашка, –
Слезная горло мое сжимает петля.
Ежели к телу ближе своя рубашка,
Значит, к душе ближе своя земля.
Значит, прощай фиолетовое цветенье
Персика, смоквы оранжевый цвет,
Я отлетаю в землю свою в воскресенье,
Где в эту пору еще и подснежника нет...

2

У Лены Макаровой этой точки, этой «земли притяжения» нет. «Мой адрес – не дом и не улица», – как пели когда-то в Советском Союзе. Тем удивительнее было идти к ней, к примеру, в Иерусалиме. По конкретным улицам и к конкретному дому. Нужно было сначала пройти по улице царя Давида, потом выйти на улицу Газы, свернуть на улицу философа Маймонида, ну и так далее. И пока я шел, в ушах, как и положено, сначала звучали псалмы, а

после поворота на улицу философа псалмы плавно сменялись умными мыслями. Например, о том, что я многое знаю, но до сих пор не знаю, как ходят письма без почтовых дилижансов, почтовых же поездов и даже – чего уж там! – современных самолетов. Впрочем, от Переделкина до Иерусалима ни на каком дилижансе не доедешь, да и по проволоке, как маршаковская дама, тоже не дойдешь. Зато был факс, которым Инна Львовна сумела как-то овладеть. «Мама писала свитки в 8 метров длиной – с обеих сторон – в те годы в факс-машину заправлялись рулоны, и мама, узнав, скажем, что кто-то поедет в Израиль через месяц, писала весь месяц». Потом Лиснянская просила Лену сохранить эти не письма, нет – «свитки».

Помню форменную революцию в глазах почти восьмидесятилетней Лиснянской, когда у нее появился Интернет. Она выставляла шрифт покрупнее и одним пальцем левой руки старательно выискивала нужные клавиши, сама не веря в то, что больше не надо связываться с почтовыми ящиками или искать оказии. Но надолго ее не хватало. И это были уже другие письма – коротенькие, почти записки. Ее почерк, а с ним и свободное дыхание исчезали в виртуальном пространстве. Поэтому самое интересное – письма, написанные в доинтернетовскую эпоху. Потому что все самое для нее важное в эту эпоху и происходило. И самое важное для этой книги, где в письмах в полной или почти в полной мере на фоне исторических событий раскрываются сложные миры двух женщин – матери и дочери.

Или дочери и матери. Они ведь иногда менялись местами. «Я смотрю на тебя вопрошительно-виноватым взглядом полустарушки-полурбенка», – пишет Лиснянская. А Елена Макарова дополняет ее любопытной историей: «В 2007 году мама потеряла на море обручальное кольцо, и я отдала ей свое золотое колечко. Мы “обручились”, и она сказала: “Я твоя удочеренная мать”. В этой шутке была доля истины. Мама-поэт была и остается для меня недостижимой величиной, а мама по жизни – маленькой беззащитной девочкой. Поэтому и разлуку она переживала столь болезненно, как потерю части себя, как ампутацию».

Все заняла разлука –
Длиннее, чем с Марса дождь,
Вот ведь какая штука, –
Имя разлуки: дочь.

«Ампутация» – точное в данном случае слово. Глубокое. Горькое. В каком-то смысле напоминающее рождение. Зная Лиснянскую, можно предположить, что освобождение от бремени после рождения ребенка она тоже могла воспринять как ампутацию. А почему нет? Ребенок был частью ее тела и духа. И перестал быть таковым, высвободившись в мир. Высвободившаяся в мир в прямом и переносном смысле Елена не замедлила явить свою полную самостоятельность, инаковость, непохожесть на мать. Естественно, это не могло не породить некоторых противоречий в отношениях. Не пишу «некоторого непонимания». Обе все понимали. Но Лена лаконично и четко рисует картину: «Мать – дочь, великий поэт – нерадивый писатель, интроверт – экстраверт, глубина – широта, усидчивость – неугомонность и т. д. При этом невероятная близость, часто ранящая нас обеих. Чувство вины, раздиравшее маму всю жизнь, привносило в наши отношения “миндальную горечь”». И еще: «Нас волновали разные вещи. Мама считала, что у меня комплекс непризнанного писателя, и очень за меня переживала, считая несправедливым такое суждение света, в котором сияла ее слава в последние годы».

Но вот опять парадокс. Сама Лиснянская написала целый цикл писем к дочери под названием «Из дневника посредственности» и утверждала буквально следующее: «Я сильно пересмотрела свои поэтические результаты и возможности и пришла к стойкому выводу – в русской поэзии я букашка». Знаю, что это не игра, не поза. Написав новое стихотворение, Инна Львовна на первом этапе очень радовалась и читала его всем, кто входил в дом. На

другой день ее постигало полнейшее разочарование написанным и стихотворение откладывалось подальше. Находила она его еще через месяц-другой, читала, как чужое, и удивленно восклицала, затягиваясь очередной запрещенной ей сигаретой: «Хорошее же стихотворение! И почему оно мне не нравилось?» Запись в «Дневнике посредственности» она сделала, видимо, на втором этапе.

3

Так вот, у Лены Макаровой «земли притяжения» нет. Ее адрес – мир. Ее товарищами могли быть Павел Коган со своей «земшарной республикой», Марк Шагал, не уместившийся в своем витебском местечке и утащивший его за собой в небо, или даже сам председатель земного шара Велимир Хлебников.

Это, кстати, косвенно в письме к дочери подтверждает и Лиснянская: «Вот были Микеланджело и Левитан. Первый был настолько сконцентрированным временем, что в нем умещались все таланты, а в Левитане – только один, созерцательный, хоть и очень приятный для русского глаза. Уже совсем другое время – Шагал, это время охватывает все прошлое и будущее, поэтому на земле Шагала не умещаются ни строения, ни люди. Мы их видим и на земле, и на небе. Ты – то время, которое имеет отношение именно к Шагалу. Но быть Шагалом-временем и одновременно женщиной, на которую наваливается быт, – очень трудно».

«Кто-то, кажется, Витгенштейн, говорил, что граница моего языка – это граница моего сознания», – пытается вспомнить Лена. Если не ошибаюсь, Макарова знает четыре или пять языков, и этого хватает, чтобы раздвинуть границы сознания до границ почти мировых. Бывая в Израиле, Германии и других странах, где много наших бывших соотечественников, я невольно пришел к выводу, что сознание новых переселенцев, особенно возрастных, резко сужается. Потому что язык, на котором говорили с рождения, нужен все меньше, а новый язык, кое-как выученный для походов на рынок, до размеров этого рынка сознание и сужает. Да и Макарова в своем письме замечает нечто похожее: «Посмотрела вчера на наших евреев в Германии, еле говорят по-немецки, какие-то некрасивые, как на подбор косые-кривые, лишь одна красивая девушка-устроительница украшала собой собрание неприкаянных соотечественников. Не гордый народ, какой-то уязвленный. <...> Они там нигде – ни в России, ни в Израиле, ни в Германии».

Сразу же оговорюсь: относится это далеко не ко всем. К писателю Елене Макаровой точно не относится, потому что ей языки нужны не для рынка. При этом забавно, что Инна Лиснянская, зная только один язык, русский, но зная его изумительно, с трудом могла его применять в магазинах и на рынках где-нибудь в Москве или Новопеределкине. У меня складывалось впечатление, что продавцы ее изысканный русский просто не понимают. А она не понимает их. Потому что границы сознания в самой России в последние десятилетия так сузились, что неизбежно упростили и язык. Или наоборот. Это уж кому как нравится.

Естественно, Лиснянская видела эти процессы и в самой литературе. В частности, в поэзии начала девяностых. Мы с ней не раз говорили о роли авангарда, постмодернизма, захлестнувшего в тот период журналы. И приходили к выводу, что постмодернизм хорош тогда, когда надо разрушить единый официальный стиль. В том случае – советский. Что и было сделано в восьмидесятых годах. Но когда никакого единого стиля нет, когда нужно наконец заняться не разрушением, а осмыслением и созиданием, уже сам постмодернизм становится не только бессмысленным, но даже и тоталитарным.

«Наших журналов не читаю, – пишет Лене в начале девяностых Лиснянская. – Все почти в поставангардистской дури – сдуй игривую пену, и ничего не остается под ней. Не шампанское. Последние мои стихи те, которые я написала раньше посланных тебе, будут, кажется, в 10-х номерах “Н[ового] мира” и “Знамени”. Последний взял ориентацию на

андерграунд как в прозе, так и в стихах. Чтение это очень убогое, со всеми эротическими выкрутасами, со всем этим “говном”, пуканьем и т. д. и т. п. У этого поколения писателей вряд ли будет будущее. Мы это уже проходили, начиная с 1914 по 1928 включительно. Тогда в атаку пошел фашизм-коммунизм, и сейчас та же атака. В сущности, эта литература плоть от плоти соцреализма. Звучит парадоксально, но так оно и есть. Задумаешься – и поймешь, и согласишься. Ультрадекаданс всегда приходит с реваншизмом. А что такое соцреализм, как не реваншизм, когда в закостенелой форме идет лживое содержание. Сейчас это приняло вызывающе крикливый вид. Содержательности нет совершенно, как правдивой, так и лживой, и это ничто прикрывается “новой” одежкой. Да, это все уже было и прошло, как с белых яблонь дым».

Здесь уместно вспомнить Пикассо: «Заслуга Бога – в отсутствии стиля». То есть Бог – не тоталитарен. Он сам – Творец. И как творец дает свободу стиля любому художнику. Лиснянской, естественно, не нравился новый тоталитаризм стиля. Как и старый. Поскольку у нее давно уже был свой, выстраданный, узнаваемый стиль. К словам Пикассо можно еще добавить, что Бог дает не только свободу стиля, но и свободу мысли. А отсутствие мысли в стихах – элементарное неумение расшифровать и перевести в язык бушующую внутри поэта и вокруг него энергию. И Лиснянская интуитивно протестует против бессмыслия в поэзии: «Все сейчас очень правильно говорят, что литература не должна быть идейной. Но забывают сказать, что произведение не может быть бессмысленным. Тут полная путаница: идею отождествляют с мыслью. А это две большие разницы. Идея – это раз и навсегда окаменевшая мысль. Именно поэтому нельзя путать идею с мыслью. Художественная мысль всегда очень подвижна и вряд ли может окаменеть. А вот идея – это та философская “горячая” точка, которая застывает, как вулкан. Вот и я раз рассуждалась, в то время как я вовсе не теоретик, практик. Да еще беспомощный. И беспомощно думать литераторам, мол, русский писатель должен прекратить и свою пророческую миссию, это опять перепутывают идею с мыслью. Я восстаю на все, что сейчас говорится в русской поэзии и в прозе, что мы все должны очиститься страданием. Это уже окаменевшая идея».

4

Елена Макарова – прозаик. Соответственно, и мышление иное. Это еще одно кардинальное отличие двух женщин, мамы и дочка, да еще и усугубленное тем, что они смотрят на мир и на происходящее с разных точек планеты. Или вообще – одна с земли, с конкретной московской, красновидовской или переделкинской земли, а другая – откуда-то сверху. Хотя и ее заботы – более чем земные. В том числе и заботы литературные.

«Правда, что трудно нынче написать “Муму” и “Возвращение блудного сына”, – пишет она Лиснянской в ответ на ее рассуждения о «пунктирности» новой литературы. – Но для меня это не страшный симптом, а лишь указание на то, что сегодня изменилось художественное мышление. Так же, как изменилась живопись с появлением фотографии, так меняется проза с появлением факсов. (Сегодня, наблюдая за тем, что творится в Интернете, над факсами можно только посмеяться. – Е. Б.) Появляется отрывочность, вложение текстов в блоки, пунктирность – это нормально. Правда, что скверно образованные писатели стали открывать велосипед. Что ошибаются в установках, поскольку прочли впервые Экклезиаста, а обращаются с ним так запанибратски, словно ходили в лучших друзьях у Соломона. Но почему надоело всем исследовать реальность?»

В принципе, ответ на этот вопрос довольно прост. Реальность, например, в нашей стране с некоторого времени напоминает калейдоскоп. Стеклышки меняются местами чуть ли не ежедневно, заодно меняя всю картину происходящего. Здесь уж никакое образование не поможет. Мозги плавятся. Лиснянская довольно точно подмечает, что «...здесь форми-

руется чудовищное поколение, это так печально, тем более что наряду с формированием уродливого мышления это поколение начитанных, образованных молодых людей. Просто отчаяние охватывает, когда думаешь о судьбе дальнейшей русской литературы». И как бы обращается к этим «образованным молодым людям»: «Во всем, даже в пунктирном мышлении, мне думается, должна быть золотая мера. Тонкая золотая натянутая проволока, по которой движется этот пунктир, не сваливаясь туда, где уже не речь, а мычание».

Эти сетования понятны. Но что делать, если сама эта «золотая мера» отменена? А понимание происходящего в иные времена сродни пониманию Бога. А это практически невозможно. Поэтому проще бывает куда-нибудь спрятаться от этой действительности, чем ее осмыслить. Многие и прячутся. В том числе и в литературе, и в поэзии в частности. Заумь берет верх над разумом. Но и заумь надо как-нибудь украсить, чтобы было похоже на новаторство в литературе. Можно не признавать прописных букв. Можно отменить знаки препинания. Можно еще чего-нибудь придумать. Суть не меняется. Главное – чтобы непонятное осталось непонятным, чтобы непонятное было похоже на непонятное. Потому что всякая попытка сделать понятное из непонятного – выстрел мимо цели.

И в этой странной литературной действительности мать и дочь, обе пытаются вырваться из лап чудовища сонного разума. Лиснянская – следуя своей отработанной десятилетиями форме писания и форме поэтического мышления. Дочь – упорно работая над созданием своей ни на кого не похожей формы. И ее находка, ее разгадка точнее всего выразилась в названии одной из ее книг: «Движение образует форму». Это – точно. Это – гениально точно. Движущийся, сорвавшийся с цепи, кувыркающийся мир можно познать только двигаясь, кувыркаясь вместе с ним. Если оставаться в статичном положении, он просто сметет художника (да и просто человека) или сведет его с ума. У Елены получилось: «Проза, – пишет она, – переработалась в определенную поэтическую форму, так что все как бы соединилось и не требует адресов. Внутри меня все ссылки, но человеку постороннему их будет трудно опознать, так как примечания неотделимы от самого текста».

Лене порой кажется, что она «застывает». Или, как она выражается, «стрела застывает». И я ее понимаю. Но это не стрела застывает. Просто сама Макарова летит с такой скоростью, что перестает эту скорость замечать. Прямо по теории относительности. Это как выйти в открытый Космос – скорости не чувствуешь.

5

«Свобода, мамик, свобода! Каждый день молюсь за то, что я свободна. И могу решать все независимо ни от кого, как ни трудно бывает принимать рискованные ходы, все же – свобода!»

Отъезд Макаровой из России – это не эмиграция в общепринятом смысле. Это именно рывок к свободе, к той жизни, когда никто и ничто не сдерживает, когда можно жить не в стране, а во всем мире в соответствии со своими целями, желаниями, талантом. Это попытка внутреннюю свободу дополнить внешней. Понятно, что абсолютной свободе противоречит сама человеческая природа. И окружающая природа – тоже. Да и свободу каждый понимает по-своему. Когда-то меня удивил Григорий Соломонович Померанц, сказавший, что никогда он не был таким свободным, как в лагере. В сталинском лагере! Не сразу, но со временем я понял, кажется, что он имел в виду: несвобода тела переходит в такую свободу мысли, о какой так называемому свободному человеку приходится только мечтать. А поскольку для Померанца понятия «жить» и «мыслить» были практически синонимами, то и жизнь свою лагерную он воспринимал как свободную.

Несвобода Лиснянской рождена несоответствием между реальным миром и ее представлением о том, каким этот мир должен быть. Этот конфликт и лежит в основе ее творче-

ства. А то и всей жизни. То есть Лиснянская пишет потому, что «на правду мир не похож». И пытается сотворить мир, похожий на правду. Я уже говорил о том, что у Инны Львовны возникали проблемы в общении с продавцами на рынках и в магазинах. Но дело тут не только в упростившемся языке и сузившемся сознании окружающих. Дело и в ней самой. Поскольку «мир не похож», а жить как-то надо, Лиснянская пыталась к этому миру приспособиться. И выходило это подчас довольно смешно.

Вообще, чтобы что-нибудь понять в поэте, надо определить, где в нем заканчивается поэт и начинается человек. И наоборот. Лиснянская – яркий пример поэта, вынужденного играть роль человека, поскольку выступает в его обличье. Она ходит в магазин, кормит котов, платит за электричество, записывается на прием к чиновнику, получает паспорт. А как же иначе? Без паспорта нельзя! При этом, не очень понимая, как соответствовать окружающему, этот сгусток воздуха пытается приноровиться к человеческим вкусам, порядкам и отношениям. Люди, например, любят выглядеть красиво и модно, чтобы нравиться другим. Лиснянская это понимает почти буквально. Поэтому приходит фотографироваться на паспорт, надев шляпу и улыбаясь в пол-лица. И совершенно искренне не понимает, почему этого нельзя. В мире людей поэт почти всегда чужой, потому что постоянно попадает в обстоятельства, в которых мало что понимает. Ему остается все время мимикрировать, как инопланетянину из фантастических фильмов, принимая форму землян. Это тоже – несвобода. И постепенно, подспудно Лиснянская утверждает, видимо, в простой с виду мысли: жизнь – это боль, а боль – жизнь.

Я репетировала смерть,
Крест-накрест складывала руки.
Лицо не выражало муки,
Чтобы не страшно было впредь.

Борис Пастернак репетировал любовь – «шатался по городу и репетировал». Лиснянской это не надо было. Она репетировала смерть. Она репетировала смерть, как свободу. И та свобода, к которой рвалась Елена, ей была не нужна. Ей достаточно было окна, в котором жили лопухи, шел дождь и темнел лес. Все остальное у нее было с собой. В том числе и внутренний свет.

Мне все одно – в себя или наружу
Глядеть, поскольку вижу я всегда,
Как изумрудный свет втекает в душу
И как душа взлетает из окна.

Свет – вот свобода Лиснянской. Остальное – дань страхам, которыми ее обильно питали тогдашние газеты, телепрограммы и многочисленные друзья. Как-то я подметил, что Липкин смотрит все новости подряд, по всем телевизионным программам. На мой удивленный вопрос она ответила коротко: «Бойтся погромов». Оказывается, в раннем детстве в Одессе он стал свидетелем погрома. И это – на всю жизнь. Поэтому запечатленные в письмах мысли Лиснянской не о литературе – тоже, скорее, взяты из ее советского прошлого, и всего того, что там с ней было связано, – от допросов в НКВД до «Метрополя», ухода из Союза писателей и запрета на публикации. Поэтому даже в состоянии почти полной возможной свободы ее постоянно преследовала иллюзия внешней несвободы.

6

У Лены Макаровой свобода имеет совершенно иной оттенок. Ей нужен весь мир, ей нужна свобода передвижения, потому что она не только прозаик. Она – художник, преподаватель, историк, исследователь, драматург, устроитель выставок, изобретатель всевозможных проектов, для реализации которых действительно нужно свободно передвигаться по миру. Поэтому, повторяю, живет она не столько в стране, сколько – везде. Но больше всего – в себе. «Я тоже чувствую, что живу одиноко со своим личным занятием, и все мечтаю объединить всякие виды искусства вместе, но мне никак не удается найти такую группу людей, которая поняла бы “сверхзадачу”, – словом, все мое существо полно фантазий, которые возникают или как словесные или как какие-то скульптуры, или говорящие тексты в пустоте и картинках, проектируемых на стены...»

«В принципе, мамик, я живу в странном мире, – пишет Елена. – Связь с русской жизнью у меня только через тебя. Если бы не твои письма, которые, ты даже не представляешь как, помогают и согревают меня, я бы ощущала полную отрезанность. Мои мозги производят разные фантомы, увидишь, когда получишь материал будущего романа, это тот уровень самоустранения, на котором я сейчас нахожусь».

Лена обрела свободу в одной упаковке с другой стороной этой же свободы – изнанкой свободы. Вырвавшись в открытый мир, почти в Космос, она, как мне кажется, в полной мере ощутила оторванность от мировых провинций. Или даже так: любая точка, где она пребывает на земле, – провинция. В том числе и Россия, и Израиль. Хотя ей порой очень не хочется в этом признаваться. В этом смысле характерны строки, адресованные даже не маме, а Семену Израилевичу Липкину: «Жить в Иерусалиме – это жить и в Провинции, и во всем мире одновременно. Здесь есть Тора и довольно-таки эпигонская современная литература, в основе которой язык Торы. <...> Семен Израилевич, это я пишу Вам в ответ на чудесные слова о принадлежности. Я это чувство понимаю, но никак не думаю, что это чувство имеет привязку к географии, к улице Усиевича или Красновидову».

Зато в другом месте Лена являет следующее: «Нравится тебе твой дом или нет, это дом». Поэтому какая-то привязка все-таки есть. И это – Иерусалим. Но не просто город. И даже не люди. Сама природа позаботилась тут о том, чтобы люди обрели земное притяжение. «Мы живем на крутом холме, в трех км от Вифлеема, – пишет Елена. – Из-за гор и долин город кажется вывернутым, вогнутости и выпуклости как бы все должны быть поменяны местами, чтобы выстроилась нормальная прямая перспектива или нормальная обратная. А так это совершенно неевклидово пространство».

Написано это довольно давно. А совсем недавно подоспели новые откровения ученых, из которых следует, что именно искривленное пространство рождает земное притяжение. Следовательно, именно в Иерусалиме этот фокус Бога явлен наиболее наглядно. Наверно, от этого города так близко до неба, что Всевышнему пришлось подстраховаться, чтобы люди не улетали. Впрочем, их полет в истории принимал самые разнообразные формы, иначе этот город не стал бы колыбелью нескольких религий. Но что, может быть, хорошо для иерусалимцев, бывает страшно для приезжих. Я лично знаю многих людей, так и не сумевших преодолеть удушающую силу Иерусалима. Они тут задыхаются. Кажется, и Лиснянская во время своих первых приездов к дочери испытала то же самое. «Всю жизнь перед сном она читала Библию, – сообщает Лена. – И оказаться вдруг в Библии стало невыносимым для ее души потрясением».

И – новые противоречия Макаровой с матерью, а заодно и с Липкиным. Ведь она уже тут жила. Она уже привыкла. Она все увидела и продумала. И это при несомненной любви к городу, который в письме к Семену Израилевичу она как истинный художник сравнивает

с картиной Иванова. Но при упоминании ритуалов, связанных с религиями, в ней не просто возникают, в ней уже прочно живут сомнения и даже усмешка. «Я надсмехаюсь не над верой, а над ритуалом. Человек, который положил записочку в стену Плача, вирджинец, – посмотри, что он творит. Я знаю, что ритуал удерживает структуру, но уже нечего удерживать, по-моему. Люди в Терезине столько думали о морали, так строго судили себя по тем меркам, которые были давно разрушены в Европе, – люди истребляли людей, а какой-нибудь Гонда Редлих страдал от того, что он, имеющий власть, не может спасти ребенка от транспорта. Не мог, и страдал. Евреи были свалены в крепость Марии Терезии и страдали, что дети вынуждены красть картошку с поля. Вот выживут и станут ворами! Сурожский, он об этом пишет прекрасно. О совести. Люди в жизни ставят галочки, отмечают на туристических тропах, – это тот же ритуал, что записки в Стене Плача или поход на Голгофу. Я говорю о человечестве, а не о Шахье или Швенке. Но посмотри, что с ними стало?»

7

Проводив дочь, Инна Лиснянская постоянно живет ожиданием катастрофы. Все ее письма девяностых годов посвящены не только тому, что творится вокруг, – они полны страшными предчувствиями. Хотя, конечно, у каждого своя катастрофа, свой взгляд, и то, что одному кажется ужасным, у другого не вызывает повышенных эмоций. Но тут еще следует отметить, что все реальные и экзистенциальные страхи этого времени совпали не только с творческим взлетом Лиснянской, но и с настоящим признанием. Журналы рвали из рук новые стихи. Премии следовали одна за одной. Все это скрашивало жизнь, помогало утвердиться в собственном творчестве, но все-таки не избавляло от мрачных предчувствий.

Уехав в Израиль, Елена Макарова сама себя, все свое существование ввергла хоть и в бывшую, но реальную Катастрофу. Архивы Яд Вашем и Терезина стали ее реальным адресом. Собрать воедино произведения заключенных в гитлеровских концлагерях детей, наверно, могла только Лена. Даже непонятно, как эта маленькая хрупкая женщина все это выдержала. Ведь не для литературы же она поместила себя в минувший ад. И вообще, литература – не ее цель. И признание – тоже. Она не чувствует необходимости занять свое место в так называемом литературном процессе. Любимая игра Липкина по распределению поэтов по рядам и ранжирам – не ее игра. Здесь другое: «Осколки, обрубки, опилки, ошметки чьих-то судеб, распиленных, разбитых, раскромсанных, раскрошенных – это XX век. Я родилась сюда, видимо, не для того, чтобы занять свое место в шеренге, а чтобы даже близко ни к какой шеренге не подходить – стояние в очереди – это трата времени. Может, и не напрасная для сиюминутной жизни, но бессмысленная, если во что-то веришь, например, в непрерывность культуры. И с этой точки зрения неважно – публикуют, покупают, читают, знают, – или все то же с “не”. Другой вопрос – для кого это все делаю – для себя, для знакомых, друзей, для широкого читателя?»

Лена Макарова не просто с головой ушла в ад Катастрофы. Она нашла в себе силы этот ад исследовать. Чего это ей стоило и как ей удалось все это выдержать, знают и понимают немногие. Как? Наверно, вот так: «Я построила стену, которая будет защищать меня от ударов. Эта стена во мне самой. Так что все зло людей будет рикошетом бить в них самих. <...> А я останусь только с тем – что люблю. Своим одиночеством, своей работой».

То, что этот ад нашел отражение в ее книгах, – естественно. А в чем же еще? И вечно сомневающаяся Лиснянская, уже находясь на вершине своей земной славы, всеобщего признания, ставшая лауреатом всевозможных премий, вдруг заново открывает собственную дочь: «“Фридл” – замечательно сильное, талантливое произведение, за которым стоит не только ее и твой огромный труд души, но и Слово как таковое. Но начало, а м.б., середина вещи, которую ты сейчас прислала, а мы с Семеном прочитали, уже новый, высший уровень,

самый высокий, на который способен подняться художник. Прежде я считала тебя крупным талантливым писателем. А теперь вижу: ты – гений! Даже страшно от этого открытия. Боже мой! Неужели Твою посланницу родила я, грешная? Ты понимаешь, что за вопрос я задаю и каким благоговением этот вопрос продиктован? Больше ничего я тебе сейчас не напишу: я плачу, я смеюсь, я обращаюсь к Богу. Я молюсь, чтобы Он дал тебе сил и здоровья довершить твой подвиг не гражданина-архивщика, и за это слава была бы архивному работнику, я молюсь за Его поддержку твоего писательского гения».

Но сама Макарова тут же реагирует, словно желая поставить все на свое место: «Что до моей гениальности, то слухи о ней прошу считать преувеличенными. У гениальных все связывается воедино, а у меня все трещит по швам. Но что-то мною движет, и, скорее, интерес, любопытство, желание узнать, научиться распознавать вещи и явления, это метонимические поиски, но, даже если они меня не приведут к конечному продукту – результату, они интересны сами по себе».

Это и является целью – поиск, движение. Вся работа ее – средство познания. И создание прозы – в том числе. И вполне естественно, что на этом пути возникают не только открытия, но и обыкновенная человеческая усталость, попытка защититься даже от себя самой, от своей собственной бьющей через край энергии. Несколько наивное утверждение, что «у гениальных все связывается воедино, а у меня все трещит по швам», – тоже от усталости. На пути поисков не все тупики рассыпаются быстро. Это вполне естественно. И в таких ситуациях возникает неуверенность, что тоже закономерно. «Сейчас я не вижу ни смысла в своей “подвижнической” деятельности, ни в потребности поддержки с чьей-либо стороны. Думаю, я нуждаюсь только в одном – в одиночестве. Это не поза “рассудка”, который “изнемогает”, это поиски пути. Я заблудилась не в небе, а между землей и небом, при том, что не птица. Правда, летаю на самолете, где и впрямь чувствую себя свободной».

Хорошо, что эти периоды у Елены Макаровой не затягиваются надолго.

8

Могу только присоединиться к Инне Львовне: книга «Фридли» – гениальна. Это одно из лучших произведений нового века, написанных на русском языке. Читая ее, понимаешь, как все в этом мире связано, почти неразрывно, одно в другом. «Двадцатые годы Европы – какой расцвет искусств и какое отвратительное время, – становление советской и формирование фашистской империй. Ипохондрический еврей Кафка ищет душевного укрытия от будущего ада на груди Милены Ясенской. Все те же проблемы – социальные катаклизмы и жизнь художника. Очень полезно для понимания эпохи и Фридли, ведь это схожие по типу женщины – богемные, свободные (в рамках тогдашних представлений о свободе)», – пишет Макарова.

«Расцвет искусства» прямиком отправлялся в сталинские лагеря и гитлеровские газовые камеры. Одиночки искали новые пути в искусстве. Политики искали новые средства истребления. В этом нет ничего нового. Но Лена не останавливается на ужасных фактах Холокоста. Она, как всегда, идет дальше, до конца, за грань общеизвестного. И в письмах матери вскрывает еще один конфликт – конфликт между еврейским иррационализмом и еврейской логикой, между величайшей трагедией народа и постыдным практицизмом отдельных его политиков, зачастую перечеркивавших стремление народа к выживанию в страшной войне двадцатого века.

«Йоран пишет книгу – “Израиль – утопия”. Это сейчас актуально. Хамас, каждый день что-то. Похоже, наш народ совершенно никчемный. Открылась сейчас история с Кастнером, венгерским евреем, который вел переговоры с Эйхманом, в 44-м году. 2 миллиона хотел Эйхман, он сказал, что будет отправлять ежедневно в Освенцим 12 тыс[яч] евреев,

пока Кастнер через Сохнут не достанет нужной суммы. Сохнут не принимал партнера Кастнера 4 месяца. Сохнут был под Бен Гурионом, у того, увы, были прямые отношения с Эйхманом, но он не спешил и не хотел, по политическим соображениям, спасти венгерских евреев (мы вас звали, а вы не почесались, теперь получайте), в конце концов Кастнер вывез лишь богатых евреев и родственников, 1800 человек, остальные отправились в газ. Это все было известно. Когда думаешь о монашках, которые прятали еврейских детей у себя, а потом об основателе еврейского государства, – приходишь в тупик. И всякие другие истории, про Эцель и Хагану, как они топили и убивали друг друга, евреи, как пытали друг друга и приговаривали к смертной казни в 44-м году, когда шла война и было кому уничтожать евреев без них. Страшно. Сейчас наступила в Израиле пора демифологизации прошлого, – израильтяне пока еще не говорят о том, какой мор устроили они идишистской культуре, как вытравили язык галута, как создавали нового человека, как унижали немецких евреев и как боролись с немецким языком. Но все это на очереди. Сионистские идеи сейчас уже не верховодят, на чем все это будет держаться? На вечном антисемитизме? На противостоянии? Жалко, такая красивая страна, я знаю, что, где бы ни была, это единственная страна, по которой буду тосковать физически».

9

«Я говорю о человечестве, а не о Шахье или Швенке», – подчеркивает Елена, пытаюсь понять, что было с людьми и что с ними стало.

Так что было с людьми? И что с ними стало? Да ничего нового. Люди остались людьми во всей их красоте и во всем их безобразии. Как-то гуляя со своей немецкой приятельницей по Гамбургу, наткнулся на табличку, сообщавшую, что в этом районе города до войны проживало девять тысяч евреев. Из них выжили триста человек. Я, уже много прочитавший к тому времени о Катастрофе, все-таки до конца не понимал: как такое могло произойти? Как люди, жившие десятилетиями рядом, допустили истребление соседей и даже друзей. Оказалось, все очень просто. Всем сообщили, что евреев переселяют в другое место. Не в концлагеря, нет, упаси Боже! Просто в другое место. А их дома, магазинчики, лавки можно занимать. И добропорядочные соседи все прибрали к рукам. Нет, конечно, уверяли меня, если бы они знали, что их соседей отправят в газовые камеры! О, как они потом сожалели! Они же добропорядочные люди! Но соседского добра эти добропорядочные уже никогда никому не вернули.

Да, они люди. А границы добра и зла размыты не вчера. И не сегодня. Только сегодня зло стало более изощренным. Оно норовит натянуть на себя маску человеколюбия, законности, демократии. И многие действительно добропорядочные люди скажут потом, что ни о чем не догадывались, что ничего не понимали, не знали. А много ли нужно знать, чтобы перестать оправдывать убийства? Много ли нужно знать, чтобы не воровать и не лжесвидетельствовать? На зло надевается маска добра. Маска становится не только символом, но и сутью современного мира. Мир больше не мир – маска мира.

Иногда кажется, что человечество вновь идет по пустыне. Но не туда, где из горящего куста явились на свет Скрижали, а в обратную сторону. А люди? Да, люди – это люди. И с этим надо как-то жить.

10

«Боже мой! Неужели Твою посланницу родила я, грешная?» – сама себе не верит Лиснянская.

«Неужели эта знаменитая на всю страну поэтесса – моя мать», – могла бы в ответ изумиться Макарова.

Известное утверждение о том, что род кончается художником, никак на Елене не сказалось. Может быть, потому, что в роду и в окружении был не один художник, а несколько. И мать Инна Лиснянская, и отец – известный поэт Григорий Корин, и Семен Липкин, и целая плеяда талантливых друзей, с которыми Лена могла общаться чуть ли не с самого раннего детства. Казалось бы, есть простор для подражания и продолжения. Есть прямой путь в тупик. К счастью, Елена Макарова это вовремя поняла. Или нет, не так – она просто родилась другой.

Переписка Инны Лиснянской и Елены Макаровой – документ эпохи. Это письма на фоне новых мировых катаклизмов. И на фоне старых – тоже. Потому что уже самой своей работой, своим творчеством обе раздвинули границы современности. Это их объединяет. А отличает то, что когда-то экзистенциалисты называли поведением человека перед лицом катастроф. И вообще, это не столько письма, сколько запись в историю.

Инна Лиснянская – из породы спасаемых, самоспасаемых. Средством спасения были стихи. Она писала их в огромном количестве почти до самого смертного часа. Стихами она боролась с самой собой и со смертью.

Елена Макарова – из породы спасателей. Она спасает других. Не только живых, но и мертвых, убитых, расстрелянных, задушенных в газовых камерах. Вернее, не мертвых – души мертвых. «Иногда мне кажется, что ты философ Федотов, – пишет Лиснянская, – который хотел оживить всех мертвых. Его концепцию я выражаю примитивно, но по сути дела – оно так и есть. Иное – историческая память, которая складывается из крупных и мелких архивных данных. Ты же делаешь то, что делал бы Федотов, не будучи Христом (Лазарь), именно оживляешь».

А может быть, так: Елена Макарова исследует и завершает судьбы безвременно ушедших людей. Доживает за них. Делает их бессмертными. В музее Яд Вашем, где так долго работала Макарова, есть детский мемориал. Огромный черный зал, в котором ничего нет. Только в кромешной темноте со всех сторон мерцают звезды – души убиенных детей. И – монотонный голос, перечисляющий имена. Вся деятельность Елены Макаровой – вот эти звезды. Эти души.

Спасаемая и спасающая – в этом главное отличие двух женщин, матери и дочери. А во всем остальном – любовь, любовь, любовь...

Загадка – жизнь, а смерть – ее разгадка.
О как мне эти слезы видеть сладко!
Поплачь еще, хоть я плохая мать
По всем параметрам миропорядка.

Нет, слуха твоего не оскорблю
Тем оправданьем, что с пути я сбилась, –
Все это ложь. Я так тебя люблю,
Как дочерям заласканным не снилось.

Ефим Бершин

Крещеная Эвтерпа

I

Чем больше известно о поэте внешних обстоятельств его жизни и чем эти обстоятельства драматичнее, тем, как правило, отдаленнее и абстрактнее разговор о «внутреннем» – то есть о главном: собственно о поэзии и ее наполнении – поэтике. Инна Лиснянская исключением из правила не является. История 1979 г., связанная с альманахом «Метрополь», когда она вместе с С. Липкиным и В. Аксеновым вышла из Союза писателей СССР в знак протеста против исключения Вик. Ерофеева и Евг. Попова, как всякая акция с политической подоплекой, вышла на первый план и надолго отодвинула серьезный стиховедческий разговор. «Шутка ли воскреснуть?» – иронически и риторически вопрошает Инна Львовна в одном из писем к дочери. А ведь ей, по сути, пришлось именно воскреснуть после семилетнего поэтического небытия. Лазарь четверодневный после чуда воскрешения прожил 30 лет и никогда не улыбался.

Между тем буквально накануне скандала, в 1978 г., вышла книга «Виноградный свет» – книга рубежная, с которой началась совершенно новая Лиснянская. Я прекрасно помню приобретение этого копеечного, как все поэтические издания того времени, сокровища в главном магазине тамбовского облкниготорга. Помню, как глотала стихи на ходу, не отрываясь и не глядя под ноги. И по мере такого чтения в движении мне становилось все яснее, что у женщин-поэтов появился весьма нешуточный соперник. Шел последний год земной жизни Марии Петровых – для Лиснянской поэта лично важного, старшего друга. Но моему поколению оценить Петровых по достоинству только предстояло. Юнна Мориц и Белла Ахмадулина безраздельно царили в женской поэтической империи, тогда как Ахматова существовала уже в сонме и ранге богов. Это абсолютно точно артикулировал В. Корнилов:

Бога не было. Ахматова
На земле тогда была.

К 78-му расстановка сил изменилась. «Тихая поэзия», наделавшая усилиями В. Кожина столько шуму в начале десятилетия, постепенно, после гибели Н. Рубцова – безусловного лидера направления, – сдавала позиции. Шестидесятники осмысливали новый звук и содержание («Сорокалетье – строгая пора» – Е. Евтушенко). Журналы были забиты поэтическим порожняком. Самиздат и андеграунд жили отдельной жизнью. Книга «Виноградный свет», в которую были включены в основном стихи, написанные в 60-х и лишь отчасти – в начале 70-х, удивляла, казалось бы, полным игнорированием сложившейся системы, которое до сей поры было попущено только среброгласой Белле. И при этом в каждом втором стихотворении шло сопоставление себя со временем и выверение времени – собой:

Время каждой ягоде
Знаю наизусть.

Наученные читать не просто между строк, а поверх и за ними (на самом деле «облачные» и «тоннельные» технологии рождены не Интернетом, а Главлитом), мы ждали от поэзии, все еще сохранявшей сакральные черты, двойного дна и тройных защитных кодов. Называть «фигами в карманах» это ювелирное искусство смыслового камуфляжа – поверх-

ностно. Каждый при желании мог бы написать свою книгу по криптографии, подобную той, что Саймон Сингх издал только в начале нулевых («Книга шифров. Тайная история шифров и их расшифровки»). Шифрованная «Поэма без героя» служила нам компасом.

В книге И. Лиснянской при всех степенях поэтической условности вещи назывались своими именами:

Я и время – мы так похожи!
Мы похожи, как близнецы,
Разноглазы и тонкокожи...
Ну, скажи, не одно и то же –
Конвоиры и беглецы?!

Не пряталась за лукавыми метафорами и христианская составляющая поэтики. Ею на период «Виноградного света» Лиснянская уже резко отличалась от большинства публикуемых в советских издательствах современников, к религии либо равнодушных, либо агрессивных, а чаще всего просто несведущих ни в каких метафизических вопросах. Первое же стихотворение буквально било по глазам светом евангельских истин:

Забвенья нету сладкого,
Лишь горькое в груди, –
Защиты жди от слабого,
От сильного не жди.

Такое время адово
На нынешней Руси –
Проси не у богатого,
У бедного проси.

Наглядны все прозрения,
Все истины просты, –
Не у святых прощения,
У грешников проси.

Эти стихи так естественно и непафосно отвергали правила игры в литературную «угадайку», установленные отнюдь не поэтами, что факт их публикации даже не вызывал особого удивления, воспринимался как нечто нормальное. Бог в этих стихах, безусловно, был. Ахматовой было куда меньше, чем принято считать. Семен Липкин недаром называл русскую просодию молитвенной, сродни латинской и древнееврейской. Прежде всего молитвенная интонация и привлекала, и лишь потом – общекультурный контекст. Впрочем, уже в этой книге два начала творчества теснейше переплетены.

Сохранив имя Инны Лиснянской в зоне активной памяти, я образца 1978 г., разумеется, не могла знать и толики будущего – долгих лет близкого соседства и повседневного общения по самым прозаическим поводам. А уж, тем более, того феноменального обстоятельства, что в оставшийся срок бытия Лиснянская будет последовательно – от книги к книге – набирать поэтический вес. Ее имя прочно впишется в определенный ряд современников: М. Петровых, А. Тарковский, Д. Самойлов, С. Липкин, Б. Ахмадулина, А. Кушнер, О. Чухонцев. Но настоящего поэта рождают предшественники. Не зря Лиснянская написала: «...русскую поэзию я воспринимаю как единый организм с общающимися между собой сосудами – кровеносными-мысленосными-словеносными». Чем поэт значительнее, тем предшествен-

ников у него больше. Присутствие рядом друга и мужа – поэта и мыслителя Семена Липкина – не мешало единственности лирического воплощения Лиснянской. Напротив: именно рядом с Липкиным это воплощение состоялось и оформилось.

«Блажен, кто слышит песнь и слышит отзвук», – как писал Вяч. Иванов. Критики любят путь наименьшего сопротивления. Представляю, как Инну Львовну раздражала однообразная ахматизация! Почему все видят за ней тень Ахматовой, но никто не видит силуэты Тютчева, Боратынского, Лермонтова и Блока, Случевского, Заболоцкого или К. Некрасовой? Не слышит подчеркнутых интонаций Бродского?

В чем же заключается единственность поэта Лиснянской? Вопрос, кажущийся наивным, на деле является главным. «...истинный поэт от другого поэта перво-наперво отличается музыкой», – говорила Лиснянская. Не сходства, а различия диапазона и регистра и уникальность тембра являются порукой и гарантией того, что имярек застолбил свое место в «другой музыке». Липкин любил повторять, что остаться в русской поэзии одной строчкой – недостижимое блаженство. Добавим, что эта символическая «строчка» может по-разному откликаться во времени и пространстве и перекликаться с ними. «Однозвучно гремит колокольчик» и «Добро должно быть с кулаками»; «Я лиру посвятил народу своему» и «Я люблю смотреть, как умирают дети». Таких ярко оппозиционных пар можно привести множество.

В чем же неповторимость поэтики Инны Лиснянской? Преемственность с Серебряным веком? Но не слишком ли много его наследников в XX столетии и начале XXI столпилось у стола того безвидного нотариуса, который раздает справки о гениальности и лицензии на бессмертие? И куда при этом девается век золотой? Не из пробирки же появился Серебряный. Не от «банной мокроты» завелся, как Смердяков. Литературоведы до сих пор не дали четкого, не разбегающегося, как лесные тропы, определения поэзии Серебряного века. Почему все уцелевшие в исторической человекомешалке XX века поэты далеко переросли свои молодые фантазии? Куда мы отнесем И. Бунина, В. Набокова-поэта, В. Ходасевича, В. Хлебникова и уж подавно – М. Цветаеву? Вернее будет повторить слова Бердяева об общекультурном Ренессансе в России на рубеже веков. Но этот мощнейший всплеск круто замешен на декадансе и модернизме. Какое отношение к тому и другому имеет классический стиховой и традиционно христианский духовный строй Лиснянской? Там, где нет целостной системы, можно говорить лишь об отдельных ее частях, что повсеместно и происходит.

В случае Лиснянской правильнее, на мой взгляд, опираться на формулу «русское мировоззрение», разработанную Семеном Франком: «Своеобразие русского типа мышления именно в том, что оно изначально основывается на интуиции. Систематическое и понятийное в познании представляется ему хотя и не как нечто второстепенное, но все же как нечто схематическое, неравнозначное полной и жизненной истине. Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных... собственно, литературной формой русского философского творчества является свободное литературное произведение, которое лишь изредка бывает отдано однозначно определенной философской проблеме, – обычно это произведение, которое, будучи посвящено какой-то конкретной проблеме исторической, политической или литературной жизни, попутно освещает глубочайшие, кардинальные мировоззренческие вопросы».

Инна Львовна постигала мир сугубо интуитивно, как всякий поэт. Но при этом на своей принадлежности именно русскому миру в парадигме С. Франка настаивала многократно и в стихах, и в беседах, и в письмах дочери, которые составили эту книгу: «Я – русская, мне больно за этот народ». Многокровность, генетическая многосоставность и культурная многоканальность в данном случае нисколько не противоречат такому утверждению. Подчеркивавший свое еврейство Мандельштам неукоснительно считал себя русским поэтом, как и полуполяк-полуеврей Ходасевич, как все, кто числил себя по «ведомству» языка и культуры,

а не «крови и почвы». Правоверный иудей Липкин учил основам христианского миропонимания коммунистического функционера.

Фразу Иосифа Бродского о «чрезвычайной интенсивности» стихов Лиснянской Семен Липкин подкорректировал: «Это, скорее, поэзия чрезвычайной виноватости...» На его поправку ссылались чаще, чем на 5-ю поправку к Конституции США. Но никто так и не удостоился пояснить, что же имел в виду мудрейший Семен Израилевич. Ведь одна «мастерица виноватых взоров» в русской поэзии уже была: так называл Мандельштам Марию Петровых. В стихотворении Лиснянской 1992 г. «Привыкла тетка здешняя» это кредо выражено максимально полно:

У всех свои занятия
И заработок свой,
А я всех виноватее
Пред ними и собой.

«Жизнь начинается с самозабвения» (Лиснянская); «Христос весь есть не для себя» (св. Феофан Затворник). Переключек с Евангелием и учением Святых Отцов у Инны Львовны не счесть. Насколько мне известно, она была усердным читателем Библии. Однако не начетничеством силен поэт. Просто способ мышления из всех возможных был выбран именно этот. Но почему именно вина стала лейтмотивом поэзии Лиснянской? «Я настолько себя не люблю, что с удовольствием бы была от себя подальше» (из письма). Нет ли здесь той невротизации, которая как раз во многом была присуща поэзии Серебряного века?

На дворе, где в кресле сидит неврастеник
С горькой думой о родине как о ночлежке.

Иногда – особенно в письмах – такое подозрение прорывается наружу: «Видимо, чувство вины перед всеми – мое безумие. Иногда я себя охлаждаю фактами, доказывающими, что виновата не я вовсе». Но невротизм никогда не дает столь последовательных творческих приобретений, которыми отмечена муза Инны Лиснянской. Вообще искать в поэзии любовные аллюзии со Священным Писанием – дело не самое здравомысленное. Поэзия – не проповедь и не богословский трактат. Она попущена человеку именно для выражения всей вариативности и многомерности мира и разнонаправленности странствий души по нему. Поэзия – преимущественно душевный опыт, хотя и с духовными прозрениями.

В одном интервью Лиснянская сказала, что писание стихов – это избавление от безумия. И все же наиболее продуктивно рассматривать «виноватость» в поэзии Инны Лиснянской как вид метанойи – «переосмысления», характерного и для покаяния, и для психологической трансформации, для любого разумного усилия. И «вина» является лишь метафорой качественного «изменения ума». В книге «Сны старой Евы» можно найти парадоксальные объяснения этого состояния. С одной стороны: «Я сама оговорила / Жизнь мою, – не так все было, как в моих стихах» (2006). С другой стороны: «Грехи донимают, – сторонним не видимы глазом, – Но легче их преувеличивать, чем не дочесть» (2005).

Отнести поэзию Лиснянской к метаноическому типу дают основание десятки стихов и беспрецедентно мастерский венок сонетов – «В госпитале лицевого ранения»:

И жаль душе не то, что я отрину,
А то, чего душа не обретет.

О больших циклах и поэмах Лиснянской следует размышлять особо. В рамках же короткого предисловия к эпистолярной книге лишь заметим, что в цикле «Постскрип-тумы» (1982) появляется явственно «бродский» ритмический рисунок и прорисовывается сквозной в поэзии И. Лиснянской образ зеркала:

Этот, четвертый, постскрип-тум про то
Зеркало, где я никто и ничто,
Зеркало, где отражения нет, –
Лишь от алмаза змеящийся след.

Инфернальная нота (в зеркалах, как известно, не отражаются вампиры) здесь – след той же самой «виноватости», желания стать невидимкой. Конечно, в зеркалах Лиснянской посверкивает «зеркальце» Ахматовой. Об одном из самых повторяемых образов Анны Андреевны написаны горы текстов. Целая книга Аллы Демидовой называется «Ахматовские зеркала». И «Черный человек» Есенина здесь возникает не менее правомерно. Но поэзия вся – гулкая переключка поэтов. Ни одно поэтическое клише не застраховано от вечного повторения на другом уровне и вечного обновления, даже какое-нибудь самое замыленное «ручей журчал» может быть поставлено в совершенно новые условия взаимодействия с другими словами и моделями. Поэзия антиинерционна и противоамортизационна. В этом шансе на обновление и заключается ее волшебная сила. И одна из лучших книг Лиснянской носит название «Дожди и зеркала».

Каждый знает, что в разных зеркалах мы отражаемся по-разному, иногда становясь неузнаваемыми. Ахматова и Есенин эти искажения и анализировали, проецируя их на себя и эпоху, в которой жили. В зеркалах Лиснянской, в которые первым вслед за ней заглянул Ст. Рассадин, мне видится скорее переключка с Цветаевой:

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...

Лиснянская по творческой натуре – не победитель, но и не жертва. Она – «принима-тель», «оправдатель», локализатор:

Время делю я всего на четыре части
Года: мне страшен вечности произвол.

Самоумаление растворено в крови человека христианской цивилизации. И одно это уже знаменует перерастание Серебряного века – века нарциссического культа и гиперэго. Только поздний классицист Ходасевич отрекся от себя, усомнился в своей стеклянной копии – опять же стоя у зеркала: «Неужели вон тот – это я?» Лиснянская переключается и с этим мотивом неузнаваемости и неузнанности:

Ты всматривалась в зеркала
И подлинного отражения
Никак найти в них не могла.

Семен Израилевич любил рассказывать историю, которую Инна Львовна приводит в одном из писем дочери: «Мне вспоминается, как секретарь райкома, когда нас вызывали, возмутился словами Семена: “Время со времен Рождества и т. д.” Он завопил: “При чем тут Рождество?” А Семен спокойно ответил: “Хотите Вы этого или не хотите, но в России календарь ведется летоисчислением со времен Христа. И я, и Вы живете по этому календарю”. Я видела, как у этого секретаря со значком университетским на лацкане глаза выпучились и на мгновение застыли. Он каким-то утробным нюхом понял, что это не вызов, не издевательство над ним, а правда. И эта правда его потрясла».

В «Снах старой Евы» – книге, во многом итоговой, Лиснянская суммирует и свои «зеркальные» опыты: «И в каждого глядела, словно в зеркало». И буквально в следующем стихотворении книги фиксируется основной признак зеркала – скользкость, неверность поверхности:

Ах, что за жалость – что зеркало, что гололедь, –
Скользкие вещи, – на них нелегко уцелеть.

Изменчивость, *смываемость* зеркального отражения приравнивается к ходьбе по льду: и то и другое чревато серьезными травмами, подчас несовместимыми с жизнью. Зеркало в мире Лиснянской, мире, рассчитанном судьбой на долгое нелинейное наблюдение, постепенно прозрачнеет и превращается в окно:

Поверхность дает мне больше, чем надо.
Глубина не дает ничего.

И чем локальнее становится обзор, тем яснее и полновеснее вид: «Но как красиво в окне! Надо сказать, что Рильке, перенесший свое, я уверена, детство в Данию, потом долго живший в Париже, окну придавал крупнейшее значение и чаще – положительное, чем мрачное. Какая благодать – смотреть даже в зарешеченное окно...» Непрозрачность зеркал полностью искупается перспективой промытого дождями и солнцем окна, прозрачного до всевидения и всеведения:

В меня, словно в оконное стекло,
Да и как в зеркало ты посмотри...

Лирическая душа этих стихов с каждым годом все проще относится к собственному отсутствию в мире, ограниченном окном, но не обкорнанном ножницами своего «Я»:

А птицы, а листья летящих дорог
Без нас хороши в золотистом окне.

Метонимически способностью летать в ракурсе стихотворения обладают не птицы и листья, а именно дороги. В повести Чехова «Моя жизнь» управляющий говорит подчиненному: «Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели». А подчиненный отвечает начальнику: «Вы слишком льстите мне, ваше превосходительство, полагая, что я умею летать».

Это не «Аптека. Улица. Фонарь» в их безнадежной статичности и несменяемости. Это вечное движение природы, сегменты которой попадают в поле зрения краткосрочного человека. У Лиснянской «С окном окно и с фонарем фонарь» говорят, как лермонтовская «звезда с звездою». Образ оконного переплета постоянно напоминает нам об ограниченности не

просто кругозора, но земного срока. И чем старше становится так называемая лирическая героиня, тем приятие этой ограниченности становится все более органичным:

А что на картах? – Гробовая глыба.
А что за гробом? – Музыка и берег.

Одна из книг так и называется: «Музыка и берег». Но мир в пределах окна не аутично замкнут, но в любой момент может открыться и впустить вечного путника – законный пейзаж:

Окна я растворю – пусть согреется ветер немного,
Двери я растворю – пусть заходит трудяга-дорога...

II

«Гулять, целоваться, стареть...» – триада Ахматовой образца 1914 года потеряла во времени третий глагол: Анна Андреевна избегала темы старости и отказывалась изображать себя старухой. Блок в 19 лет написал «Я стар душой», в 28 вопрошал: «Или вправду я слаб уже, болен и стар?» Есенин в 25 лет уповал:

Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Лиснянская преодолела и этот страх. В образе старой Евы она описала и все последствия первородного греха, и его искупление, и всякий раз заново творимый любовью горней и губимый дольней страстью рай. Такого гимна убывающей жизни, утрате жизненных сил и приобретению взамен пушкинских недостижимых «покоя и воли» в русской поэзии до этого не было. Была тютчевская поздняя страсть, было много ювенильного самолюбования, когда разговоры о старости либо кокетливы, либо порождены страхом неизбежного умирания. Эту тему прекрасно проанализировал Д. Полищук. Не станем повторяться. У Лермонтова в «Дарах Терека» «старец-море» Каспий не устоял, принимая от буйной реки «труп казачки молодой». Инна Лиснянская два базисных состояния человека называет своими именами и атрибутирует:

Молодость – время, а старость – место...
Молодость – действие, а старость – греза...

После бунинских «Темных аллей» преображенный Эрос, изжитый страданиями и испытаниями стыд эдемской наготы, ставшей вдруг очевидной, становится живородящей природной силой, как в стихотворении «Первое электричество», не имеющем поэтических аналогов, кроме пушкинского «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем»:

Электричество было открыто еще при Адаме и Еве:
Он входил в ее лоно так плотно, как штепсель в розетку.
Как светильники быта, плоды на познания древе
Загорались их страстью, приняв золотую расцветку
Волосков напряженных, под коими синие вены
Трепетали разрядами молний...

По иудейскому счислению Адам прожил 930 лет. Это в пересчете практически столько же, сколько прожил Семен Липкин (96 лет). В Библии отсутствует описание жизни в раю. Только сад невиданной красоты. Этот сад своего подмосковного рая созерцала и слушала лирическая героиня, неустанно описывая его четырехкратную ежегодную новизну. Ева вышла из Адама до совершения греха, о чем часто забывают. Но имя свое Праматерь получила от Адама уже после грехопадения. Христос за руки вывел из ада Адама и Еву вместе с ветхозаветными праведниками. В каком-то смысле стихи Лиснянской суть слезное покаяние Евы, свидетельства о котором хранит церковное Предание, и плач Праматери о перебравившихся до смертоубийства детях:

Мать в безумии, – Авель убит,
Каин в каторге, время летит, –
Память, пуля, метеорит...

В «Зимней дороге» Леонида Юзефовича есть мысль о том, что дух времени сильнее личного опыта. В молодости, наверное, так и есть. Стихи Инны Лиснянской убеждают, что возраст рано или поздно приводит эти две опорные величины в соответствие. И соответствуют они двум музам – Клио и Эвтерпе, музам истории и поэзии (и музыки, которая, по Лиснянской, от поэзии неотделима). Но ведь и Клио первоначально была музой героической песни и, согласно главному мифографу Эллады Диодору Сицилийскому, греческое имя Клеос получила потому, что воспевание в поэзии дает восхваляемым великую славу. Стала легендой привязанность Инны Львовны к компьютеру, который она освоила в весьма пожилом возрасте, когда куда более молодые соседи по Переделкину только робко присматривались к непостижимой машине, боясь прикоснуться к клавиатуре. Но Лиснянская еще в 1997 г. поняла, что показывает это окно:

...Клио в тысячелетие третье
С компьютером входит. И нам, недобиткам,
Придется ее рисовать не со свитком
И даже не с зеркалом.

Эпоха зеркал сменялась эпохой не просто окна – каскада компьютерных окон. А никем не прочитанный образ *крещеной Эвтерпы*, глаза у которой «так черны и круглы», родился еще в 1991-м, когда кое-как налаженный мир в очередной раз ломался и крошился, словно сухари, которые в пору «Дождей и зеркал» «сгорели в духовке».

Эвтерпа – самая прекрасная из девяти сестер, дочерей богини памяти Мнемосины, увеселительница в венке из живых цветов и с двойной флейтой или с лирой (арфой), как у Гаврилы Державина:

Пой, Эвтерпа дорогая!
В струны арфы ударяй,
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай.

На лире, положим, Эвтерпе аккомпанировал Орфей. Но с одной из флейт – авлосом, согласно мифу, не справилась сама Афина: не смогла выдуть отдаленного подобия мелодии, а Гера и Афродита над ней потешались. Эвтерпа справилась. «Меняется все – отношение к ходу истории, к деяниям царей, пророков... Но миф остается неприкосновенным», – гово-

рила Лиснянская. Но одним лишь эпитетом «крещеная» сама же посягнула на мифологическую инвариантность, постигнув, что наступили времена, когда

Меж фактом и мифом, быльем и историей
Разрушена ткань.

Но ведь слово «музы» (μοῦσαι) переводится как «мыслящие». И Эвтерпа давно перестала увеселять, особенно там, где обнаружилось «много Авеля и Каина». Слишком много, даже больше, чем «наследников» Серебряного века. В выписках грека Досифея Магистра из латинянина Гигина Эвтерпа именуется музой трагедии, а поэзией «заведует» Каллиопа – мать Орфея. «Крещеная Эвтерпа» лишней раз подтверждает неотъемлемость высших образцов русской поэзии от христианского мировоззрения, невзирая на личное исповедание. Ведь и Ева не была христианкой, но почитается в сонме святых.

Как это обычно и бывает, найденная метафора, практически полностью покрывающая весь свод творчества, проброшена, как случайная обмолвка, затеряна среди куда более броских строк и тропов. И только внимательный читатель зацепится за эту неприметную вешку и вытащит из нее полносмыслие. Так случилось и с «крещеной Эвтерпой» – самым, на мой взгляд, емким образом русской поэзии, местом ее в мире людей и того, что бесконечно выше людей, и местом в ней Инны Лиснянской.

Неповторимость ее поэтического голоса заключается в вере. Вере в то, что рай не потерян Евой безвозвратно, но обретаем в любви, памяти и раскаянии, напоминающем о себе «виноватостью». Эта вина часто кажется чрезмерной, но как никто не судья человеку, кроме Бога, так никто не может поставить и счетчик суда человека над самим собой, кроме самого кающегося человека:

Голос, в котором рай не утрачен,
Где мы не врозь еще, а вдвоем.
Зеркало, что ж мы так остро плачем,
Будто не память – себя толчем.

О диалектике отношений матери – Инны Лиснянской – и дочери – Елены Макаровой – написано в предисловии этой необыкновенной книги. Я же скажу только, что и здесь Лиснянская-поэт пошла дальше других, сказав такую полную, не прикрытую никаким гримом самооправдания правду, что добавить к ней нечего:

Я из тех, кто собственное слово
Любит больше собственных детей.

И все же эта книга – о любви. Две женщины, разлученные исторической стремниной и объединенные памятью потерянного Эдема, разговаривают на немислимо высоком и при этом всем понятном языке. Это язык свободы, рожденной в неволе биологических и моральных, неотменимых для женщины обязательств. Но одна из них – старшая – обладает еще и виноватым и бесстрашным голосом русского поэта и вечной лирической молодостью, фантастически сочетая в себе «крещеную Эвтерпу» и Клио с компом.

Пой, Эвтерпа молодая!
Прелестью своей плени;
Бога браней усыпляя,
Гром из рук его возьми.

Лавром голова нагбенна
К персям склонится твоим,
И должна тебе вселенна
Будет веком золотым.

В поэзии Инны Лиснянской золото сплавлено с серебром. Такой природный сплав назывался в древности электрум – по-древнерусски «илектр». Он обладает колоссальной износостойкостью. Архимандрит Никифор, составивший «Библейскую энциклопедию», обнаружил описание электрума у пророка Иезекииля и так откомментировал: «пылающий металл, или блестящий кристалл, или просто нечто блестящее, сияющее, как раскаленный, огнем пылающий уголь». «Угль, пылающий огнем» «водвинул» в грудь пророка шестикрылый серафим в стихотворении Пушкина.

И видел я, гласит Иезекииль, как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его вокруг; в каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом (1: 27–28). Вот чего лишают себя те, кто не читает стихов!

Марина Кудимова

Долгоиграющие письма

Мама, с юности мечтавшая о далеких путешествиях, обклеивала чемоданы этикетками иностранных авиалиний. Увы, душевная болезнь, сопряженная с различными фобиями, превратила ее в домоседку. Однако в периоды просвета она выходила в свет и смотрела на него, как новорожденное дитя. Зрячий, широко открытый глаз все вбирал в себя, слепой, потухший был направлен в ночь, в темные бездны души. Физическая травма, полученная при рождении, в каком-то смысле определила дуальную сущность мировоззрения – одномоментность света и тьмы, мгновения и вечности. Мама-поэт мыслила парадоксально, эту ее земнонебесность держала в рамках классической формы стиха. Религия дает свободу свободным и закабаляет рабов. Классическая форма стиха была маминой религией, в ней она царила.

Письма мамы обращены к моей жизни, изменившей с весны 1990 года почтовый адрес и теперь отражающейся в окнах разных домов, городов, стран и даже материков. Свитки факсовой бумаги с обеих сторон исписаны бегущей строкой с креном влево – мама была левшой. Она, умевшая отрешиться от событийности и вместить мысль-чувства-видения в капитальное строфическое здание, в письмах отдавалась потоку событий, мыслей и чувств.

Стихи возникали вдруг. Изнуренная длительной немотой, мама теряла веру в себя. И когда наконец являлись слова, стихи писались один за другим, до опустошения. Мама завидовала прозаикам – какое счастье – утром продолжать с той точки, на которой остановился вечером. Наша разлука в этом смысле была маме на руку – она могла писать каждый день. Из письмописаний родились повести «Отдельный», «Величина и функция» и автобиографический роман «Хвастунья». Да и стихи 90-х годов проклеивались из той же скорлупы. Большая их часть опубликована, некоторые «импровизации на тему» остались в письмах. Это те же «Египетские ночи», которые мама под настроение устраивала для друзей и близких, рифмуя вслух на предложенную тему в духе разных поэтов и поэтических школ, – с той лишь разницей, что тему я не заказывала, она выявлялась сама.

Мама с папой сверяли полученную обеими сторонами информацию, зачитывали друг другу по телефону выбранные места из переписки. Семену Израилевичу подавались «живописные картины» Израиля, рассуждения о жизни и литературе и пр. Некоторые образы нашли место в их стихах. У мамы – цветок алоэ, у Семена Израилевича – «коржиком верблюда кормит бедуин».

Мы уехали в Израиль 20 марта 1990 года. В ноябре мама с Семеном Израилевичем приехали в Иерусалим по приглашению главы правительства, жили в роскошной гостинице с видом на Старый город. Семен Израилевич был счастлив, мама же пребывала в тревоге. Всю жизнь перед сном она читала Библию, и оказаться вдруг в Библии стало невыносимым для ее души потрясением. Иерусалим не задался. В Тель-Авиве все успокоилось, мы гуляли по берегу моря и даже ходили в гости.

С 2003 года, после смерти Семена Израилевича, мама поселилась в Книге надолго и теперь с липкинской мудростью перелистывала страницы Бытия. «Иерусалимские тетради» рождались в поездках на Кумраны, в Тимну и Галилею, в прогулках по оливковой роще близ монастыря Креста – мы жили неподалеку оттуда. Мало того, случилось Иерусалимское чудо – мама стала самостоятельно выходить на улицу. Ей нравилось ходить за покупками, благо магазины были на углу, улицу переходить не надо. Однажды мама вернулась из похода в новой шляпе. Вид победоносный. «Сама себе купила!» – повторяла она, крутясь перед зеркалом.

В 2007 году мама потеряла на море обручальное кольцо, и я отдала ей свое золотое колечко. Мы «обручились», и она сказала: «Я твоя удочеренная мать». В этой шутке была доля истины. Мама-поэт была и остается для меня недостижимой величиной, а мама по

жизни – маленькой беззащитной девочкой. Поэтому и разлуку она переживала столь болезненно, как потерю части себя, как ампутацию.

Мама мечтала, что когда-то мы будем жить вместе и читать вслух наши письма. Мечте не суждено было осуществиться по той простой причине, что мои письма мама сдала в РГАЛИ. Свои письма, уже в электронном виде, она перечитала за год до кончины.

Копии своих писем я получила в архиве после маминой смерти. Читая их спустя много лет в одиночестве отстранения, я поняла, насколько многоярусной была наша связь: мать – дочь, великий поэт – нерадивый писатель, интроверт – экстраверт, глубина – широта, усидчивость – неугомонность и т. д. При этом невероятная близость, часто ранящая нас обеих. Чувство вины, раздиравшее маму всю жизнь, приносило в наши отношения «миндальную горечь». Я словно бы нарочно писала ей обо всех своих успехах, касающихся работы, а не литературы. А мама была из тех, кто «собственное слово любит больше собственных детей», и ей хотелось, чтобы и я не расплылась по проектам и исследованиям, чтобы не варила обеды на всех в дом приходящих, чтобы жила как писатель. Мама ни на что не умела смотреть чужими глазами, только своими, только сквозь собственную призму. И она не могла себе представить, что меня на самом деле не интересует вопрос, кто я.

Помню, как в метропольские времена я пыталась вытащить одного мальчика-сироту из интерната для умственно отсталых, мама на мой рассказ отреагировала примерно так: «Конечно, мальчик куда важнее нашей литературной возни». Больше я ей о нем не рассказывала. Понятно, все умрут, литература останется. Но останется ли она в ней? Этот вопрос не давал ей покоя. Нас волновали разные вещи. Мама считала, что у меня комплекс непризнанного писателя, и очень за меня переживала, считая несправедливым такое суждение света, в котором сияла ее слава в последние годы.

Будучи самыми близкими людьми, мы двигались по одной и той же орбите, но в разных траекториях: мама – в центростремительной, я – в центробежной.

Читая Рильке – «Записки Мальте Лауридса Бригге», мама пишет мне: «Детство свое надо завершать, иначе от него останутся одни страхи и оно не способно переходить в будущее. Детство свое надо завершать – это его слова, остальное прочитывается. Даже любовь надо завершать, – это уже я говорю, – если любовь прерывается насильственно, от нее на всю жизнь остается незаживающая ранка».

Как завершить детство? Как завершить любовь?

* * *

В эту книгу, охватывающую переписку с 1990 по 2000 год, включена лишь треть писем. Это объясняется требованием к формату издания. Пытаясь смотреть на тексты своими и мамиными глазами, я сделала сокращения и внутри самих писем. В основном они касаются лечения, пересылки необходимых лекарств, обсуждения материальных проблем, которые остро стояли перед всеми в период дефолта; также убраны повторы или краткие изложения писем, которые по какой-то причине не достигли адресата. Убраны почти все письма, где говорится об отношениях с моим отцом, где даны неллицеприятные характеристики, касающиеся людей из близкого окружения, а также подробнейшие разборы моих прозаических произведений. Ну и окончания писем с миллионами поцелуев, знаками бесконечности и объятиями. Последнее приятно, но привело бы к бесконечным повторам.

Также в книгу не включены письма Семена Израилевича, написанные на оборотной стороне маминых, письма мамы к внукам Феде и Мане и моему мужу Сереже.

Мама писала свитки в 8 метров длиной – с обеих сторон, – в те годы в факс-машину заправлялись рулоны, и мама, узнав, скажем, что кто-то поедет в Израиль через месяц, писала весь месяц. Иногда письма запаздывали на несколько месяцев, иногда она отправляла

короткие по почте или еще с кем-то вдруг, – так что расстановка наших писем по датам все равно не дает ощущения диалога, мол, спрашивайте – отвечаем.

Перемещение эпистолярного наследия из страны в страну иногда происходило быстро, иногда долго. В промежутках мы беседовали по телефону. В Переделкине мама ждала моего звонка в условленное время. В какой бы стране я ни находилась и чем бы ни занималась, в указанный час была на пункте связи. В 1997 году я возглавила проект Центра Визенталя, в Иерусалиме мне предоставили офис с телефоном, откуда я могла подолгу говорить с мамой, а главное – слушать новые, только что написанные стихи. Все новости обсуждались по телефону. Характер писем изменился – они стали похожи на очерки, из которых выростала ее проза.

«Долгоиграющие письма» мамой не перечитывались. Этот дневник в письмах писался для нас обеих. Он служил нам подспорьем, в нем длилась наша жизнь.

Из своих писем я отобрала те, что более ярко выявляют связь времен и событий. Или – не связь – по контрасту.

Елена Макарова

Переписка Инны Лиснянской и Елены Макаровой

*Мои свитки не выбрасывай,
когда-нибудь, надеюсь,
жить будем рядом,
вот и почитаем друг другу,
я – твои письма, ты – мои.
В них все наши
достоинства и недостатки
живут своей жизнью.*

26.3.1994

1. И. Лиснянская – Е. Макаровой 12 апреля 1990

12.4.90

Дорогая моя доченька! Пишу тебе первое письмо, а ведь могла уже давно написать на адрес Билла¹, да не было душевных сил писать в такое далекое отсюда место.

Всякий раз, когда слышала по телефону твой голос, полный ликования, радовалась за тебя, детей, Сережу. Радуюсь и пиша это письмо. Но радость моя умственная, душевной, видимо, во мне нет вообще все последние годы. Не умственны – только мои слезы. Это не в прямом смысле, это метафора. Это, увы, в стихах и т. д. и т. п.

«...» У нас сейчас дождь, сижу перед пасмурным окном в роскошном номере нового корпуса. Березы, ели – и часть крыши коттеджа – напротив. Это еще терпимо. А вот сидеть перед телевизором – сплошная жуть. Все агрессивно разваливается (соединяется!), большой отход вижу на консервативные рельсы. «...»

Я и представить себе не могла, что так остро буду тосковать по тебе и детям! Ведь мы так мало, в сущности, бывали вместе. Не то что папа! Честно говоря, не знаю, кто из нас больше тоскует! У него – шанс на встречу куда реальнее моего. К тому же в нем больше повседневности, чем во мне. Это было всегда. Оба мы с ним эгоцентрики, но разные. Ой, какие разные! Я старалась при прощании забить зияние в душе игрушкой – телефонной трубкой, держалась как могла веселей и в аэропорту. А как только вы скрылись из виду, так я устроила рыд до такси, в такси и далее. «...» В Москве и в Ленинграде победил «Демсоюз», но партаппаратчики такие чинят им препятствия, такие погромы, пока особенно в Ленинграде, что вообразить трудно, как Моссовет и Ленсовет сможет сопротивляться. О Литве все ясно. Наверное, ты видишь или слышишь по радио. Весь мусульманский мир взбунтовался и требует, чтобы в Израиль наши не выпускали евреев, чтобы Америка открыла въезд.

Как хорошо, что у Сережи есть работа и сейчас и в перспективе. Манька – учится, ура! А как она осваивает язык? Насчет Феди я в этом плане спокойна, уверена. Я сейчас

---

¹ Вильям (Билл) Гросс, знаток и коллекционер иудаики, на то время наш единственный друг в Израиле. Он и его жена Лиса встречали нас в Хайфском порту. Семья Гросс опекала нас и наших друзей, прибывших в Израиль. В ноябре 1990-го мама и Семен Израилевич были гостями их дома, мы вместе приезжали отмечать 80-летие С. И. в Москву. Имена Билла и Лисы фигурируют на многих страницах писем.

не в состоянии им написать писем. Но ты, детка, передай им от бабушки привет и всякие хорошие слова.

Моя «огоньковская» книжка² в киоске будет через 2 недели, тогда и пошлю. А впрочем, когда не пишется, мне это все безразлично. Попросила Машку³ перепечатать мою работу «О поэме без героя»⁴, сверить цитаты. Потом – сдам. М.б., найду силы вычитать. У Машки болят глаза, видно она их натрудила на очень долгой и объемной перепечатке Семеновских книг. Будет печатать медленно. <...> Я здесь ни с кем не общаюсь, никто ко мне, и я ни к кому. Пытаюсь читать, но внимание рассеянное. И мысли все вне меня, все мысли сосредоточены на других – Семене, Люде⁵ и т. д. Уже не говоря о Вас. Хотя я, действительно, умом счастлива, что Вы не рядом. Но «куда идти и с кем торжествовать», – строка из Ахматовой.

Ладно, моя ласточка! У меня все придет в норму. Прости меня за это письмо великодушно! Нытье пройдет, уже это бывало. И может быть, Муза меня пожалеет и снизойдет до меня.

---

² Воздушный пласт. – М.: Правда, 1990.

³ Маша Лыхина, Мария, Машер – друг семьи.

⁴ Музыка «Поэмы без героя» Анны Ахматовой. – М.: Худ. лит., 1991.

⁵ Племянница Семена Израилевича, живущая в Израиле.

2. Е. Макарова – И. Лиснянской 13 апреля 1990

13.4.1990

Сегодня пятница, с четырех часов жизнь замирает, транспорт не ходит до субботы, 8 часов вечера, у кого нет машин, называются тут узниками Сиона. Можно гулять пешком, это пожалуйста, передвижение пешком тоже приятное дело, в прошлый раз мы дошли от нас до старого города, а вот обратно возвращались на такси. Мы живем на крутом холме, в трех км от Вифлеема, но в Вифлеем не ходили, поскольку туда надо идти через арабские поселения, а это не рекомендуется. На машине можно. Вот так мы ходим себе по святым местам, утром просыпаемся – в окне, в низине – Иерусалим, из окна видна гора Моше (Моисея), кажется, так близко, а идти часа два. Из-за гор и долин город кажется вывернутым, вогнутости и выпуклости как бы все должны быть поменяны местами, чтобы выстроилась нормальная прямая перспектива или нормальная обратная. А так это совершенно неевклидово пространство. Само пространство – мистическое, а Иерусалим – как бы в его центре. Быстро понимаешь, что город небольшой, кажется, его можно изучить за короткое время, как Прагу, но оттого, что он выстроен ярусами, в нем большая глубина и вместимость. Ходят по нему самые разнообразные люди, есть свои сумасшедшие, как везде, но все-таки преимущественно люди красивые, породистые, легкие, все говорят, как нелегко в Израиле, какая бюрократия, как сложно жить в стране, где одна сплошная алия из разных стран, где Европа и Азия, Африка и Америка, советский союз и Австралия, – где негры, китайцы, эфиопы, советские, французы и Бог знает кто говорят на родном языке – иврите – это своего рода курьез XX столетия. Понятно, что развиваться здесь должна в первую очередь ивритская литература, а она еще в пленках, что все мы должны стать ее фундаментом, а вот уже наши дети – ее творцами, а может, внуки?

Я не пишу о том, что страшно скучаю по тебе. Думаю, ты можешь судить об этом хотя бы потому, что все время пишу письма. Наверное, со временем буду скучать и по дому (оставленному), но сейчас нет. Мы с Сережей⁶ вчера обсуждали, что же мы чувствуем здесь. Решили, что огромное освобождение. А вот от чего – так и не сформулировали. Это действительно, несмотря на то что здесь чокнутая система, практически мы живем без правительства, непонятно, что будет в политической жизни, и при этом солнце, цветы, еда, работа, дети⁷, которые так изменились за месяц, даже ты бы их не узнала, они стали спокойными, сытыми какими-то, что ли, учатся, гуляют, читают, как и дома, но иначе совсем⁸.

---

⁶ Сергей Макаров.

⁷ Федор и Мария (Маня).

⁸ Мечта детства – прожить в одной жизни две – осуществилась. Мы поселились в Иерусалиме. В апреле я начала работать в мемориале Яд Вашем над выставкой и каталогом «От Баухауза до Терезина». Самым трудным испытанием стала разлука с родителями. У меня их было трое – и все поэты – папа, Григорий Корин, мама – Инна Лиснянская, и Семен Липкин. Поэты – небожители, и земная жизнь для них – открытая рана. Мне, не знаю уж кем, была предоставлена роль врачевателя, и я, как могла, с ней справлялась. (Про любовь молчу, это и так понятно.) И тут медпункт переехал за тридевять земель. Наладить расторгнутую географией связь помогали письма и телефонные звонки.

3. Е. Макарова – И. Лиснянской Апрель 1990

Дорогая мамочка, люди отсюда все едут в Москву, я посылаю со всеми письма, но не знаю, сколько вы уже их получили. У нас, слава Богу, все хорошо. Феде нравится школа, кроме учебы их возят по стране, кормят изрядно и даже, говорят, там можно будет ночевать, если захочется, но Федя пока не желает, скорее это для тех ребят, что живут далеко.

У нас новый компьютер, и телевизор, который показывает израильские новости, которые на иврите звучат «Идиот Ахранот»⁹. Идиот – новости! Хохма – мудрость, кабала – счет. Мы с Сережей еще не приступили к ивриту, а Манька выучила алфавит, Федя уже потихоньку читает.

Выставка¹⁰ будет прекрасной, надеюсь. Уже все есть из Праги и Израиля (Фридл и детей), в середине мая пришлют картины из Швейцарии, есть еще из Штатов, и еще в мае пришлют работы из Баухауза и Штатов (Калифорния). С будущей недели приступаю к каталогу, все сложности пока с переводами, т. е. они есть, но их надо сверять, текстов много, все нужно сверять с оригиналами, а оригиналы – русские, чешские и немецкие. В этом плане Израиль удача, поскольку здесь можно найти людей, знающих все языки, какие угодно, а есть люди, у которых три родных языка, например, моя терезинская подруга Маргит родилась в Вене, жила в Праге с 20 лет, потом в Лондоне, а потом здесь. И так многие здесь. Вообще, каждый человек в возрасте – это роман. Как географический, так и этнографический.

Я постриглась, все в восторге. Слева все сострижено, справа – до скулы ровные волосы. Дикая эффект. <...>

В автобусе встретила женщину, в которой узнала девочку Вету из нашего бакинского класса, она приехала четыре месяца тому назад сюда с подслеповатой матерью и психотической девятилетней дочерью. Сегодня три часа с ними гуляли, надо как-то им помочь, но здесь все это нелегко, не проще, чем в Москве, только иначе. Вообще же дети здесь прекрасные, свободные, и даже эта больная девочка чувствует себя в школе хорошо, может, как-то и обойдется, хотя ей нужна спецшкола с индивидуальной программой. Еще меня тут попросили посмотреть одну девочку. Боюсь, что после выставки вернусь к своей профессии, хотя и не боюсь, мне бы больше хотелось заниматься Фридл. Увидим.

Первые дни в Яд Вашем¹¹ я очень уставала. Приезжала и заваливалась спать. Потом поняла почему – другой язык. Целый день говорить по-английски, не болтать, а по делу, требует пока определенного умственного напряжения. Вчера я позвонила домой и говорила с Сережей по-английски, а потом поняла, что что-то не то. Вчера же переводили с Маргит¹²

⁹ «Ахранот» – последние (ивр.).

¹⁰ Выставка «От Баухауза до Терезина», посвященная художнице и педагогу Фридл Дикер-Брандейс и ее ученикам. Моя героиня родилась в Вене 30 июля 1898 года, училась в частной школе Иттена, затем в веймарском Баухаузе (1919–1923). В 1922 года начала преподавать студентам «Вводный курс» Иттена. Работала в разных областях искусства: скульптуре, графике, живописи, дизайне и сценографии. В 1934-м, после правого путча в Вене, была арестована за «подрывную деятельность». После освобождения из тюрьмы уехала в Прагу, где в 1936-м вышла замуж за кузена Павла Брандейса. В 1938 году супруги переехали в Гронов, откуда 17 декабря 1942 года были депортированы в Терезин. Там Фридл жила в детском доме для девочек. 6 октября 1944 года Фридл была депортирована в Освенцим, где погибла 9 октября 1944 года. 5 тысяч рисунков, выполненных детьми на занятиях с Фридл, вошли в сокровищницу мировой культуры. До недавнего времени произведения самой художницы оставались в тени. Ныне, благодаря выставкам и монографии, они получили признание.

¹¹ Яд Вашем (הַיָּד הַשְּׂחֵדָה; мемориал), израильский Национальный институт памяти жертв Катастрофы (Шоа) и героизма в Иерусалиме. Название – из Библии: «...им дам Я в доме Моем и в стенах Моих место [память] и имя, которые не изгладятся вовеки...» (Ис., 56: 5). В Израиль я приехала по приглашению Яд Вашем как исследователь «погибшей еврейской культуры». С этой темой были связаны и последующие проекты. <http://www.makarovainit.com/index.html>.

¹² Маргит Зильберфельд, бывшая узница Терезина.

стихи с чешского на английский, говорили по-чешски, тоже пришла с больной головой. Это не просто, но зато очень интересно. Кто-то, кажется, Витгенштейн, говорил, что граница моего языка – это граница моего сознания. Теперь мое сознание так расширяется, что я обязательно тоже очень изменюсь. Вчера читала отрывки из Бруно Шульца¹³ (замечательный писатель и художник из Польши, погиб) по-английски, а потом поняла – ведь это перевод, нашла в библиотеке по-польски, читала и понимала. Хотя это совсем другой уровень понимания, очень поверхностный, читать на других языках – все равно что при близорукости надевать очки от дальнозоркости, тоже такое получается искривленное, не прямое понимание, иногда я удивляюсь, что люди понимают меня на другом языке, я себя все же мыслю собой только в русском, а они, оказывается, понимают меня в английском или чешском варианте. Может, в других языках я совсем другая, но мне этого не дано понять. Не будь сейчас выставки, я бы окунулась в иврит, но одно и другое не совместить просто хотя бы потому, что в сутках двадцать четыре часа и мое время бодрствования и восприимчивости тоже лимитировано биоритмом.

Израиль располагает к лени. Здесь хочется перестать действовать и заниматься глупостями – плавать, загорать, пить пиво, словом, жить курортной жизнью. Это бы и можно было сделать, но не с моим характером. Сейчас моя голова занята (май майнд тотали оккюпайд виз ван синк) дизайном, комбинированием стендов и плексигласовых конструкций, это трудно описать даже по-русски, но строить это новое пространство очень интересно. Разные языки – английский и иврит, разные материалы, разные люди – наверное, это очень мое. Ты же знаешь, мне нравится узнавать то, чего я не знала и не предполагала своим. Мамулечка, еще нет десяти часов вечера, но я уже начинаю клевать носом, мы встаем в 7, так что свежий воздух смарывает меня к десяти. Утром иду переводить с немецкого, так что пока целую тебя крепко. Скоро увидимся. Лена. Привет и поцелуй Семену Израилевичу.

---

¹³ Бруно Шульц, польский писатель и художник еврейского происхождения, жил в Дрогобыче. Наиболее известен сборниками новелл «Коричные лавки» и «Санатория под клепсидрой». Шульц был застрелен гестаповцем на улице дрогобычского гетто 19 ноября 1942 года. Ряд его литературных произведений и практически вся живопись утрачены.

4. И. Лиснянская – Е. Макаровой 3 мая 1990

Дневник¹⁴ посредственности

(Письмо № 1)

3 мая 1990

Дорогая моя! Последние годы мне снятся циклические сны, сменяя друг друга. Последние ночи повторяется сон из цикла: «Телефонный диск». Это нарисованный круг с правильно расставленными цифрами – от единицы до нуля. И я хочу набрать номер, вдавливаю указательный палец в цифру, но сдвинуть с места ее не могу. И в минуты медленного просыпания, еще сквозь сон вяло соображаю: диск нарисован, а число всегда недвижно. А как сдвинуть нарисованное?

И начинаю лениво думать о жизни как о телефонном диске. Жизнь вращается, а числа, – время ли года, время ли дня и ночи, – остаются на месте в своих круглых краской очерченных ячейках.

И если сама я не вращаю жизненного диска, то ничего не изменю – ни до кого не дозовусь, не достучусь, не дозовусь. А надо ли? Но если Господь создал землю и движет ее, то я, Его пусть жалкое подобье, должна хотя бы научиться двигать телефонный диск. Даром ли в нем все экстремальное начинается с 0. Пожар – 0 – забыла, Скорая помощь – 03. 3 – не случайная цифра, 3 – знаком милосердия. Но так ли милосердие милосердно к душе одинокой? Одинокая душа и не должна ждать мило-сердия, сердца милого. Она, эта душа, призвана вращать диск и задавать вопросы! Быть или не быть, а если быть, то как? И не находить ответа. Ибо этот ответ легко предвиден вопросом, и если был бы ответ озвучен, то душе одинокой более нечем было бы заниматься.

А сегодня во сне я пыталась набрать 094 через восьмерку – заказать Иерусалим по междугородней. Иерусалим, весь, с его так хорошо описанной тобой лестничной архитектурой, со всеми его храмами, со Стеной плача, с армянским подворьем, даже с тем районом, по которому рекомендуется не ходить, а ездить, сейчас обозначает только тебя. И детей. Но нарисованный диск не поддавался вращательному движению, как ни упорствовал мой указательный. Обычно измученный мною сон из цикла «телефонный диск» медленно выталкивает меня в явь. Но сегодня почти трафаретный сон вышел из своей традиции. И каждая цифра ожила, – стала чем-нибудь или кем-нибудь.

Пятерка превратилась в пятилетнюю девочку с косичкой, такой легкой, что ее вознес над головой белый, капроновый, похожий на парус, бант, и вместе с косичкой чуть-чуть приподнял над песком Апшерона и всю пятилетнюю девочку. Но разве это Апшерон? Разве это Каспий? Это же песок Средиземного моря возле Тель-Авива! И цвет веснушек моей пятилетней девочки совсем как цвет тель-авивских песчинок...

– Куда ты от меня? Ведь ты еще такая маленькая! – кричу я во сне и резко просыпаюсь. Чем или кем были остальные цифры – уже тревожно забыто. Лишь смутно брезжит в мозгу,

---

¹⁴ В первом письме из этого цикла слово «дневник» зачеркнуто, сверху написано «письма».

что они были ярко разноцветными пейзажами, вещами, лицами, какие я наяву (или только в моей жизни) никогда не видела.

Открываю глаза в домтворческой комнате и смотрю на полупустую книжную полку. Там, за стеклом, фотография и тоже – цветная – ты и я. Я гляжу на тебя просительно-виноватым взглядом полустарушки-полуревбенка. А ты, одновременно по-наполеоновски и по-деревенски скрестив руки на платье-сарафане (фирма американская), смотришь на меня и улыбаешься. Улыбаешься, но, кажется мне, через силу. И я слышу твой взвинченно-уверенный, взбадривающий голос: «Мамочка, мне уже давно не пять лет, мне уже через год – сорок. Я знаю, что делаю, я поступаю правильно, и ты должна радоваться за свою дочь и внуков, а не разнюниваться».

Да ты права, моя девочка! Но только ты не замечаешь, что я сейчас стала тобой – пятилетней, диск жизни дал обратный ход. И теперь я, как ты тогда тосковала по мне в мои малооправданные отлучки (недельные, двухнедельные, а иногда и трехнедельные), тоскую по тебе.

А меж тем твой выезд-исход с детьми в Иерусалим более чем оправдан. Например, вчера слушала по «Свободе» какого-то представителя русско-православно-патриотического Союза, перед которым «Память» – девка на подхвате: некоего Кулакова. Это была какая-то конференция на квартире, и у них, видно, есть стукачи или специально притворяющиеся таковыми. Может быть, им выгодно, чтобы магнитопись обошла все уши мира. Так вот, некий Кулаков объяснил, что сионизм, начиная с первой французской революции, организовывал и осуществлял все последующие революции и продолжает сейчас ее делать под видом «Перестройки»; сионизм спровоцировал Вторую мировую войну, и нельзя выпускать евреев из страны, пусть они здесь ответят за 1917 год, сейчас покончить с сионизмом во всем мире – миссия русского народа и т. д. и т. п.

Да, слава Богу, доченька, ты поступила наилучшим образом, и должна быть совершенно счастлива. И пора бы мне, старой дуре, крещенной в армянской церкви жизнь тому назад, перестать себя чувствовать русской, да не могу. Я – русская, мне больно за этот народ. Или это опять мои ничем, как выяснилось, не оправданные отлучки от тебя пятилетней?

Меня над песком слегка приподымало и относило временами от тебя мое заблуждение, – тогда я думала, что я – поэт. А теперь я русская неудачница в области слова. И теперь все мои письма к тебе будут иметь общее заглавие «Из дневника посредственности». Потому что теперь я буду писать только письма. Вопросов я задавать не буду, а намереваюсь описывать или вспоминать три условных времени жизненного диска: настоящее, будущее, прошлое.

Ты ведь мне тоже вопросов не задаешь, а описываешь (и так дивно) все, что вокруг тебя и в тебе – свою и не свою новую жизнь.

Сейчас посматриваю то в окно, где все зелено, но еще холодно, то на часы. В 13.30 пойду гулять с С[еменом] И[зраилевичем] и обедать. Осталось пятнадцать минут. Я, не умеющая двигать диск жизни, сама в какой-то мере диск, и должна соблюдать заданный мне режим цифир и я движусь по воле двигающего, тогда – то-то, а тогда то-то. Я – послушный диск, не нарисованный, хоть, порой, и рисующийся.

В Париж, конечно, не поеду, поскольку я сейчас элемент, движимый другой, более слабой, чем моя, рукой. Париж находится в том цикле снов, где я, делая плавательные движения, низко лечу над землей, демонстрируя зримым и незримым зрителям: дескать – летаю, надо отрываться от земли, смотрите и берите с меня пример! Это наипротивнейший, наиничтожнейший цикл моих снов, под заглавием «Самохвальство».

И вот, после послеобеденного часового сидения с С. И. и Приставкиным на скамейке, возвращаюсь к своему письму номер один.

«Из дневника посредственности». С чего вообще может начинаться посредственность, как не со стыдливого плагиата? Некогда младший сын С. И., будучи школьником, решил вести дневник и назвал его: «Дневник посредственника». Замечательно! Но ни одной записи так и не сделал, что – превосходно! Я же, несколько переиначив этот заголовок, начала: «из дневника посредственности». Лермонтов, например, без всякого переиначивания взял строку у А. Бестужева-Марлинского «Белеет парус одинокий» – это и есть признак таланта. А белеет ли парус одинокий? Мой почернел и скурежился. И он из совсем другого цикла моих снов. И вряд ли я продвинулся по волнам намного дальше, чем тот школьник-посредственник, придумавший талантливое название. И мои внук или внучка, когда-нибудь раскрыв эту большую в зеленой клетчатой обложке тетрадь в клеточку (помнишь, незадолго до отъезда ты мне ее подарила), посмеются над заголовком и, перевернув три-четыре страницы, пожмут плечами: «не дотянула наша бабушка до посредственности. Двоечница».

Да, вспомнила цифру «два» из последнего сна. Эта двойка в виде смеющейся сквозь слезы старушечки выдувала из своих же слез мыльные пузыри, похожие на радужные нули. Наверное, это были мои поцелуи (целую 1 000 000 000 000 000 раз, мои поцелуи, как я обозначала их в письмах к тебе, скажем, в Ригу). Но те начинались с единицы, а эти с двойки. 20, но дальше нули не проставляю. Число двадцать – день твоего отъезда, и все мои бесконечные остальные дни и по сей вечер катятся вниз по шереметьевскому эскалатору, вослед вам, улетающим, уплывающим. Сегодня, наверное, увижу сон. Мне, видимо, приснится сон из цикла «полеты», или «белеет парус одинокий»... ну, поглядим, как мы с тобой в них пересечемся. <...>

5. И. Лиснянская – Е. Макаровой *Май 1990*

Дневник посредственности

Письмо № 2

Птица-песня, птица-чайка, птица ласточка моя. После первого письма, где я успешно вертела во сне телефонный диск, много дней не было никаких снов. И только вчера ночью увидела сон из цикла «Белеет парус одинокий». В этом сне мы пересеклись весело. И плыли мы с тобой под белым парусом, а над нами кричала чайка. Это мы были с тобой на рижском взморье, и ты уже не сердилась на меня и не винила ни в чем. Тебе уже исполнилось ровно столько, сколько было мне в ту пору, когда я в белый парус печально завернулась и глухою ночью из дому ушла¹⁵. Мы с тобой плыли и курили и смеялись над взаимными обидами, непониманиями. А ветер взметал ту то ли левую, то ли правую прядь твоих волос, которые ты не обрезала. И впрямь – чудная прическа. И вдруг ты оказалась гриновской Ассолью, которая не ждет, которую ждут. И слава Богу. А я уже сижу на берегу, и ты машешь мне целлофановым пакетом, в котором нам с С. И. – лекарства.

Это, наверное, приснилось потому, что вчера позвонил Асар Эппель¹⁶, ему кто-то сказал, что мы в Переделкине и завтра-послезавтра приедет к нам с лекарственной посылочкой. Казалось бы, телефонный диск должен сниться мне каждый день. Никак не поймаю Буденную¹⁷ – она скачет на коне, – на месте. Боже мой, как мне нужны твои письма! <...>

---

¹⁵ У А. Блока так: «Я звал тебя, но ты не оглянулась, / Я слезы лил, но ты не снизошла. / Ты в синий плащ печально завернулась, / В сырую ночь ты из дому ушла».

¹⁶ Асар Эппель, писатель и переводчик, в том числе и Бруно Шульца.

¹⁷ Редактор издательства «Молодая гвардия», куда я перед отъездом сдала рукопись новой книги.

6. Е. Макарова – И. Лиснянской 17 мая 1990

17.5.1990

Мамочка, родная! Я рыдала над твоим письмом, над снами, над размышлениями о цифрах и времени, я так остро ощутила твое одновременное присутствие и отсутствие в моей жизни, такую жуткую тягу сесть и поговорить обо всем, что так редко нам удавалось, чаще в письмах почему-то. Я хотела перевести твое письмо кому-нибудь, чтобы кто-нибудь из израильтян смог бы понять русскую душу, но нет слов, мой английский беден, годен только для информационных сообщений. Еще и Лена Изюмова¹⁸ прислала сегодня же письмо, она пишет про тайну русской души, что это тайна нежизни, способ жить не живя, – все это здесь меня волнует и душит порой острее, чем (дома? в Союзе? где?) в прошлой жизни. Я почти ощущаю себя сумасшедшей, когда в разговорах с сотрудниками Яд Вашем касаюсь российской жизни, советского кошмара – это здесь совершенно непонятно. Здесь совершенно непонятно, почему люди страдают все время, евреи настроены на счастье, арабы мешают, всегда им кто-то мешает, но пока они живы, они хотят быть счастливыми. У нас было не то что наоборот, но иначе, боюсь, что мне трудно это объяснить даже себе, вернее, сделать некое умозаключение на этот счет. Надо тебе сказать, что и *там* я жила суетно, имея, конечно же, определенную цель всегда, более рациональную, чем душевную, это мистейк, омыл, фолс, антрус, вот из ит¹⁹? А скорее я там и здесь остро чувствую, что что-то мною движет помимо здравого смысла, я пытаюсь услышать, что я должна делать и это делаю. Но уже в реальной жизни, значит, сообразуюсь с параметрами реальности. Но если опомниться и осознать – лучше не надо. Вообрази, ты смотришь в окно, а там набоковский пейзаж, замусоренный советскими ошметками, а я смотрю в окно на Иерусалим, сейчас смеркается, горы вдали в огнях темно-зеленые, а на самом дальнем плане темно-фиолетовые, небо радужное, со всеми цветами, только они не собраны в порядке, а мягко переходят из цвета в цвет. Иерусалим всегда мерцает, то ли это эффект множества огней, то ли это что-то из Вечности, может быть, это наши дети перемигиваются, может это все те, из пепла, переговариваются, даже те, кто пали при Масаде, сдались римлянам, даже они из такого далекого далека мигают, мерцают, живут. Господи, насколько же это все другое, не похожее ни на Прагу, ни на Штаты, ни на что, только на себя самое. И вообрази, я тоскую по летнему лесу, по запахам прелым, по лиственности нежной, я тоскую уже, но люблю Иерусалим. Здесь я поняла, как могли тосковать Набоков и Бунин, хочется выйти и прочесть какому-нибудь старому хасиду, например, Мандельштамовское «Я от жизни смертельно устал». <...>

Раз мне было очень тоскливо вечером, я была в Тель-Авиве с одним мужчиной по имени Джон, из Америки, познакомилась с ним в Яд Вашем, мне все равно надо было по работе в Тель-Авив, он меня отвез, а по дороге рассказал про себя, что он и кто он, что его сын покончил самоубийством, а сам он тоже часто впадает в транс и что обычно с людьми мало контактит, а вот со мной ему хорошо почему-то, так мы с ним играли в шахматы в каком-то фешенебельном ресторане пакетами от сахара и сукразита (диабетического), он говорил по-английски, а я по-русски, настоящие «Поминки по Финнегану» Джойса, он сказал, что, когда я говорю по-русски (а он не знает даже «да» и «нет» по-нашенски), видно, какая я умная, а

---

¹⁸ Елена Изюмова (Кешман), биолог. Нас сдружил выдающийся генетик Владимир Павлович Эфроимсон, у которого Лена в 80-х годах работала научным секретарем. Лена с детьми тоже переехала в Израиль, где мы работали вместе над разными проектами.

¹⁹ Ошибка (англ., чеш.), неправда, что это?

по-английски он этого не схватил. Так он и сказал: «Ай дидн'т гет ит ат ол». Вообще что-то, наверное, есть такое, что меня тянет писать и говорить, искажая русский, что-то здесь есть, будто я мшу, но за что? Так вот представь себе двоих одиноких людей (вернее, в состоянии одиночества, что не одно и то же), сидят на 12-м этаже какого-то тель-авивского небоскреба с видом на Средиземное море, играют в шахматы на разлинованном столе пакетами от сахара, говорят на разных языках, я-то все понимаю, скажем, ай гет ит, а он только понимает, что мне нравится говорить по-русски, и ему нравится, что мне это нравится, и что если я даже сейчас говорю о Фридли, о том, какой чудовищный век наш, а я только об этом способна сейчас думать, а значит, и говорить, – не на полиэтиленовом английском, а на нормальном русском, я даже могу ругать этого Джона последними словами, хотя не за что было его не то что ругать, а даже попрекнуть, – безупречного поведения человек – так вот ты можешь представить свою дочь, которая сидит с неким Джоном (это еще легко) на такой верхотуре над морем (это тоже можно со скрипом), играет в шахматы сахаром (это еще тоже ничего) и говорит по-русски (тоже представимо), – получается, что ничего удивительного в этой истории ровным счетом нет, а мне вот запала в душу. Наверное, потому, что это был единственный раз в Израиле, когда меня охватила тоска по русской речи, когда, вернее, я дала волю этой тоске, но тоже в каком-то странном розыгрыше. <...> Здесь тепло, чудный воздух, Иерусалим высоко, как огромный вентилятор гоняет он теплый свежий воздух по горам и долинам. Я так занята все время, что вижу его из окна автобуса, или машины, когда меня везет домой коллега – сабра-Белла, черненькая, веснушчатая, моего роста и телосложения. Белла говорит, что событий ее жизни едва хватило бы на короткий рассказ, моя же ей кажется многотомным собранием сочинений, такой она и мне кажется. Бедная Белла вынуждена говорить со мной только по-английски, хотя иногда мы юз польский. И еще вижу я Иерусалим сейчас в окне, теперь уже полная тьма, иссиня-черное небо в звездах и огни вокруг.

Самый большой месс, беспорядок, балаган (иврит) с текстами, прежде переведенными мною на русский с чешского, а Сережей – с немецкого. Все это надо забыть и сотню документов, воспоминаний и имен перевести на английский и иврит. <...> Вавилон! Просто не верится, что когда-то, а это будет через полтора месяца, все чешское, русское и немецкое будет в столе, а иврит и английский – на стенах и каталоге. <...>

Мамочка, я не принимаю тебя как посредственность, слышать этого не хочу. И не потому, что ты моя мама, а потому что ты огромное дарование, личность в слове, – не знаю, не знаю, если бы ты владела другим материалом, как бы ты в нем себя проявила, но тут ты велика. <...>

Только написала про твой дневник, пришло следующее письмо с книжкой. Какая хорошая книжка, подобрана с умом, особенно мне нравится стихотворение «Музыка жизни одна и та же». Оно какое-то магическое, сейчас остановилась, стала листать, и все нравится, хотя я их уже столько раз читала и слушала до того, они уже как-то живут со мной, как родственники, чье присутствие настолько естественно, что не оцениваешь, а просто любишь как свое. Но кроме всего, конечно, это качество, это поэзия, а более всего музыка. <...>

Все, что во мне, в глубине, наверное, никогда и не проявится в полной мере, слишком много сфер, где чувствую себя способной, к тому же я, наверное, более восприимчива к внешнему, но зато и более поверхностна в своих раздумьях. Есть еще во мне эта разухабистая лихость, чего там, была не была! Но как я буду с этим стареть, как оценю все, что сделала, через пять лет? Ведь я уже далеко не та девочка, которая приходит к тебе во снах, даже не та, что написала повесть на пляже, – это не подведение итогов, думаю, что-то мне еще удастся, возможно, но не глобально, впрочем, это дело Божье.

Мамочка, береги себя, раз вы гуляете, значит, Семен Израилевич идет на поправку, станет полегче с этим, я тебя крепко целую и обожаю как всегда, почему все это осознается на расстоянии или в момент разлуки, почему все так нелепо? Вопрос риторический, но и

жизненный. Я скучаю по тебе очень остро, пришли стихи, пришли письмо, пришли все, что можешь, чтобы я могла читать и перечитывать. Целую, Лена.

Дорогой Семен Израилевич! <...> Маме вчера писала про ночной Иерусалим. Вам могу про утренний. Утром Иерусалим – это Восток, что-то от картин Иванова в цвете, голубое небо с дымкой на горизонте, линия гор мягкая, в темно-зелено-коричневых массивах белые врезки поселений, фасады близлежащих домов отражают солнце, как зеркала, но это не американские зеркальные отражения, а восточные, мягкие. Около нашего дома нашли поселение 1-го Царства, оно огорожено, камни, камни, камни, тоже вспоминайте Иванова.

Дети ушли в школу, я сейчас уеду в Яд Вашем, там, на горе Герцля, сосредоточен для меня весь Израиль, он и начался там в мой первый приезд, там я обитаю и поныне. Часто ловлю себя на том, как бы Вы с мамой здесь гуляли, как бы Вы прекрасно здесь себя чувствовали. Даже странно, добраться паломником до Святой земли всегда было символом духовного возрождения, жить здесь как-то даже неприлично, обзаводиться бытом, ходить в Супер-Соль, проезжать на автобусе мимо стен Старого города, все равно что сон переводить в явь.
<...>

7. И. Лиснянская – Е. Макаровой 1 июня 1990

1-е июня 1990

Дорогая моя доченька! Получила наконец-то и я от тебя письмо с оказией – 3-е.

Радуюсь за тебя и вас и тревожусь одновременно – вот-вот, мне кажется, все арабы встанут на войну. Боже, не знаю, где страшней. Судя по твоему письму – жизнь почти благодатная, хотя – капитал – вещь жесткая – считай и считай. <...> Конечно, жизнь свободная – изумительна, но окружение многомиллионных недругов издали пугает.

Спасибо – для меня лекарство передал Эппель, но вот для Семена ничего не было. Он ходит, но чувствует неуверенность и иногда помутнение перед глазами. Быстро устает при чтении – и это не возрастное, а отрывки, вернее, следствие болезни не вылежанной.

Вышла уже «Декада», хотя тираж из Киева еще не пришел. Да, наконец-то поймала Буденную на коне. Она сказала, что «Чистые пруды» скоро выйдут. – А как с книгой? – спросила я. – «А что с книгой, еще рано». <...>

Россию сейчас лихорадит Российский съезд, где, конечно же, раскол, но все же избран председателем Ельцин, пока в речах своих явно идущий на конфронтацию с Горбачевым, а тот уж как упреждал съезд, чего только не говорил о Ельцине. Ну, проживем, если проживем, – увидим. <...>

Вчера узнала еще новость: моя «Музыка поэмы без героя»²⁰, оказывается, втиснута в план этого года в Худлите. Это на мое недоумение по телефону! – А почему Вы меня, Михаил Ионович²¹, так торопите со сдачей к 1-му июня? – А как же, ведь книга должна выйти в этом году. – А я думала в 92. – Ну, что Вы! Держать такую книгу! – Ну и дела! <...>

Сейчас я скорей во взвинченном состоянии, чем в депрессии, хотя... и на завтрак не хожу. 26 июня переедем в Москву к вечеру, а там – уже через несколько дней – на дачу, которая меня в достаточной мере страшит, если Валентина Григорьевна²² не будет с нами максимально возможное время. Москвичи сейчас все продукты получают по предъявлению паспорта. <...> Еще проблема – исчезли иностранные конверты. Ну и жизнь. Придется этому письму как-то кого-нибудь ждать, кто на обыкновенный конверт наклеит марки и отошлет. <...>

---

²⁰ Музыка «Поэмы без героя» Анны Ахматовой. – М.: Худ. лит., 1991.

²¹ Редактор издательства «Художественная литература».

²² Домработница.

8. И. Лиснянская – Е. Макаровой Июнь 1990

Милая моя, любимая моя! Как я по тебе тоскую и как беспокоюсь за всех вас!

Получила то письмо, где взорвалась арабская бомба, и места себе не нахожу. Я это наступление арабов и по телевизору вижу и во снах своих. <...> Опять же вспоминаю всю историю с библейских времен – сколько раз было полонено, истреблено государство Израиль. И вновь возрождалось из пепла. Но сейчас, боюсь, настало время не возрождения, а истребления. Ну ты, Фридл²³, все же подумай о детях, о своих прекрасных детях! Ну да будет мне тебя увещавать – это бесполезно, я не единожды в этом убеждаюсь. У меня – все в порядке. Комната в розах²⁴ и стихи – для домашнего, семейного употребления:

Комната, я и розы,
Ну чем не рай в шалаше.
Ни для какой занозы
Нет местечка в душе.

Все заняла разлука –
Длиннее, чем с Марса дождь,
Вот ведь какая штука, –
Имя разлуки: дочь.

Будь же благословенна!
Не я, а перо дрожит:
Из вавилонского плена,
Кто может, тот и бежит.

Но ноги мои не вьюги,
А два недвижимых ствола,
А руки мои, а руки
Как два древесных крыла.

И только глаза косые
Глядят, прожигая быль, –
Один на мою Россию,
Другой – на твой Израиль²⁵.

Это так, по ходу письма, импровизация, требующая работы.

<...> Инфляция жуткая. Кило мяса на рынке – 25 р., а проехать сюда даже на такси – 20 р. Иначе таксист не едет. Ну и пусть летят бумажки, если они есть. Я думаю о тех, у кого и бумажек нет. Вот где беда, грозящая непредсказуемым бунтом, пугачевщиной, поножовщиной, отстрелом евреев и имущих русских.

---

²³ Мама намекает на то, что я, как Фридл, не осознаю опасность жизни в Израиле. Фридл, имея визу в Палестину, осталась в оккупированной фашистами стране, за что поплатилась жизнью.

²⁴ Скорее всего, письмо написано после 24 июня, дня рождения мамы, который всегда был украшен пышными букетами роз.

²⁵ Неопубликованное.

Все, и здесь, как, боюсь, в Израиле, возвращается на круги своя. Никто здесь не хочет свободного рынка, все хотят – равенства нищенства. Таков народ – работы боящийся, безработицы еще не вкусивший.

Очень прохладное лето. Дожди. А я вся горю от твоей жары и почему-то бегаю на обед и ужин так легко одетая, будто своим охлаждением могу тебе принести прохладу. В остальное время сижу в комнате с окаменевшими ногами, как тогда, помнишь?²⁶

---

²⁶ Когда мама узнала о том, что я выхожу замуж за Сережу, у нее случился мышечный спазм, она не могла стоять на ногах.

9. И. Лиснянская – Е. Макаровой 17 июня 1990

17.6.90

Моя дорогая, моя любимая девочка! Получила от тебя сразу два больших, подробных письма, те, что с запиской Семену. Полдня тупо читаю и перечитываю, вдумываюсь, вглядываюсь в твою жизнь, в твою душу, и чувствую, что какой-то переполох в душе моей девочки на фоне усталости, эйфории, деловой напряженки. Письма мне доставили в тяжелый для меня день, через два часа после того, как мне по телефону сообщили о смерти Инны Варламовой²⁷, ведь совсем недавно она гостила у меня... <...> И вдруг! Ее ровно неделю тому назад увезли в Боткинскую с «острым животом», положили на операционный стол и выяснили – рак с метастазами. <...> Вчера вечером не стало моего близкого друга. Но я ей позавидовала, горюя. Ведь Женя²⁸ собралась в Америку осенью на два года работы и теперь успеет похоронить свою мать.

Очень мне тяжела эта смерть, но что поделать – возраст. И еще многих предстоит проводить навсегда. Лучше бы уж меня проводили. Но хватит, прости меня великодушно, спасибо тебе за письма. Как точно ты меня понимаешь: кресла – и те расшифровала правильно, действительно реализовывала свою тоску, заталкивала в кресла. Заталкиваю и в розы, которые мне приносят, в магнитофонные записи, которые мне прислала Галина Бови²⁹ из Швейцарии. Господи! А этот Джон, в которого ты выпихивала свою тоску! Солнышко мое, умоляю тебя, побереги себя от изнурения. <...>

Здесь тоже очень красиво, поют птицы, все в окне зелено. Гуляю мало, Семен – больше. Леночка, пишу сбивчиво. Наверное, надо было тебе писать завтра-послезавтра, примирившись с тем, что так неожиданно вчера случилось. Прости меня, но сегодня я хочу говорить только с тобой, это панический эгоизм. Но все, что в твоих письмах, во мне сейчас бродит и ничего не представляется. Ни обстановка в Израиле, несмотря на арабов, ни стремление евреев к радости, ни Яд Вашем, ни твоё сегодняшнее дело, ни твоя растерянность перед будущим твоей прозы, твоего таланта. Думаю, что после горячки выставок и уже на исходе этой горячки ты будешь писать. Да еще как! Пока идет обогатительная фабрика. И все золото твоего писательского призвания, все алмазы найдут чудесное обрамление, найдут форму и отточенность неслыханную. Это я не успокаиваю тебя, я это знаю.

Успокоить тебя я хочу совсем в другом плане. Думаю, что все будет легче, если ты будешь соизмерять свои душевные, свои благородные порывы с физическими возможностями организма. Если вкалывать на износ плоти, душа, как ни странно, также изнашивается. Помни мою формулу – скорость тела обратно пропорциональна скорости души.

Как чудно ты описываешь Иерусалим! Так чудно, как будто и я с тобой вместе смотрю в окно твоего дома. Я написала несколько стихотворений и в следующем письме пошлю тебе. А сейчас, видишь, как мелко пишу. Хочу, чтобы в конверт вместились и письмо Семена. Он

---

²⁷ Инна Густавовна Варламова, писательница, ближайшая подруга мамы. Они познакомились в 1961 году на Высших литературных курсах при Литературном институте им. Горького. У тети Инны, как я звала ее в детстве, был сын Володя, нам тогда было по десять лет, и мы сразу подружились. Когда я жила во Внукове, мама с тетей Инной и Володей приезжали меня навещать. Помню, мы с Володей зимой перелезали через забор, я была неуклюжей и каким-то образом разодрала красные вязаные гамашы на неприличном месте. Стыдоба! С Володей, ныне отцом Владимиром, протоиереем Русской православной церкви, мы встретились в марте 2014 года – он отпел мою маму в Переделкинском храме.

²⁸ Евгения Гаврилова, дочь Инны Варламовой.

²⁹ Галина Бови-Кизилова, сочинительница и исполнительница песен на стихи любимых ею поэтов, мамыны стихи занимают в ее репертуаре центральное место. См.: <https://www.youtube.com/watch?v=eAbmZfopEiw>.

будет завтра тебе писать. И эту страничку я допишу завтра. Постараюсь быть менее истеричной, а может быть – и стараться не придется. Ведь есть утешение – с такой жуткой болезнью Инна только 6 дней промучилась. Праведница, значит.

Нет, я все же не могу никак остановиться и оставить на завтра то, что начала сегодня. Даже из такого далека ты умудряешься мне помочь. Твои письма сейчас снова перечитала и, знаешь, успокоилась. Т. е. перестала плакать, собралась, почувствовала, м.б., впервые, что я тебе необходима и, значит, есть смысл мне жить. Все в руках Божьих, но и в руках близких людей. Нет у меня рук дальше и ближе, чем твои руки. Они сейчас гладят меня по спине, дескать, мамочка, мы еще обязательно встретимся именно на этом свете, в святом городе Иерусалиме, мамуля, перестань так убиваться по Инне, ей теперь хорошо. Вот и у меня за окном потеплело, а на душе забрезжил свет твоих слов. Как ты изумительно сказала про перемигиванье света в Иерусалиме! Наверное, действительно, души способны перемигиваться. Ведь души всегда живы. <...>

10. И. Лиснянская – Е. Макаровой *Июнь 1990*

Моя дорогая, моя любимая! Пишу тебе письмо вслед скорбному. Сегодня тебя видела во сне, «Белеет парус одинокий» такой, какая ты есть, – взрослая, но для меня все равно ребенок. Веснушки твои пылали задорной уверенностью в необходимости и незыблемости всех твоих решений по поводу работы выставочной. Это пылание – и была некая выставка. В глазах твоих вспыхивали огоньки, похожие на свечное пламя, – то покорно судьбе, то растерянно, то настолько одиноко, чего я не замечала в твоих глазенках на том коклюшном катере без паруса. На том, который ты уже описала и который никогда не забуду, ведь я с тобой ездила на нем ежедневно. Но твое искусство писательское превратило меня, что совершенно правильно, в Луизу Вольдемаровну³⁰.

Никому в эти дни не звоню. Только Жене, ибо в нашей проклятой жизни, оказывается, не только место на кладбище, но и гроб почти невозможно достать. Я сейчас попытаюсь переписать тебе стихи за последнее время.

***

Бегу на смерть, как зверь на ловца,
И в этом есть моя хитреца –
Я смерть отвожу от того лица,
Которое берегу.

Мой бег навстречу смущает смерть,
И смерть в свою попадает сеть,
И, значит, жить мне еще и петь
На истринском берегу,

Где вязы старые нянчат птиц,
Где май выходит из всех границ,
Из всех зарниц, изо всех темниц.
А я на ловца бегу³¹.

20 мая 90 г.

---

³⁰ Мама болезненно переживала все, что я писала о детстве, в образе «мамы», переходящем из повести в повесть, она видела свои черты, и это усиливало комплекс вины. Первая книжка мамы «Это было со мной» (Баку, 1957) – поэма о том, как ее в раннем детстве бросила мать, – «покрыла позором» образ матери, Раисы Сумбаговны Адамовой. Они помирились в 67-м году в Москве, там же состоялось и мое знакомство с бабушкой. Мама не могла простить себе несправедливой, написанной в сердцах поэмы и с той поры не допускала «родственников» в стихи. Однако тема матери, разбивающей семью, повторилась. Мама ушла от моего отца к Липкину, пришел мой черед осмыслить опыт детства. В повестях о детстве без родителей не обойтись, тут не скажешь словами мальчика Мотла: «Мне хорошо – я сирота». Детство я писала с натуры, а натура была яркой. Что же до пассажа про Луизу Вольдемаровну, воспитательницу частной группы, в которую меня водили в Баку (кстати, маму воспитывала та же Луиза Вольдемаровна), – это укор мне, низведшей роль мамы до позиции приходящей воспитательницы. Видимо, в глубине души мама все еще обижалась на то, что я ее покинула. Однако к январю 1992 года обида прошла, и она написала мне следующее: «Правда, все то, что связано в твоей прозе со мной, до сих пор при чтении меня больно ранит. Но ты же тогда разве могла глубоко копнуть характер? Конечно же – нет, особенно характер своей матери. Остальные все получают. И я получила, но если читать не моими глазами и не перебирать все в памяти».

³¹ Опубликовано в «Одиноким даром». <http://www.vavilon.ru/texts/prim/lisn3.html>.

Май

Май щебечущий лучится
Множеством заемных крыл.
Что случится, то случится –
Думать больше нету сил.

Ни закона здесь, ни права.
И во мне слились в одно
Вельзевулова отравы
И причастное вино³².

25.5.90

Кресло, свеча и я

Мне больше не о чем говорить,
Но я говорить хочу
О том, что не о чем говорить,
И хлопаю по плечу
Родное кресло, – в одно окно
Глядим и на том сошлись,
Что дым отечества – это жизнь,
Отравленная давно.

Мне больше не о чем сожалеть,
Но я сожалеть хочу
О том, что не о чем сожалеть,
И зажигаю свечу.
Свеча вечерняя хороша.
Втроем мы сошлись на том,
Что наше время живет, дыша
Не воздухом, а огнем.

Мне больше некого убеждать,
Но я говорить хочу
И в том, что некого убеждать,
Возрадоваться лучу,

Лучу, заблудшему в соснах трех,
И все ж несущему весть,
Что Божье дыханье и в дыме есть,
Да нужен поглубже вдох³³.

---

³² <http://www.bglife.ru/threads/547/page-27>.

³³ Вошло в книгу «Ветер покоя» с посвящением Галине Бови-Кизиловой.

27.5.90

На панихиде³⁴

В панихиде – колыбельной
Отзвук нахожу,
Я свечу в руке скудельной
Бережно держу.

И к Тебе взываю снизу:
Отпусти грехи
Твоему рабу Борису
За его стихи.

– Да святится твоя жалость,
Молча я пою, –
Чтоб ему и просыпалось
И спалось в раю.

Пусть душа глядит, ликуя,
На земную синь,
Пусть услышит: Аллилуйя,
А затем – аминь.

В церкви дым кадильный тает,
Хор на миг затих.
А моя свеча сгорает
Раньше всех других.

4 июня 1990

P. S. Я впервые была в этой церкви, где, когда мы были в ней с Феденькой, задули мою свечу. Последние две строки – сушая правда. Я и прежде удивлялась, почему в моей руке свечка сгорает раньше, чем в других. Думала: наверное, у меня – короче. А тут всем в руки раздали одинаковой длины свечи. И то же самое. У всех сгорела за время панихиды – половина, а у меня – вся. <...>

---

³⁴ В «Эхе» названо «На панихиде по Пастернаку».

11. Е. Макарова – И. Лиснянской Июнь 1990

Дорогая мамочка! Я несколько дней пыталась написать тебе письмо. Сначала я нервничала, потом узнала про тетю Инну, как раз сейчас, видимо, ты на похоронах, а я сижу в Яд Вашем, у меня есть 10 минут, чтобы написать тебе несколько слов. Это похоже на абсурд, – наши миры такие разные, здесь солнце и жара, ничего не напоминает Россию. Вчера мы смотрели фильм, который сделало финское телевидение. Мы в Химках, мы в Иерусалиме. Я с ужасом подумала, что в Иерусалимской части ты не поймешь ничего, мы говорим по-английски, все на чужом языке. Разумеется, думаю я по-русски, но как долго это продержится?

Ты пишешь о Буденной, может быть, наступит реакция, и я пойму, что существуют Буденная и издательство с тяжелыми дверями, с такими грузными и неподатливыми, что существует Буденная с сигаретой в зубах и рукописями вокруг, что среди груды рукописей есть и моя, – все это как абсолютная нереальность, то есть даже то, что читаешь в книгах, больше принадлежит тебе, чем Буденная с твоими вещами, которые, действительно, были написаны от сердца; возможно, моя вовлеченность в работу (а она связана с Израилем, а не с русской эмиграцией и не с ее все-таки очень провинциальной, безвкусной литературой) перекрывает какие-то клапаны, а когда наступит пауза, я почувствую, что все это – правда?!

Здесь жить сложно – ритм иной, поведение людей иное, притом что все похоже на русское, т. к. Израиль строился евреями из России, и поэтому многие вещи ты поначалу воспринимаешь как знакомые, а потом понимаешь, что совсем даже нет. Как похожие люди. Ты можешь вести себя с человеком, который тебе кого-то напоминает, как обычно ты себя с таким человеком ведешь, а потом выясняется, что ничего подобного, и он совсем другой, и ты теперь другая.

Когда я смотрела вчера этот финский фильм, половина – Москва – Ленинград, половина – Иерусалим, – я не могла понять, где я, там или здесь. Но все же потом, оценивая свои чувства, пришла к пониманию, что здесь. <...>

Представь себе, четверть страны примерно военизирована, и нет ощущения ни армии, ни режима, есть ощущение полной личной безопасности, хотя в процентном соотношении армейских здесь больше, чем в СССР. Милиции не видно вообще, она объявляется редко, если какие-то серьезные демонстрации. Здесь можно жить совсем иначе – совершенно духовной жизнью – стать отшельником или изучать всю жизнь два слова из Торы – и это не будет исключением из правил, а нормой жизни.

Федя уже способен читать Тору, медленно, но может, Маня сама переделала себя с Макаровой на Коренберг³⁵, нам прислали такую бумагу из Израильского музея, что наша Маня Коренберг (на иврите все) проявила себя как талантливая ученица в живописи и скульптуре, проявила способность в концентрации и еще что-то. Вот тебе и на! Я хотела быть как все, стала Макаровой, Маня хочет быть как все – стала Коренберг.

Мамочка, я уже должна идти, меня ждут. Только что принесли принт, все большими ивритскими и английскими буквами. Детские стихи – все-все-все не на моем языке. Красиво! Внутри себя я всем недовольна, но, если посмотреть не на мелочи, а в целом, я хотела это

---

³⁵ Фамилии Коренберг в нашей семье не повезло. Мой отец, Коренберг Годель Шабеевич, взял себе литературный псевдоним Корин Григорий Александрович. Петр Коренберг, папин брат, погиб в войну, второй его брат, Михаил Коренберг (дядя Миля), не оставил по себе потомства. Манины попытки не увенчались успехом. Все мы остались Макаровыми, и даже наши внуки, не знающие русского языка, носят фамилию Макаров, только на французский лад, без женского окончания.

сделать для Фриды и детей, и это сделала, неважно, что все так трудно, что все упирается в мелочи, в неорганизованность... 12 июля увижу все, что настроила, поразительно!

Хорошо, что твоя книга об Ахматовой не будет лежать еще целый год. Вообще хорошо жить в словах, хорошо быть оккупированной только одной идеей, в этом большая ценность, чем делать всякие вещи за одну короткую жизнь. А мне все мнилось, что жизнь долгая и я когда-нибудь что-нибудь толковое напишу. <...>

12. Е. Макарова – И. Лиснянской **14 июля 1990**

14 июля

Дорогая мамочка! Наконец-то я не то чтобы вздохнула, но перевела дух. Все готово – выставка, каталог, афиша, – красиво. На открытии были все наши друзья, министр культуры и образования Израиля, старики и старушки из гетто, работники музеев, наверное, человек 200. <...> Все вокруг рыдают, потому что на то, что получилось, нельзя смотреть без слез. Это то, что я бы писала в длинном романе – о в общем-то беспомощном человеке, сумевшем победить систему, сумевшем жить в повседневности катастрофы, когда уже не человек боится своей тени, а тень шарахается от человека, жить, не жалуясь и не скуля, потому что... А вот почему?

Человеческое достоинство – мотив выставки. Все строго и чисто. В зеркалах видны оборотные стороны рисунков, тексты аккуратно убраны в панели в центре зала, все молчит, и все говорит. <...>

13. И. Лиснянская – Е. Макаровой Июль 1990

Милая моя Леночка! Сейчас, наверное, выставка в полном разгаре. Есть ли кондишены, ибо лето так же, наверное, в полном разгаре. Книги твои³⁶, быть может, уже Изюмова выкупила. Книга получилась очень красивая и читается с интересом. Конечно, пример Лели «назад к маме, вперед к маме»³⁷, – разбередил во мне и так незаживающую рану, и я много плакала. Поэтому данное письмо – первое после предвыставочного разговора с тобой по телефону. Все переживаю то обстоятельство, что ты не можешь ни забыть, ни простить. Ну, да ладно! Тут, конечно, я еще многое и многое вспомнила, как, когда и почему перед тобой виновата. И даже целый роман «Раскаянье» могла бы написать. Зато, слава Богу, ты всегда была безупречна в отношении меня и, значит, обиды у меня никакой нет, тоже – слава Богу. А только – неизбежное чувство вины. <...>

Здесь я, естественно, не пишу ничего. Есть одиночество, но уединения пространства во времени нет никакого. Фигаро неделю здесь, четыре дня в городе, снова здесь и т. д. и т. п. А я должна быть на месте. Потому что о каждом выезде в город или из него я, увы, думаю три дня. Это, видимо, и есть старость, к которой муза снисходит только тогда, когда старость не мечется в пространстве. Старости нужно очень мало пространства. Так мудро устроена жизнь, медленно и часто безболезненно приводит старость к трем аршинам площади. Семен чувствует себя слабо и часто говорит о смерти, – с затаиваемым даже от меня страхом.

Лето стоит сносное. Деньги совсем пали, так что я покупаю дорогие фрукты-овощи и даже сама ем также. <...> Вообще, что же здесь будет и представить себе не могу. Все разлезлось по швам. Одна говорильня и никаких реальных для народа перспектив. Кроме Гражданской войны или же военного переворота. Люди озлоблены до предела, и возросли преступления жесточайшие, ничем как бы не мотивированные. <...> Сегодня идет дождь, и солнышки не рисуются.

---

³⁶ Речь идет о книге «В начале было детство», изданной в «Педагогике» в 1990 году.

³⁷ Эту фразу в детстве я повторяла как заведенная, когда мама отлучалась по своим делам. В рассказе я приписала ее девочке, поведение которой объяснялось недостатком материнского внимания.

14. И. Лиснянская – Е. Макаровой

Июль 1990

Родные мои Леночка, Сережа, Маничка, Феденька! <...> Посылаю вам мою первую огоньковскую ласточку³⁸, куда, увы, не вошло стихотворение:

Да, такое времечко,
Да, такие птички,
Что ж, пора, евреечка,
Складывать вещички.

Ей-богу, кажется мне, что, если бы не Семен, я бы их сложила. Уж очень мне странно быть на таком расстоянии от вас. <...>

---

³⁸ «Воздушный пласт» – книжка, вышедшая в СССР после 12 лет запрета на публикации. В промежутке маму печатали лишь «вражеские издания» – «ИМКА-Пресс» («Дожди и зеркала», 1983) и «Ардис» («На опушке сна», 1985).

15. Е. Макарова – И. Лиснянской *Конец июля 1990*

Мамуля! Я немного прочухалась, вчера первый день была в ульпане, учила иврит. Дала себе 2 месяца на это, но заниматься нужно по 6–8 часов в день, чтобы был эффект. С завистью смотрю на Федьку – он пишет, читает, вчера перевел мне статейку из газеты про выставку. Вообще, он изменился так, что поверить невозможно – занимается Танахом, проникает в культуру как-то глубоко, он здесь живет, вот что интересно, живет как израильтянин. Кто бы мог подумать! <...>

Наверное, временное отчуждение от литературы объясняет и тот факт, что я почти ничего не читаю. Мой взор, говоря высоким стилем, обращен сейчас более на искусство изобразительное. Хочется писать какие-то статьи или эссе о 20-х годах в Германии и Австрии, о фотографиях того времени, а если читать, то тоже не литературу, а всякие дневники и воспоминания таких художников, как Кандинский, Клее, Малевич и т. д. Все это тоже крутится вокруг Фридл. Понять Петрова-Водкина, к примеру, можно без особых дополнительных чтений, мы знаем контекст шкурной, а вот иноязычная культура требует больших штудий.

Сейчас раннее утро. Горы Иерусалима еще в дымке. Стены близлежащих домов освещены ярким солнцем, отчего их конструкция выглядит очень рельефной, а все, что вдали, действительно спит в прозрачных облаках. Гуляет ветер, шумит, как прибой. Я стала трудно писать. Напишу фразу – сижу, смотрю по сторонам. Вот вредная кошка, вот новый книжный шкаф, вчера нам привезли его от Билла из Тель-Авива, вот каталог Фридл за стеклом, Лесков, А. К. Толстой, Батюшков – как они здесь приживутся?

<...> Про выставку пишут в израильской прессе, в Джерусалим Пост, ее показывали в новостях по телевизору, много всяких контактов и с иностранным телевидением. У Билла также ряд идей по поводу Америки, с которыми он вчера улетел туда, – но ведь это не моя коллекция, если даже что-то устроится, то дадут ли разрешения все частные люди из Швейцарии, Австрии, Италии и т. д.? Билл хочет договориться с Модерн Арт Галери в Нью-Йорке и с Файн Арт в Чикаго и Лос-Анджелесе. Я пока учу иврит. Почему-то у меня такое чувство, что что-то упадет с неба <...> Сегодня четыре месяца, как мы покинули Химки и СССР. Самое в этом для меня трудное – разлука с тобой и папой. Если и забирает тоска, только по вас. <...>

16. И. Лиснянская – Е. Макаровой

Конец июля 1990

Доченька! Поздравляю! Поздравляю! Поздравляю! Как я счастлива, что выставка проходит на славу! Просто у меня 2 дня ликования и уже неприличного хвастовства твоими успехами. И успехами Феди! И Сережиными делами! И Манькой!

⟨...⟩ Мать моя настаивает на том, чтобы все ее дети отвалили. Я объясняю, что мне это невозможно, но она горячо удивляется. Не понимает, как я стара и как не могу жить без русской речи в ушах.

⟨...⟩ Что касается моих публикаций, то все они (журнальные) падают на №№ 10–11. Кажется, в Лит. газете хотят через номер, т. е. через две недели дать целую полосу. Сначала она состояла (треть полосы) из моих 17-ти стихотворений, но тут Кублановский прислал сдержанно-хвалебную на меня статью, и теперь планируют сильно сократить подборку стихов и дать ее вместе со статьей Юры Кублика³⁹. Но мне хоть так, хоть так – все равно, я даже не записала, какие стихи отдала им по их просьбе. Все отошло это на десятый план моей жизни.

⟨...⟩ Обстановка продолжает оставаться поганой во всех аспектах жизни, и абсолютно – непредсказуемой. Это не способствует тому равновесию души, когда приходит слово. Способствует только сиюсекундникам «перестройки», к ним приходит не слово, а словеса, заранее обреченные на мотыльковую участь. Кстати, я напрасно оскорбляю жизнь мотылька. Это живое существо. Может быть, в день проживает космическое время. Кто знает? ⟨...⟩

---

³⁹ Юрий Кублановский, поэт, участник «Метрополя».

17. Е. Макарова – И. Лиснянской 31 августа 1990

31 августа 1990

Мамочка, дорогая, привет! Пишу тебе в последний день лета. Наверное, у вас это ощущение – прохладно, желтеют листья, льют дожди. Здесь лето кончилось только по календарю.

Инжир спелый с деревьев валится, дети собираются в школу.

Жду папу, жду тебя с Семеном Израилевичем, придумываю, куда поедем, в каком кафе засядем, под оливами, в саду, за белыми столиками... Настроение элегически-меланхолическое, начинают посещать видения – Крапивинский переулок, но он и для вас теперь видение. Машка же переехала с Бульварного кольца. Но стоит лишь вспомнить сад во дворе иностранной комиссии, в душе все леденеет и ностальгия прекращается. Иногда, если этого мало, вспоминаю нашу дорогу от дома до автобуса на Ленинградском шоссе.

Наверное, если бы я активно участвовала в литературном процессе там, мне было бы тяжело здесь. А так хорошо – нигде никто. После выставки, в образовавшемся вакууме – каникулы в ульпане – я села что-то писать. Делаю это, скорее, чтобы самоутвердиться, чтобы еще раз продумать все, пишется что-то сатирическое, по Марксу, смеюсь, расстаюсь со своим прошлым. А хочется чего-то другого, лирического взамен сатиры, но не хватает дыхания, не хватает свободы внутренней, но пока упрямо пишу.

Дети говорят на иврите, в ивритской компании я их не понимаю, разве что догадаться могу, о чем речь идет. Сережа понимает и говорит, он не прибегает к английскому, а медленно говорит на иврите, а я ленюсь, видимо, еще не дошло полностью до сознания, что это теперь мой язык. Или упрямство? Мол, берите меня такую, с русским в подкорке и английским на челе. <...>

В Израиле прекрасно то, что любая хандра или неудача не ощущается, как постоянные, всегда присутствует вера, что все наладится и будет хорошо. Здесь живет народ с ощущением будущего, хорошего будущего. И поэтому люди друг другу мало жалуются, это видно в автобусе, когда встречаются знакомые, как они сияют, как они готовы друг друга обрадовать новостями, если даже не понимаешь, что хорошего они друг другу сообщают, то по приподнятой интонации догадываешься, что они или хвалят детей, или внуков, или цветы, или что-то у них вошло, проросло, получилось. <...>

18. Е. Макарова – И. Лиснянской *Начало сентября 1990*

Мамочка! У меня сейчас при себе нет машинки, а очень хочется поделиться с тобой впечатлениями. Я – у Вилли Гроага, того самого, кто помнит Фридл и кто привез чемоданы с детскими рисунками из Терезина в еврейскую общину Праги. Он живет в кибуце, работает на фабрике, в кибуце же, химиком. Его фабрика похожа на маленький частный завод 20-х годов – высокие цилиндры, голубые, кажется, все гудит, перед фабрикой цветник и крошечная лужайка, на ней, под цветущей китайской розой, камень – на нем имя солдата, погибшего в Шестидневную войну. Фабрика, да, такая могла быть и в Греции, и в Турции, а вот такой камень под цветущей китайской розой, неприметный, это уже история многострадального Израиля.

И еще – человек такого уровня европейской образованности, как Вилли (можно сравнить его с Эфроимсоном⁴⁰), работает химиком в гулкой фабричке кибуца! Его работа, как я поняла, состоит в анализе чистоты химических продуктов.

«...» Когда я начала тебе писать, Вилли принес мне стакан компота на блюдечке с ложечкой. Он не спрашивал первоначально, хочу я или не хочу, а также не сказал мне – выпей, это вкусно. Поставил рядом с кроватью, улыбнулся и ушел.

Здесь чувства не находятся под знаком вопроса. И это не потому, что человек не колеблется, человек колеблется, его чувства – нет. Мы же не дрожим оттого, что земной шар крутится. Прямота – тоже одно из отличительных свойств. Хочу-не хочу, буду-не буду, люблю-не люблю, – говорится в лицо, не крутится и не вертится. Видимо, это создает климат, в котором нет истеричности и нервозности.

Люди здесь движимы какими-то основными, а не дополнительными чувствами. Как есть цвета основные и дополнительные. По сравнению со среднерусской природой дополнительных цветов здесь меньше.

Мамочка, я тебя очень люблю, и хочу, чтобы ты понимала меня не только ту, но и теперешнюю.

Вилли – 75 лет. Он каждый день работает, а после работы устраивает для жителей кибуца то выставку, то вечер поэтессы Эльзы Ласкер-Шюлер, которая родилась в Германии и умерла в Израиле. По рассказам Вилли, она здесь была очень одинока и читала свои стихи при свечах горстке немецких евреев. Вилли не лезет ни к кому со своим опытом, никого не учит, а казалось бы, ему с его судьбой все карты в руки. Он ни разу ни на что не пожаловался. Здесь это не принято не потому, что нужно всегда улыбаться как в Америке, а потому, что не к чести жаловаться. Первый вопрос Вилли, когда я внезапно приехала: «Что-то случилось? Ты расстроена? Ты себя плохо чувствуешь? Ты устала!» Он постелил мне постель и сказал, я буду отдыхать, и ты поспи. Потом мы поговорили про письма Фридл – «Я же знаю, зачем ты приехала».

«...» Это пишу сегодня, стало быть, то писала вчера. Сейчас я в кибуце «Бейт-Терезин», это более богатый кибуц. В окно смотрит маленькое апельсиновое дерево с зелеными апельсинчиками. Пока я не понимаю, что когда цветет и что когда созревает. Например, зимой здесь в лесу собирают грибы. Значит, здесь бывает зима.

Сейчас посмотрела на себя в зеркало. Новая женщина. Короткая стрижка, загар, – странно. «...»

---

⁴⁰ Генетик Владимир Павлович Эфроимсон, с которым мне довелось познакомиться в 1981 году, оказал огромное влияние на мое становление. <http://www.peoples.ru/science/biology/efroimson/> Мало того, он явился первым серьезным критиком моих книг, посвященных детству и творчеству.

19. И. Лиснянская – Е. Макаровой Сентябрь 1990

Доченька! Получила от тебя и Мани письма вместе с приглашением и снотворными. И – пачку дивных сигарет! Спасибо. Ты мне прекрасно описала свои две, как я понимаю, поездки в кибуц. И людей, и солдат, и внутреннюю, что ли, обстановку души Израиля. Ты пишешь, что там ты – совсем другая, и к этому я должна привыкнуть, чтобы не было между нами непонимания.

Леночка, моя родная, ты уже несколько раз на моих глазах делалась на какой-то период времени другой, как, впрочем, и я – на твоих глазах. Но абсолютно другим человеком никто из нас не может быть. Основа, заложенная Богом, стержень души, всегда один и тот же. В данном случае как у тебя, так и у меня сознание круто изменившейся ситуации поворачивает этот стержень порой на 180°. Но стержень имеет свойство, как только сознание стабилизируется, возвращается на свое место до следующего крутого изменения ситуации. Так, по крайней мере, я думаю. И я, и ты не однажды уже принаравливались к нам – другим.

Меня, естественно, беспокоит крайне Ирак и все с ним связанное. Сейчас он начнет спекулировать на арабском единстве, невзирая на то что этого единства нет. И все поворачивать против Израиля. Не исключаю варианта, что будет ставить условие: пусть Израиль откажется от захваченных земель, и тогда, я, Саддам Хусейн, выйду из Кувейта. Иного поворота у него, пожалуй, сейчас и нет. Выжидательность Америки и др. ему на пользу. Все в конце концов устанут из-за нефтяного голода и т. д. и, возможно, начнут давить на Израиль, совершенно позабыв о том, что на него напали, а не Израиль напал, чтобы путем «дипломатии» разрядить «конфликт». Все это мои предположения-предчувствия, не лишённые логики, ибо национальное самосознание – алогично.

Вся трагедия евреев в том, что они на протяжении истории рассуждали логично и эту логичность приписывали врагу. Так было в средневековой Испании. Евреи понимали, что они на пользу Испании, что без них будет сокрушена. Но испанцы действовали вне логики, евреи были изгнаны, а Испания потерпела поражение в конце концов. Так было и в России при Николае II. Если бы он внял своему двоюродному брату, оперся на Ротшильда, заключил бы союз своевременный с Англией и Францией, то сам не пал бы. Но против всякой логики, свойственной еврейству, он поддался на нац. алогизм, разрешил погромы и т. д. – и лишился короны и жизни. Можно было бы приводить еще множество исторических примеров. Но это поздно и для чего? Просто я с тобой пустилась в рассуждансы. Но только пустилась, как услышала по «Свободе» заявление этого маньяка, что «Израиль виноват в блокировании Персидского залива американцами. Зло Ближнего Востока – Израиль!». Вот так-то – наша позиция двойственно подла. Но это уже не новость. Где хуже, тоже трудно угадать. Здесь эпидемия дифтерита со смертельными нередко исходами. Грабежи и т. д. Чего только нет сейчас в этой моей разнесчастной стране – даже холера в Ростове. Нет даже табака.

⟨...⟩ Обстановка после убийства Александра Меня⁴¹ еще более накаленная. Представь себе, его отпевали не как убиенного, а как усопшего. ⟨...⟩

---

⁴¹ Священник Александр Мень был убит 9 сентября 1990 года.

20. Е. Макарова – И. Лиснянской 20 сентября 1990

20.9.90

Дорогая мамочка! Спасибо тебе за все подарки и письма. У меня в запасе двадцать минут, хочу послать тебе с кем-то, а не по почте. Папа здесь чувствует себя прекрасно, забыл, по-моему, мерить давление, счастлив – мы все на месте, воздух, вода и продукты не отравлены, читает стихи нам вслух, – страшно подумать, что он туда вернется. Может, еще переживает. <...>

Твои письма я прочитала по два раза, сквозь них просачивается тоска, но не депрессия, мне кажется, что это у тебя нормальное здоровое чувство тоски – нас нет рядом, вокруг все надоедливо трещит по швам, все как-то растрескано изнутри и снаружи, мне было бы страшно тяжело на твоём месте. Мне тяжело, что я тебе причиняю такую боль, но я надеюсь, что ты все равно будешь с нами. <...>

Мамусечка, мне понравилась статья Кублановского, написана очень по делу, я бы на его месте еще больше сосредоточила внимание читателей на музыкальной природе твоих стихов, у него есть попытки с цветом – где он пишет про торфяник розовый, но о музыке не сказано важного слова, кажется, он и сам не очень музыкален, я как-то не помню его стихов. Где ты отыскиваешь такие фотографии, женщина? Ты же просто не ты! Это меня рассердило – следи, дорогая, за портретами!

В феврале, видимо, я еду во Франкфурт готовить там выставку. Это снова большая работа – надо пересоставить массу деловых бумаг, подготовить все для перевода на немецкий язык, пересочинить дизайн для помещения из отдельных комнат. За это мне будет платить Германия. Там же попробую съездить в Баухауз и Вену, если Билл (а он улетает 23-го во Франкфурт и Прагу) договорится с директором музея о том, чтобы они мне все это оплатили. Тем более что за каталог ничего там не получу, на нем копирайт Яд Вашем. <...>

Пока же начинаю преподавать в Иерусалимском Музее искусств детям, наверное, раз в неделю, больше при моей нагрузке не потяну.

<...> В «Чистых прудах» очень понравилась вещь Горенштейна⁴², по-моему, это маленький шедевр, что-то от чеховской тоски и лесковского эпоса. Какой он молодец! В моем рассказе много мелочей, много глупостей, кажется, удачен только конец с Генькой, есть там настроение. Кабы знала, не писала! Представь, мне это не больно и не обидно, а урок – не писать плохой прозы, т. е. не писать ничего необязательного, без чего можно вполне обойтись. <...>

Что касается нового человека, т. е. изменений с переездом, здесь ты права. Про стержень и витки. Меня швыряет, и в моменты вышвырнутости я чувствую, как теряю прошлую оболочку, но потом все возвращается на места.

<...> Счастлива видеть «Декаду» и воспоминания о Гроссмане, есть у меня на этот счет сентиментальные чувства, вспоминаю всю историю этих вещей, а за ней тянется наше выздоровление от недугов, наша борьба с болезнью, наша победа, в конце концов, в этом всем я тоже принимала участие, чем горжусь⁴³. И как хорошо и, главное, справедливо, что все это опубликовано пусть и на желтой бумаге, зато большим тиражом. Успех!

---

⁴² Горенштейн Ф. Улица Красных Зорь // Чистые Пруды. М.: Моск. рабочий, 1900. Мой рассказ, опубликованный там же, назывался «Заначка».

⁴³ Мы с мамой выжили Семена Израилевича после тяжелых операций в то время, когда разыгралась история с альманахом «Метрополь». Рукопись романа Гроссмана «Жизнь и Судьба» я увезла из их дома, боясь обыска. Нам удалось поднять на ноги Семена Израилевича и передать рукопись в виде фотопленок на Запад. В 1986 году политика СССР стала

Манька возится с куклятами, хохотала, читая твое письмо с рисунками, а я вспоминала детство, когда мы с тобой так вот переписывались. Какие мы уже древние Мафусаилы! <...>

21. Е. Макарова – И. Лиснянской Ноябрь 1990

Дорогая мамуля! Сегодня я получила свою книжку. <...> С радостью увидела лица своих детей и учеников, убедилась, что и это было в моей жизни и занимало какое-то время почти все мое время, – удивительно пестрая жизнь, она, наверное, у всех такая, но мне чудится, что я прожила уже минимум три – в прозе, работе с детьми и теперь вот с выставками.

Учу иврит. Прекрасный язык, несколько механистичный, что ли, но дается. Точка на иврите – никуда. А дальше по родам местоимений и чисел, две точки – никудот, а три – шалаш никудот. Многогочие, наверное, еще как-то иначе называется. Я пришла в группу, которая уже месяц учила язык, стала нагонять, умею читать и списывать с доски или учебника, сама писать еще не могу. Правда, хожу не регулярно, часто сбегая в Яд Вашем. Там у меня встречи, общения, о выставке пишут в израильской прессе, в четверг, 26-го была еще одна передача по «Коль Исраэль», через несколько недель в передаче «Культурная жизнь Израиля» снова будет о выставке, и ты услышишь мой голос, довольно длинная речь. Тоже было по английскому радио, где говорила по-английски, но я не слышала.

<...> Манька была 10 дней в лагере религиозном с девочками, привезла кучу смешных историй, Федя обучает меня ивриту, очень толково, надо сказать, сегодня привел какую-то девушку, весьма милую, Лену, играть на компьютере. Он в стране мистических возможностей чувствует себя очень свободно, франтит, поскольку говорит по-английски, его время от времени приглашают в компании американских детей, так, чтобы показать им, какие приезжают асы из СССР. Он, конечно, не показатель.

Сережа, по-моему, постепенно включается в газетную работу, собирает материалы, готовит свою часть, они начинают выходить в середине сентября, эта газета в будущем будет распространяться и в СССР, так что мы вам отсюда все распишем по-честному, какая здесь бюрократия, какие здесь социалистические основы всего, какая это страна переходной формации, желательно, чтобы она скорее перешла в капиталистическую целиком, потому что пережитки социализма тяжелы даже в мистической стране.

<...> Послала тебе каталог, в спешке, кажется, не надписала Семену, или надписала? Напиши подробно, как ты, что делала на даче, как Семен Израилевич, что пишешь после тех замечательных нескольких стихотворений, что с книгой о «Поэме без героя»? <...>

22. Е. Макарова – И. Лиснянской *Начало декабря 1990*

Дорогие мои, мама и Семен Израилевич! Я все вспоминаю, как мы гуляли по Яффо, как ели на берегу Средиземного моря банановое мороженое. И не только море с мороженым. Очень странно, вас нет. <...> Но мы снова встретимся и продолжим наши прогулки вдоль Мертвого моря и Красного, по пустыням Негева и Тверии, – маленькая страна требует к себе большого внимания⁴⁴.

Лена, Тяпа и дети⁴⁵ не получили пока своего багажа, где были у них все документы, так что висим в неизвестности, это закономерно, когда есть сложности и без того, нужно, чтобы возникли еще большие, тогда прежние перестают казаться такими уж непреодолимыми. Думаю, все уладится, а терпения мне не занимать. Тяпа с кошкой живут, как и положено кошке с собакой, но, говорят, между животными мир наступает через неделю.

Мы с Леной сидим в кухне и пишем письма – уже не друг другу, а вам. Надеюсь, что очень скоро мы точно так же с вами будем сидеть ну пусть не на кухне, в роскошной квартире, и писать письма в Москву.

Поразительно интересная жизнь, кажется, я способна ее принимать во всем, и в трудностях, которые она создает, почти что нарочно, в самом ее замысловатом течении столько простого смысла, что когда видишь его, когда открыт ему, – чувствуешь головокружительную свободу. Свободу приятия. Я бы мечтала, мама, чтобы ты поправилась душевно, ведь ты – моя мама. Я у тебя позаимствовала все эти возможности, и наша природа одна, – ты должна скоро выздороветь. Главное, не думай, что все в жизни окружающих зависит от твоих усилий. И не винись, ты ни в чем не виновата. Разве в том, что тебе дан талант, это всегда трудно, в повседневности.

Мамуль, Ленка уже уходит сдавать письма, так что это вышло куцым, но вполне, думаю, понятным посланием из Иерусалима, где все так и нет дождя, в Москву, где снег и холод. <...>

---

⁴⁴ Мама и Семен Израилевич гостили в Израиле по приглашению Шамира, тогдашнего премьер-министра. Ноябрь 1990 года выдался солнечный, и нам удалось попутешествовать. Увы, для Семена Израилевича это посещение Израиля оказалось первым и последним. Но мы с мамой после 2003 года ездили и на Красное море, и в пустыню Негева. «Эх, Семочка, это бы тебя поразило, – вздыхала мама, – но ты и так все видишь», – добавляла она вопросительно.

⁴⁵ Лена Кешман (Изюмова) репатрировалась в Израиль с детьми и собакой.

23. И. Лиснянская – Е. Макаровой 17 декабря 1990

17.12.1990

Моя родная, единственная, лучше которой нельзя придумать! Леночка! Будь хоть за меня спокойна, мне гораздо лучше, я бы даже сказала: мне хорошо!

Только теперь, ретроспективно, понимаю и вижу, на какой чудной земле я была! В памяти всплывают все места и подробности, которых я как бы не видела, была безразлична из-за своего жуткого недомогания. Я и к тебе и к детям не могла проявить то чувство, то внимание, которое во мне, – все как бы было отодвинуто, загнано куда-то тревожной депрессией. Такая моя судьба дурацкая – все ополовинивается и даже на три четверти отрезается. Так и с сумкой Билла. Грабеж бессмысленный. Например, один кроссовок остался, другой взяли, и так – со всем. Одну банку крема, две банки молока, супы, детям посылка. Но Яне⁴⁶ в полуопустошенный пакет я сунула банку с кофе, штанишки и супы. Папе отдала одну банку молока, 2 – исчезли. Ну я совершенно об этом не тоскую. <...> «Я радуюсь, когда теряю вещи»⁴⁷. Это стихотворение я не зря написала. Здесь меня ожидала большая публикация – полстраницы – в Литературке, и верстка моей книги совписовской⁴⁸. Вычитывать пока не могу, но Машка и Семен вычитали. Семен же здесь чувствует себя дурно, его шатает, и почему-то очень недомогает. Но так потрясен Израилем, что он злится, когда ему задают низко-бытовые вопросы – что почем, а не что это за страна.

<...> Жаль маму, вчера вместе с Джаником⁴⁹ ездили в больницу. Она держится молодцом, очень тебя благодарит за кофту, расспрашивала о тебе и детях, просила передать приветы и поцелуи. Страшно думать о, кажется, неминуемой утрате. Врачи говорят, что ничего сделать нельзя уже. Вот это действительно горе, и никаким пониманием возраста его не унять. Особенно когда знаешь и видишь, какие боли претерпевает твоя мать, как цепляется мужественно за жизнь! И при всем этом, например, «болеет» за Каспарова: «Инночка, а здесь все хотят выигрыша Карпова, ты же видишь, что за контингент здесь – одни коммунисты!»

<...> Обратный путь от вас был очень тяжел – всю ночь в душнейшем закутке в Будапеште (Семен принимал нитроглицерин и не однажды, и трехчасовое ожидание – розыск багажа.) М.б. у него и депрессия в какой-то мере, уж очень ему не хотелось уезжать, из Иерусалима – особенно. Но, увы, у него амбиции – бытовые, не литературные, да и понятно – как-никак ему в будущем году – 80 лет. <...>

⁴⁶ Дочь Сергея Макарова от первого брака.

⁴⁷ Я радуюсь, когда теряю вещи, Я всякий раз самозабвенно верю, Что это случай ждал меня зловещий, Но откупила я от него потерей. Счастливица, я потеряла за год Три пенсии, две сумки и колечко – В награду лето, красное от ягод, И прямо в лес зеленое крылечко. Так что же я в малинник уронила? И почему я задаю вопросы? Чего ишу полмесяца уныло В кустарнике, где торжествуют осы? Счастливица, каких на свете мало, Чей сон бывал, словно малина, сладок, Я благовестный голос потеряла И гнезда слов, и птичий их порядок. 1983

⁴⁸ Стихотворения. – М.: Сов. писатель, 1991.

⁴⁹ Брат по линии матери – Евгений (Джаник) Терегулов, композитор. Джаник был на год старше меня. С мамой у него были особые отношения, он и его жена Лида часто навещали ее в Переделкине, устраивали «шашлычную» во дворе, с Лидой они приезжали к нам в Иерусалим, катали маму по разным красивым местам и ресторанам. Джаник написал два романса на мамины стихи. В 2011 году Джаника не стало, и эту утрату мама переживала до самой смерти. Его книга «О забытых правилах в музыке барокко и классицизма» с портретом на обложке лежала у нее на столе.

24. Е. Макарова – И. Лиснянской **Январь 1991**

⟨...⟩ Мы тут тоже не скучаем. Я была в Европе по делам выставки, вернулась с полпути из-за войны. В Иерусалиме, в принципе, не напряженно пока, разве что сигналы тревоги, обращенные к жителям Израиля, будят всех, мы ждем, что скажет наш герой, Нахман Шай, о результатах очередной атаки Саддама Хусейна. Тель-Авиву достается, а там, как ты знаешь, живет Билл, так что во время тревоги мы перезваниваемся, – эти моменты не очень приятны.

Дети любят Израиль, говорят на иврите, стойко переносят происходящее. Вообще, надо тебе сказать, что в такие минуты проявляется характер народа, и этот народ мне очень стал близким, мне нравится сдержанность израильтян, их чувство собственного достоинства, их сплоченность, в которой нет стадности, а есть семейственность, чувство ответственности за детей. Дети только недавно пошли в школы, до этого же для них были организованы специальные телепередачи, взрослые, педагоги и воспитатели, приходили к детям домой, работала телефонная служба, любой ребенок мог позвонить в любой момент, если ему было страшно или тревожно, а родителей нет дома, например, и с ним беседовали и утешали его прекрасно. Словом, каждый делал все, что мог. Психологически трудней всего тем, кто прошел концлагеря, а таких в Израиле очень много, для них угроза газовой атаки, противогазы, сирены – испытание, поскольку это возвращает их память к Освенциму, к чувству незащищенности и пассивному ожиданию.

25. И. Лиснянская – Е. Макаровой **15 января 1991**

15.1.1991

Дорогая моя доченька! На твое одно письмо, которое, слава Богу, получила, отправляю тебе второе. Сейчас не знаю, где ты, возможно в Вене. Очень волнуюсь за детей и за тебя, в связи с ультиматумами Саддама Хусейна и встречными – волнуюсь за всех. Но почему-то надеюсь, что победа будет за Вами. Дай-то Бог!

Леночка, тебе большой привет от мамы, которая очень плоха. Вчера весь день была у нее. Бедненькая, как она героически переносит адские боли! Срывается на плач очень редко, оттого еще более жалко ее. Да и вообще: мать – это мать, и никто в мире ее не может заметить, как бы с детства ни складывалась судьба. Завтра тоже буду с ней, она сейчас дома. В больнице ей было очень плохо, сестры медицинские – не дети. А тут все-таки ласка и ежеминутный уход. Мне, конечно, очень трудно, разрываюсь между мамой и Семеном, которого участились головокружения и слабость и который если жалуется на что-нибудь, то только мне. <...>

Сегодня 15-ое⁵⁰, особый день, когда все мои мысли и чувства с Вами. Дай Бог вам мужества и победы. Пусть всех-всех сохранит Господь. <...>

---

⁵⁰ Дата истечения срока ультиматума ООН, выдвинутого Ираку, оккупировавшему Кувейт. Американцы не разрешили Израилю участвовать в военных действиях. Первые восемь ракет «Аль-Хусейн» (модификация советского «Скада») были выпущены по Тель-Авиву и Хайфе 17 января.

26. Е. Макарова – И. Лиснянской **20 января 1991**

20 января 1991

Дорогая мамочка! Сегодня получила твое письмо от 15 января. Тогда я еще была в Вене, что теперь кажется мне странным и весьма сомнительным. Два дня в Праге были просто сюрреалистическим кошмаром, когда никто не разрешил мне даже переписать инвентарные номера рисунков. <...> Со мной обошлись как в дурном сне Кафки, сказали, что я должна забыть дорогу в музей, что никто никогда не позволит мне здесь «шпионить на сионизм» и т. д. и т. п. Короче, они вели себя совершенно непозволительно, уж не говоря о том, что стащили с моего стола список 20 имен детей из комнаты 28, который я наконец обнаружила в Вене, в дневнике Хельги Поллак, в ее доме в Венском лесу. Для этого я проделала долгий путь, а они просто взяли и стащили со стола список, на что он им сдался? Словом, мой роман с Прагой окончен, видно, так нужно было, для завершения цикла. Прага – первое ощущение свободы – крушение свободы под нашим режимом – двадцать лет режима – возврат свободы – ощущение пустоты – кризис.

Вместе с тревогой за Израиль это довело меня до истерики, я успокоилась только тогда, когда вернулась в Вену. В Вене было тревожно за Израиль, но не было ощущения полного бесправия. В Израиле я пришла в себя. Вот уже три дня, как не было сирены и мы не сидели в противогазах. <...>

27. Е. Макарова – И. Лиснянской 8 февраля 1991

8 февраля

⟨...⟩ Вчера Орна (учительница иврита) сказала: в Пурим война должна быть кончена, и Саддам разделит участь Амана. Все точно, только неизвестно, как скоро Саддам уйдет со сцены. Конечно, это символично, что война кончается Пуримом для евреев, карнавалом газовых масок.

Сейчас утро. Птички поют после дождя, со страны как бы постепенно сходит напряжение, однако телевизор и радио еще приковывают внимание, – появились новые герои дня, такие как Нахман Шай, молодой красивый наш парнишка-генерал, его лицо и голос (лицо сбоку в рамке) сопровождали нас всю войну, он объявлял тревогу, сообщал новости, предлагал нам «ахшав лишмоа кцат музыка», что значит, сейчас послушаем немножко музыки, а потом он, Нахман, скажет нам, что случилось и есть ли повреждения и жертвы. Кто-то рассказал мне в Яд Вашем, что дети так привыкли ждать тревогу и засыпать только после нее, что родители записали на магнитофон сирену и голос Нахмана Шая, – прослушав все это, надев и сняв противогаз, дети засыпали.

Твое письмо о том, что Семен Израилевич болеет, я получила на следующий день после того, как мне приснилось, что он болеет, во сне я пыталась уговорить тебя прислать мне телеграмму, по которой я смогу вылететь, чтобы помочь тебе за ним ухаживать. ⟨...⟩

Лена Изюмова вчера выразила идею, что Израиль – это любимая дача. Зарабатывать на даче невозможно, для этого надо жить в городе (за границей), а на дачу возвращаться с деньгами и наслаждаться. Действительно, найти здесь себе применение нелегко. Олим⁵¹ одержимы страхами, трудно объяснить им, что все устраивается здесь, если не впадать в уныние и панику, что можно жить в минус и при этом путешествовать по стране, знакомиться с ее историей, думать и т. д. Все эти рассуждения друзья списывают на мое легкомыслие. ⟨...⟩

Я тут напала на след художницы Амалии Секбах, из Боливии в Израиль летают письма, в которых после 50 лет забвения начинает проступать облик умершей в Терезине художницы. В конце апреля, 24-го, открытие выставки Фридл во Франкфурте, мы отправимся с Манькой, вот бы ты прилетела, недалеко ведь! Я бы достала тебе билет отсюда, прислала бы приглашение. На пару деньков, а? Подумай, если Семен Израилевич будет в порядке.

---

⁵¹ Олим – репатрианты, от ивр. «оле» – восхождение.

28. И. Лиснянская – Е. Макаровой 10 февраля 1991

10.2.91

Дорогая моя доченька! Впервые за эти свертревожные недели, кажется, смогу тебе отправить письмо с оказией. Папа, знаю (иногда до него дозваниваюсь – телефон барахлит), отправил вам письмо с Дектором и получил от тебя. Он мне твои письма прочел по телефону. Но я и от тебя 6-го, заехав домой на десять минут, получила то письмо, которое ты написала мне тут же по возвращении из Вены. <...>

Если бы могла, я бы ринулась к вам, мое солнышко. Надо держаться, иного нам не дано. Надо выстоять, максимально будучи осторожными во имя Победы. О ней денно и ночью молю Бога. <...>

Говорят: «Пришла беда – отворяй ворота».

Домой на десять минут я заезжала, чтобы посмотреть, нет ли от тебя весточки, надеть черный платок и мчаться к маме. То есть уже не к маме, а чтобы помочь Томе⁵² и Тане все подготовить к похоронам и к поминкам. Маму похоронили 8 февраля. Я даже не знала, что в моем пожилом возрасте расставаться с матерью гораздо тяжелей, чем в юности. Я имею в виду смерть моего папы, которую я перенесла очень бурно, но возраст взял свое, и я гораздо быстрее утешилась, чем утешусь сейчас.

<...> Мама до последней пятницы, между уколами наркотиков, приходя в себя, неизменно спрашивала: «Как в Персидском заливе, как дети?» Я такого понимания от уходящего из жизни человека, такой стойкости никогда бы не представила себе, если бы не видела и не слышала. В ночь с воскресенья на понедельник мамы не стало, царство ей небесное. Прости, что я так много пишу о своем горе. Я думала всегда, что душа может разрываться только на две части, а вот получилось, что – на три. Вы – в войне, мама – в предсмертье, Семен – в крайней слабости сердечно-мозговой, сосудистой. Мы с ним целые дни у приемника, слушаем сводки каждый час. А когда от него можно было отходить, да и от мамы – я сидела перед телящиком. Как ты в Вене.

Доченька моя золотая, мы – жизнестойкие, жизнежильные, мы выдюжим, и еще ты, а может быть и я, увидим наших детей в безопасности, счастливыми, свободными. Надо беречь себя ради этого. Да чего я еще тебя поучаю, я чувствую, что мы одно целое, и думаем, и тревожимся, и надеемся одинаково. Паника – не наше с тобой дело. Утешая тебя, пытаюсь и себя сделать по твоему подобию. Хотя и странно, что мать хочет быть подобьем своего ребенка. Я же все понимаю. Когда мне пишешь про шашлыки и игру в шашки в противогозах – это есть твое желание облегчить мою жизнь, унять мое беспокойство за вас. <...>

Всему Израилю сейчас принадлежит моя душа, которая есть кровинка-песчинка, маленькая кроха Святой Земли. <...> Все смотрят на меня с состраданием, я отвечаю благодарным взглядом, в котором, однако, таится непреклонная надежда. Ради Бога, с первой же оказией пиши, хотя понимаю, не до нас сейчас. Семен крепко тебя целует, впервые в жизни он поцеловал письмо от тебя. Я-то всегда целую каждую страничку от тебя. Папа молодец! Дважды до меня дозванивался, зная, что у него барахлит телефон. Он тебе звонил и по моей просьбе и гонорару.

---

⁵² У мамы было пять сестер. Тома – родная, остальные – сводные: Таня – от второго брака маминой мамы – Раисы Сумбатовны Адамовой и Давида Ханафьевича Терегулова, Света, Оля и Мара – от Серафимы Михайловны Федоровой, второй жены маминого отца Льва Марковича Лиснянского.

Ну и реформочки прошли! Ударили по несчастным сельским старикам и старухам, не можем добраться из деревни в райцентровские сберкассы. А мафия, естественно, не пострадала. Все пошло здесь крупно на ущерб материальный, а главное, и политический. Думаю, реформа – цель именно политическая, чтобы забыли об всяких фермах, кооперативах, которые сейчас на радость племса под телевизионным огнем. Что-то еще будет. Ты – права во всем, о чем пишешь.

Но, однако, ракеты взрываются пока в Израиле. Последняя – в центре, как мы вычислили, совсем близко от Вас. Будьте, умоляю, осмотрительней, не пренебрегайте тревогами. Ведь ко всему человек привыкает. Я помню, как я на чердаке с мальчишками наблюдала бомбежки. <...> Держитесь – Господь с нами! <...>

29. Е. Макарова – И. Лиснянской 15–16 февраля 1991

15.2.1991

Дорогая мамочка! Я тебе не дописала из Вены, это был вечер в гостинице, когда я возвращалась из Праги через Вену в Израиль. Меня тогда донимали мысли о доме и я не находила, как говорят, языка выражения. <...>

Тревога. Мы пошли в мани-федину комнату (хедер-атум), навьючили противогазы и стали играть в шашки на вылет. <...> По радио на всех языках дают инструкцию, когда можно снять противогазы, выйти из герметизированной комнаты. В перерывах между сообщением играет музыка. Когда все выяснилось, а выяснилось, что это вновь налет на Тель-Авив, есть раненые и один человек убит, – мы посмотрели телевизор и пошли с Манькой в гости к ее подруге Лизе, у них можно смотреть первую программу из Союза. Все, что показывали из Союза, было настолько тяжелым – обмен денег, Рига, уставшие старые люди в шоке, – возникло чувство горечи и безысходной тоски, не представляю, как вы, мои родные, должны переживать за все, и за то, что дома, и за нас здесь. Мы-то действительно живем в военной ситуации, но она кончится победой и нашей внутренней личной свободой, а вот что произойдет в Союзе, с его огромным атомным потенциалом и военной техникой, с которой мы теперь, к стыду Союза и Европы, лично познакомились?!

Взрослые ребята пойдут с воскресенья в школу, а мелочь еще будет дома. Мы организовываем с будущей недели работу с малышами. Мы – это Саша Венгер⁵³ с Норой, родители Лизы и я. Дети все переносят хорошо, достойно, послушно сидят в противогазах, а Манька нарисовала кучу шедевров с Лизой и Венгеровскими сыновьями, в смысле активности творческой мне это напоминает мой Терезин, разница лишь в том, что в Терезине ждали отправки в Освенцим, а мы свободны и победим.

<...> В Европе я так нервничала <...> И только когда мой самолет сел в Тель-Авиве, успокоилась. Дорога в Иерусалим, о которой я мечтала во Франкфурте, Вене, Праге и снова Вене, из которой я улетела, сорвавшись с полдороги, – была все так же прекрасна, лишь более пустынна, чем прежде. Дома ждали дети, все оказалось вовсе не так, как мерещилось в кошмарных видениях в Европе.

За нас волнуйтесь умеренно, я прекрасно представляю на собственной шкуре, что такое быть вдали от происходящего, и могу только сердечно тебе, мамулечка, сочувствовать. Но ты должна понять, что наша армия на высоте, пейтриоты наведены на советские скады, мы все очень дисциплинированы, нас постоянно обо всем информируют. В стране нет и намека на панику.

Дорогая мамочка, от тебя давно ничего нет, и меня это очень беспокоит. Папа говорит, что у вас все нормально, не знаю, утешает или правда так.

Прошел месяц. Все попытки Саддама, направленные на причинение нам травм, пока не достигли никакого эффекта, – люди спокойны, работают, дети учатся, единственное, что изменило лицо страны, – это картонные коробки с противогазами, перекинутые через плечо, разукрашенные и обклеенные разноцветными пленками. В Иерусалиме их носят на всякий случай, в Тель-Авиве – в обязательном порядке. <...> У нас по телевизору показывали парад мод с противогазами, очень смешно, здесь люди умеют шутить надо всем. <...>

Манька много рисует, дети были в восторге от военного положения – еще одни каникулы, теперь вот все ходят уже в школу, несмотря на сирены по ночам, которые Маня с Федей

⁵³ Психолог Александр Венгер, с которым мы дружили и сотрудничали в Москве и Израиле.

не слышат, а мы их уже и не будим. Два дня, правда, Саддам молчал, но теперь он взял моду устраивать нам подъем в 2–3 часа ночи, это все психологическое давление, когда среди ночи ты вскакиваешь от воя сирены, включаешь радио и телевизор, ждешь новостей, звонишь в Тель-Авив, – ляжешь, а он снова пуляет, опять слушаешь все, что говорит, и смотришь все, что показывает, опять звонишь в Тель-Авив.

Я бы мечтала об одном – чтобы вы приехали к нам навсегда. Наша осада кончится, а вот ваша – не уверена. Больше всего боюсь железного занавеса. <...>

16.2.1991

Дорогая мамочка! Вчера от папы узнала, что вы похоронили Раису Сумбатовну и что это случилось уже 10 дней тому назад. Он точно не помнил, какого числа. Бросилась звонить тебе домой, а вы в Переделкине, а телефона тамошнего у меня нет. Надо сказать, что я встала с таким тяжелым сердцем сейчас, потом поняла, почему – это чувство осиротелости, несмотря на то что у меня только в последние годы появилось к бабушке (даже сейчас я неуверенно пишу это слово) особое отношение, очень поздно я осознала эту простую связь между нею, тобой и мной. Сейчас я вижу, откуда это простодушие, желание, чтобы всем было хорошо, попытки все уладить <...> и даже оптимизм, вернее, не оптимизм, а некая лихость по отношению к жизни, которая тоже была подавляема системой. <...> Вспоминаю ее восьмидесятилетие, ресторан, всех детей и внуков, ее счастливые глаза... Все это было делом ее женской жизни, это как для писателя, наверное, увидеть вдруг все свои книги и их героев в театральных костюмах... У нее была сильная интуиция, понимание судьбы, времени, наверное, в ней была такая цельность, и потому в тумане революций, чисток, застоя и гласности ей удалось удержать свое сознание от расщепления. <...> Я бы очень хотела быть сейчас с тобой, говорить о бабушке, вспоминать вместе. <...> Держись, мамочка, я не знаю, что еще сказать тебе. <...>

30. И. Лиснянская – Е. Макаровой 8 марта 1991

8.3.91

Милая моя доченька! Слава Богу! Слава Богу! Слава Богу! Кончилась война, и Израиль снял противогазы, и мои дети не играют, надев их, в поддавки. Но это не значит, что я в слепой эйфории. Много еще трудного впереди с «нашей» подачи. Все-таки «мы» заставили, как там ни крути, связать поражение (отнюдь не окончательное) Саддама с еврейско-арабским конфликтом. Ух, подлые! И все-таки безумная тяжесть-тревога оставила мою душу. Все живы и, надеюсь, здоровы. Сегодня мне приснилось, что я говорю по телефону с тобой и Федей. Только написала эту фразу, и пришел Семен и сказал, что дежурной звонил Григорий Александрович⁵⁴ сообщить мне, что ты звонила, у вас все в порядке. Это уже второй раз он мне передает через дежурную, какой добрец-молодец! Дело в том, что мы переболели гриппом, Семена поставила на ноги, а сама малость подкачала. Какой-то странный острый бронхит – раз в три дня знобит и температура дает свечку до 39°. Но это все ерунда, это нормальная болезнь, разве это сравнишь с депрессией и т. д.? А депрессии у меня нет.

⟨...⟩ 15 марта, т. е. через неделю будут маминны сороковины, так хочется съездить к ней на могилку, но я не уверена, что мне уже можно будет выходить. Во всяком случае, я послушно принимаю антибиотики, чтобы суметь отправиться к маме. Никак, никак еще не привыкну к тому, что ее больше нет на земле. 15-го – и день рождения истинный твоего папы⁵⁵, дай Бог ему здоровья. Чем дальше, тем жальче мне его, представляю себе, как остро ты его жалеешь! Как скучаешь даже по его занудству.

Теперь не знаю, когда увидимся и увидимся ли вообще. Так складывается жизнь, что ни на кого не могу оставить Семена. Даже когда мама моя умирала, я, конечно, бросала его одного, больного, ездила на Первомайскую, но не как мне хотелось. А хотелось вообще ни на минуту от мамы не отрываться. Это правда. ⟨...⟩

Окно передо мной уже 5-й день солнечное и красивое: часть черепичной крыши коттеджа, две березы и одна липа. Уже пиликает какая-то птица, имени ее не знаю, не представил мне ее никто. Но она именно пиликает, как на скрипке, хотя отрывочно-пунктирно. Что за птица?

⟨...⟩ Все-таки надежда на встречу теплится в душе. Иначе для чего бы стоило жить. Но в жизни все может случиться. И, если со мной это случится, что когда-нибудь случается обязательно, умоляю тебя не приезжать. Иначе – не выберешься, ибо все к тому идет. Нет, не моя жизнь, а общая. Я тебе просто спокойно об этом пишу, вовсе не собираясь так скоро уходить туда, куда всякий успеет. ⟨...⟩

---

⁵⁴ Речь идет о моем отце.

⁵⁵ День победы застал 19-летнего папу-летчика под Кенигсбергом. В этот день погибли его боевые друзья, которых военное начальство отправило на бессмысленную гибель – проследить, нет ли в небе немецких самолетов. Друзья не вернулись. Папа изменил дату своего рождения на 9 мая.

31. И. Лиснянская – Е. Макаровой **17 марта 1991**

17.3.91

Дорогая моя девочка, лучше которой нельзя придумать! Сразу получила 3 твоих письма – какое богатство! – а я не знаю, почему мои письма, а их написала много, – до тебя не дошли. <...>

Спасибо тебе за то, что ты написала мне о моей маме. Единственное, в чем ты ошибаешься, так это в преемственности натур: она, я, ты. Меня можно рассматривать как только связующее звено. У мамы лучились глаза, и у тебя лучатся. Я же, хотя и терпелива и жизнестойка, однако, порядочная зануда. Вот уж чего не было в маме и чего, слава Богу, нет в тебе.

<...> У меня никаких литературных новостей нет, книги в типографии «Совпис», и еще не в типографии «Тайна музыки “Поэмы без героя”». В мае, как ты знаешь, я написала 7 стихотворений, и с тех пор – ни гугу. Да и разве можно в такой подвешенной обстановке чего-нибудь гугукать?

<...> Уже начались первые признаки весны. Сегодня солнце опять светило, а меж двумя письмами было промозгло-облачно. Вот привезла Машка от тебя письма – и опять все засияло. Ночью еще мороз –12–14°, а днем +2+4, и уже течет с крыши, появились еще какие-то птицы, а та, что играла на скрипочке пунктиром, вдруг исчезла. Действительно, каждый день длится бесконечно, спасибо, хоть читать могу. И целый день проходит в чтение – то Гумилева письма о русской поэзии, то детектив. В журнале Знамя № 2 прочла нового писателя – Илью Митрофанова. Повесть «Цыганское счастье». Талант чудесный – запомни имя. Замечательная вещь. По вечерам слушаю «врагов», что-то последнее время слышимость резко ухудшается. Но теперь я не сижу целый день у транзистора, гадая о вашей судьбе, содрогаюсь и трепеща. Стало спокойней в этом смысле и для меня, как для вас. <...>

32. И. Лиснянская – Е. Макаровой **20 марта 1991**

20.3.91

Веснушечка моя, моя хлопотушечка! <...> Сегодня ровно год, как я плакала вам вослед в Шереметьевском аэропорту. Но все-таки две недели в ноябре – декабре мы виделись почти ежедневно. И все-таки этот год мне кажется вечностью, так я натревожилась, натосковалась по тебе. И по детям. Да, пространство между нами почти неодолимое, зато я знаю, что вы лишены комплекса сов[етских] евреев. Это очень важно. Конечно же, думаю, что тебе еще не так-то легко без постоянной русской речи. Но, может быть, я заблуждаюсь, примеряя тебя на себя. Мне, не знающей никакого другого языка, кроме русского, очень трудно было бы очутиться вне языковой ауры.

<...> Утрата мамы оставила в моей душе неизгладимый след – вину перед ней, надобность в ней, ожидание ее телефонных звонков. Страх за Семена еще больше усилился. И вот на моих душевных весах прошлое, и настоящее, и будущее. Наверное, именно поэтому я заговорила об изучении языков. В общем – сама понимаешь. Мне кажется, что никто так глубоко, как ты, меня не понимает и не может понять. Единственное недоступное твоему пониманию – это мое душевное недомогание. Это никому, не испытывшему подобное, не дано понять. И слава Богу, и дай Бог, чтоб тебе всегда был бы непонятен страх беспричинный, как там это ни называй... <...>

33. Е. Макарова – И. Лиснянской **23 марта 1991**

23.3.1991

Дорогая мамочка! Вчера исполнился год, как мы здесь. Это веха. Этот год был длинным, как жизнь, и коротким, как мгновение. Америка, Европа, две выставки, планы, проекты, архивы, иностранные языки, папа, редактура переводов, а по сути, переписывание множества переводов с тарабарского на русский, а сегодня я написала рассказ, написала-то его вчерне еще год назад, а сегодня написала заново. Сюда же еще стоит отнести противогазы, сирены, каталог Фридл, в четверг еду в Хайфу снимать Наву Шён, приму Терезина и здешнего театра Хабимы.

⟨...⟩ Вчера началась буря. Дождь такой крупный, по звуку ударов о стекло похож на град. Ветер штормовой, облака с космической скоростью несутся над нашим Гило⁵⁶, – а думалось – весна, миндаль цветет, маки, анемоны в камнях кругом, – и на тебе – стихийное бедствие. ⟨...⟩

Начитавшись израильской литературы в переводах (почти сплошь плохих), я осталась в некотором недоумении. Какая-то путаница меж языком и литературой. Поскольку они пишут на современном иврите (имею в виду живой иврит, не книжный, сформированный тысячелетиями), то сам язык становится главным предметом, а это переводы не передают. Но раз это художественная проза, значит, на каком языке ни пиши, в ней должна быть яркая новая мысль, или характеры, или оригинальная их интерпретация. Многие рассказы показались мне то плохим Хемингуэем, то израильским Кафкой, то Борхесом из Цфата или Афулы. Очень мало чувствую я народный характер, или его нет, притом что маленькая страна полна выходцами со всего мира, может, его и быть не должно, этого характера? Или такие процессы не только здесь, есть ли сейчас национальная американская литература или даже шведская? Есть японская, или ее тоже нет на современном этапе? Может, к концу 20-го века мы приближаемся к универсуму, где важно уже не народное лицо, а просто индивидуальное, человеческое, и тогда нет специфики территориальной и этнической? Словом, надо не лентяйничать, а учить иврит.

---

⁵⁶ Горный район в юго-восточной части Иерусалима, освобожденный в ходе Шестидневной войны.

34. И. Лиснянская – Е. Макаровой 27, 30 марта 1991

27.3.91

«...» В Москве сейчас пустые прилавки и полно цветов – очень дорогих, несмотря на заваленность ими всего города. Завтра, как я понимаю, опять-таки, несмотря на приказ, – указ о запрещении митингов и демонстраций до июля месяца, – москвичи, конечно, с оглядкой, все равно выйдут на демонстрацию в поддержку Ельцина. Москва переполнена не только цветами, но и бронетранспортерами, и огромным количеством омоновцев. Думаю, до кровопролития дело не дойдет, но будут отдельные раненые, много чубатых и уведенных в милицейские участки. Такие вот пироги в Москве. «...»

30.3.91

2-ой день Пасхи. Поздравляю и благословляю! Дорогая моя, солнышко, доченька моя. Только что услышала твой долгожданный голос, и я не подготовленная, еще не проснувшись, брякнула тебе, что болею. «...»

Леночка! За меня, право, не беспокойся, я ведь всю жизнь болею и живу. Думаю, так будет еще очень долго. Сегодня в окне так солнечно, что невозможно не радоваться, предаваться унынию. Просто я внезапно среди сна услышала твой голос и даже не поняла – это снится мне или нет. Вот и про хворь говорила. Вообще мне очень часто ты снишься и дети. «...» Как ни странно, сны о вас почти всегда лучезарные, я пишу «как ни странно», поскольку в жизни привыкла видеть только сумеречные сны. Дай Бог, чтоб вам было так же хорошо, как в моих снах о вас.

«...» Позавчера в Москве был очень боевой день⁵⁷. Несмотря на заявление, указы и приказы Миши⁵⁸ и нового премьера, состоялись в трех местах демонстрации, митинги. Ничего плохого демонстранты не делали и, видимо, не собирались. Зачем тогда столько бронетранспортеров и т. д. и т. п.? Очень смешно было слышать Пуго. Министр внутренних дел заявил по телику, что в незаконной демонстрации участвовало всего тысяч десять. И чуть позже на вопрос: сколько солдат охраняло порядок: «50 000» – значит, на каждого – по пять омоновцев. На самом деле была очень большая демонстрация, без эксцессов и такое скопление техники в Москве – снова колоссальный моральный и материальный убыток. Совсем с ума сошли. «...»

---

⁵⁷ 28 марта открывался III съезд народных депутатов РСФСР, у Б. Н. Ельцина не было серьезной поддержки, поскольку состав съезда состоял на 80 % из коммунистов. Главная его поддержка была на улицах, на манифестациях, собирающих сотни тысяч человек. 27 марта М. С. Горбачев принял решение дать добро силовикам на ввод войск в Москву. Это было сделано впервые за все годы перестройки, гласности, обновления и т. д. Почему центральная власть так боялась и волновалась по поводу этого съезда? В соответствии с итогами референдума, который прошел на территории России, на съезде должен был быть решен вопрос о введении в России поста президента. Кремль делал все возможное, чтобы этого не случилось. Поэтому войска, поэтому запрет на митинги и демонстрации, поэтому страшная атмосфера ожидания возможной крови и даже начала гражданской войны. <http://t-yumasheva.livejournal.com/31473.html>.

⁵⁸ Имеется в виду Горбачев.

35. Е. Макарова – И. Лиснянской 1 апреля 1991

1.4.1991

Дорогая мамулечка, после моего звонка я вечером получила через Юру Карабчиевского⁵⁹ твое и Семена Израилевича письмо, книжки огоньковские, в автобусе читала о Мандельштаме, очень нравится, нравится классическая точность, обстоятельность, во все, что там сказано, веришь, и в то же время это литература настоящая, так разве что Ходасевич умел писать, с благородным отстранением, читала почти в темноте и не могла оторваться, завидовала по-доброму. Затем утром с Яной благополучно приплыли роскошная скатерть и письма. Сегодня говорила по телефону с Дорой Штурман, она о тебе высказывалась очень высоко, читала интервью с тобой Чертока⁶⁰ в каком-то западном журнале, говорит, умное, стихи твои знает наизусть... Карабчиевский тоже рассказывал, как вас везде распечатали, очень хорошие все подборки кругом, так что я горжусь. <...> Мамулечка, ты не права, когда пишешь, что навалишься на нас. Мне было не в тягость, а в радость ваше присутствие, и заботиться о вас по мере сил настолько естественно, насколько противоестественно жить здесь и быть неспособной помогать вам. <...>

<...> Сейчас занята поисками работ погибшей в Терезине художницы Амалии Секбах. История! Она родилась во Франкфурте, муж ее был архитектором, училась искусству в Париже, собрала одну из самых значительных коллекций древнекитайской графики. Из Боливии! Какой-то ее дальний родственник, которого мне чудом удалось выудить, прислал мне ксероксы статей и фотографий с экспозиции из музея Восточных искусств в Берлине, где выставка была в 1928 году. Есть уже в моем архиве около 30 ее работ из Терезина, рисунок ее усохшего профиля на смертном одре, который сделала в Терезине мать Вилли Гроага, стихи ее, посвященные матери Вилли, список всех выставок, в которых она участвовала в Европе до войны и всякие другие вещи. Это была еще одна фантастическая женщина, в Терезине она казалась глубокой старухой, хотя умерла в возрасте 56 лет. Для чего это мне? Не знаю. По-моему, что-то опять движет мною, и я должна идти по следу, пока веревочка вьется.

<...> Скоро выйдет «Джуиш арт»⁶¹ с большой моей статьей по-английски и иллюстрациями. Что до литературы – мною и в Советском Союзе никто не интересовался. Я пишу для себя, и это пожизненно. У всех своя судьба. Писать не могу ни для денег, ни для славы. У меня на этой земле, видно, иные задачи, раз так живу. Мне кажется, я достаточно органичный человек и могу держаться Курса. Я мечтаю через много, может быть, лет написать книгу обо всем, эпопею какую-нибудь про наши прогулки с Фридли по этому веку, этому свету, этим странам. Не сейчас.

Сегодня постригла Маньку, теперь она очень хорошенькая, а то уже обросла, как лахудра. Я пишу тебе, а Манька с подружкой Лизой рисуют тушью и поют хором песню на иврите про птичку на свободе.

<...> Спасибо за чудное письмо Семену Израилевичу. Думаю, что приверженность к своей земле – это поэтический образ. Вся наша земля такая маленькая, и у всего есть культурные двойники – храмы Нового Иерусалима и храмы в старом городе Иерусалима, и, зная хоть еще один какой-нибудь язык, можно со своим родным жить полюбовно везде, также и

⁵⁹ Писатель Юрий Карабчиевский, наш друг, участник «Метрополя». Его сын, писатель и переводчик Аркан Карив жил в Израиле, и Юра с женой Светой его часто навещали. Юра был «связным» между мамой и нами.

⁶⁰ Семен Черток, израильский друг и постоянный корреспондент Семена Липкина.

⁶¹ Журнал «Еврейское искусство».

в литературе. Мне кажется, что это что-то специфически русское, от Темных Времен, когда существовала Русь – и все остальное, и потом все эти издевательства славянофилов над западом, а на самом деле расширительно надо всем, что не наше, что не как у нас. Потому что всегда предполагалось, что наше-то лучше, хоть и доказать нечем, что лучше, но зато у нас душа всечеловека. Красиво, но нэни правда, как говорят друзья-славяне. Жить в Иерусалиме – это жить и в Провинции, и во всем мире одновременно. Здесь есть Тора и довольно-таки эпигонская современная литература, в основе которой язык Торы. <...> Семен Израилевич, это я пишу Вам в ответ на чудесные слова о принадлежности. Я это чувство понимаю, но никак не думаю, что это чувство имеет привязку к географии, к улице Усиевича или Красновидову. <...>

Дорогая мамулечка, так здорово было с тобой болтать, такой у тебя голос прекрасный, и слышно, как из соседней комнаты. Все-таки кое-что цивилизация нам подарила – телефон. Представляешь, а то были бы только письма... <...>

36. И. Лиснянская – Е. Макаровой 19–20 апреля 1991

19.4.91

Солнышко, моя доченька! Получила твою посылочку и письма. Спасибо! Очень все пригодится сейчас в нашей жизни.

⟨...⟩ У меня с письмом из Америки был учитель музыки Юлик, с которым ты познакомилась на моем вечере в ЦДЛ. Все свое посещение он, к моей радости, посвятил тебе. И какой ты педагог, и какой писатель! Как много с твоим отъездом потерял Центр, где занимаются с нелегкими детьми по твоему опыту. У каждого твои 3 книги – настольные, о тебе очень много говорят в этом центре. Для меня это большая неожиданность, т. к. почти в любом деле профессионалы, за редчайшим исключением, говорят заинтересованно о не имеющем отношения к профессии. Одни разговоры: политика, забастовки, цены. ⟨...⟩ В издательствах нет бумаги, не осталось и энтузиастов. Семен лежит в Худлите готовый, но плановый отдел его остановил (книга стихов). А у меня со «Ступенями»⁶² – анекдот. Звонила им из Переделкина, говорят мне: «Приедете, привезем вам гонорар, но книга, как и все стихи, не расходуется». Приезжают, спрашиваю: «Что же, если моя книга не расходуется, вы на звонок одного читателя, который хотел у вас взять десять экз[емпляров] (об этом я случайно узнала по приезде домой из Переделкина), не отреагировали? Ответ: «Она не расходуется, т. к. мы ее не продавали». ⟨...⟩ Очень потешно!

⟨...⟩ Стишки – маленький триптих, пришлю в другой раз, а то в конверт не влезет. А еще одно маленькое – переписываю:

Ничто не кажется мне чужим, –
Ни то, что пришло, ни этот режим,
Ни угли в золе, ни звезды во мгле,
Ни на море штиль, ни пыль на столе –
А я пришла сюда, чтобы понять,
Как жить и как умирать.
Но в сад правоты войти не дозволю
Через чужие врата,
Глаза мои – каленая соль,
Душа моя – сирота⁶³.

Видимо, я – безбожница, ибо верующий не может чувствовать свою душу сиротой, будучи чадом Божьим. И все же я позволяю себе ежеутренне, ежевечерне молиться за тебя и за детей – моих чудных, изумительных внуков. ⟨...⟩

20.4.91

Леночка! ⟨...⟩ Папа в больнице МИС – очень хорошей, вчера же вечером его навестила Наташа⁶⁴, он уже читал газету и смеялся, по Ириным⁶⁵ словам. Так я думаю, что у него что-то заболело, отошло, но его уже сковал страх. А сейчас и страх отошел. Дай-то Бог. ⟨...⟩

---

⁶² Изд-во «Прометей», 1990.

⁶³ Опубликовано в «Одиноким даром».

⁶⁴ Наташа Гилярова, папина падчерица.

⁶⁵ Ирина Гилярова, экскурсовод в Третьяковской галерее, вторая жена моего папы. Умерла в один день с мамой, 12 марта, только пятью годами раньше.

Вчера меня посетила с тремя розами молодая поэтесса Элла Крылова, ни тебе, да и никому не известная, но верь мне – талант. Она увидела на кухне твою картину, помнишь? «Кто так чудно написал?» – Это моя Лена, когда ей было 16 лет, – гордо ответила я. <...>

Там я тебе переписала стишок, а в этом тоже перепишу, пока никто не придет, хотя все плохо.

1

В младости желала слишком многого,
Потому-то ничего я не имею,
А теперь имею это логово
И окно, где небо заболело,

Заболело, распустилось облаком, –
Вот и мне принадлежит его цветенье,
А полы покрыты пыльным войлоком,
Но и пыль – мое приобретение.

Пыль – есть перст моих желаний вымерших,
Вот и пахнет она морем несладким,
Пятками детей настолько выросших,
Что живут под Иерусалимом.

Как далеко... Но не дальше этого
Бело-облака. Да будет Бог им в помощь!
Стержень ручки пишет фиолетово:
«Что отпеть сумеешь – то и вспомнишь».

2

Отпеваю и море, не склонное к эху,
И кувшины, пропахшие детской мочой,
Отпеваю и колокол – доньшком кверху
И керамику с первою вербной свечой.

Все вместилища времени я отпеваю,
Все стекло этой жизни, и глину и медь. –
Неужели я в Лету уже отплываю.
Не успев свою грешную душу отпеть.

3

«Но тот, кто себя самого отпоеет,

Тот Божьему уху не нужен». –
Окно говорит, да и войлок орет
Так хрипло, как будто простужен.

И вправду, простужен! – в квартире сквозняк.
Москва, тридцать первое марта.
Кастрюля пуста и ржавеет черпак,
И нет – ни вчера и ни завтра.

Но есть это логово, свечка, окно
И облако есть, и минута
Увидеть дождя голубое зерно
На звуке, замешенном круто⁶⁶.

Вот видишь, какая графомания! Мать твоя совсем из ума выжила. И хорошо, что теперь вовсе нет времени задуматься – один сплошной быт и недомогание, и тоска «почти физическая по тебе», очень сильно упрятанная в зарифмованную чушь. И посильное мое сопротивление этой тоске.

С понедельника начну обследование – во всех конечностях, в том числе и в голове, какая-то настырная не отпускающая пульсация. Это, к сожалению, не метафора. Однако самого плохого, судя по тому, как я растолстела, быть не может. Уже хорошо, да жаль, что ни во что не влезаю. А на что мне, впрочем, влезать во что бы то ни было, если есть широкий халат, из которого и не вылезаю. Я ведь никуда не хожу.

⟨...⟩ Что-то со мной мистическое все же происходит. Не прими меня за сумасшедшую, но помнишь, что происходило, только я бралась за очередную главу о «Музыке»! И на этот раз, когда мне принесли из «Дружбы» талантливо сокращенные четыре первых главы (главного не упустили, хотя кое-каких моих мыслей-разветвлений мне и жаль), и я должна была разыскать все цитируемое: где, когда, на какой странице, – и я взялась отыскивать, – вечером у Семена на ровном месте был длительный сердечный приступ, а у меня все в организме запульсировало. ⟨...⟩

Стараюсь мечтать о всякой ерунде, правда, уже несбыточной: о телевизоре небольшом (те 2 вышли из строя и навсегда). Московский еще кое-как показывает «Время», но оно мне ни к чему. Слушаем транзистор. А так мечтаю о «Панасонике» или германском «Грундике», что ли. Я очень люблю «мелкие» вещевые мечты, они меня как-то отвлекают от окружающего мира, да и, как ни странно – внутреннего. ⟨...⟩ Если можешь, пришли мне с okazji зажигалки – 2, 3 штуки. Последнюю потеряла, когда ездила за посылочкой от тебя. Вчера я уже тебя благодарила в письме (дошло ли)? Спичек невозможно достать, хотя и подорожали. ⟨...⟩

P. S. Леночка моя! От полного отсутствия какого-либо присутствия в магазинах что-нибудь тебе купить и послать ну просто с отчаяния посылаю тебе эти вырезки. У себя не оставила экземпляра. Я же не завожу архива, вот и «Юности» № 11 с моими стихами у меня и вовсе нет. Больше нигде публикаций не будет, ничего не отдаю, на просьбы не откликаюсь. Кличут еще из журналов, а книги нет как нет. Но это все чепуха.

Одна маленькая публикация – «Новый Мир» 6. Большая публ[икация] «Знамя», а еще отзывы обо мне. Это все Семен аккуратно сохранил, и я тебе высылаю. Не лгу – «суета сует». ⟨...⟩

---

⁶⁶ «Триптих заката» опубликован с некоторыми изменениями в «Одиноким даре» и «Эхе». Кстати, день смерти С. И. Липкина придется на 31 марта. Это все мамы истории с цифрами...

37. Е. Макарова – И. Лиснянской 1 мая 1991

1.5.1991

Берн, 1 мая. Дорогая моя мамочка! Пока Галя⁶⁷ в университете, я сижу в довольно-таки провинциальной столице Швейцарии, читаю «Литературную газету» в кафе, как Ленин в Цюрихе когда-то, тем более что 1 мая, узнаю, что Киргизия теперь пишется Кыргызия, что умер наш сосед по Красновидову, тот, с палочкой, Иосиф Герасимов, – все как-то странно. Вчера мы с Маней приехали из одной открытки с видом на Цюрихское озеро и снежные вершины гор в другую открытку, цветную, с виноградниками близ Лозанны. Франкфурт и Фридл далеко, Израиль и того дальше. Вечером пели с Галиной под гитару твои стихи, оказывается, я многое помню наизусть. Манька играет с детьми, я пытаюсь войти в ум, то есть снова и снова понять, где я, что я и как жить дальше в разнообразии и разнонаправленности.

После двух дней, проведенных у Адлеров⁶⁸. В их доме сотни рисунков Фридл, куча Иттена⁶⁹, Зингера, чуть ли не весь Баухауз представлен в трехэтажном здании, смотрящем окнами на озера и горы, на облака и снежные вершины, на какие-то немыслимые красные и зеленые деревья, на кусты магнолий – каждый лепесток с мою ладонь, – Адлеры не хотят вспоминать о прошлом. Им – по 70 лет, у них в Цюрихе (в доме, где жил Ленин!) музей математических игр и головоломок, а в Визене – дом, сад, природа, им хочется избавиться от работ Фридл (не всех, конечно), дети не интересуются, на что хранить? И я, сидя на берегу озера, уходящего в перспективе в ущелье, думала, что, может, и мне бросить Фридл, бросить все свои изыскания, уехать куда-то и писать прозу, – может, это было бы и умнее, и разумнее, и полезнее для моей натуры, но чувство от этой мысли у меня такое, как бы сказать, предательское, о том, что все вообще надо менять, в том числе и семейную жизнь. Но эти революционные идеи посещают только в праздности, сейчас считается, что я отдыхаю, но это не выходит, все волнует, все, что ни бросается в глаза, каждая ветка зацветающего винограда действует на нервы, все хочется запомнить, все унести с собой, и этот крутой спуск по средневековым камням сквозь ряды виноградника к берегу озера, ты идешь, и чем ниже, тем дальше от озера, за одним ярусом открывается другой, а кажется сверху, что все озеро совсем рядом.

Швейцария действительно страна сумасшедшей красоты. Галя говорит, что здесь скучно. Не знаю. В ее доме все по-русски, но так по-русски, как бывает за границей.

Мамуля! Посылаю тебе большой костюм на лето, м.б., влезешь?! Остальное – с Наташей Д., деньги тоже.

---

⁶⁷ Галина Бови-Кизилова.

⁶⁸ Адлеры, Юдит и Флориан, помнили Фридл, их родители были ее ближайшими друзьями.

⁶⁹ Иоганнес Иттен, учитель Фридл, теоретик нового искусства и педагог. Получил всемирную известность благодаря сформированному им учебному курсу Баухауза, так называемому форкурсу, который лег в основу преподавания изобразительного искусства.

38. Е. Макарова – И. Лиснянской 10 мая 1991

10 мая 1991

Мамочка, это просто ужас. Каждый день звонила из Франкфурта – потом мне Лиза Руге⁷⁰ объяснила, что дозвониться до СССР – дохлый номер. Выставка вышла плохая, немецкий каталог красив, в нем нет даже моего имени, название мое, а автор – директор еврейского музея Хойбергер. Смешно? Что прекрасно – видела многих, главное – Эдит Крамер⁷¹ из Нью-Йорка, она привезла с собой еще двоих людей из Швеции, которые заинтересованы взять выставку туда. Маня все время рисует, Эдит Крамер восхитилась ее рисунками на салфетках. Сейчас завтракаем – и на поезд в Швейцарию. Тут, в отеле, увидела четырех гэбешников⁷², стало мне так жутко, скорее на поезд!

P. S. Папе – ботинки и носки, тебе – духи и сигареты.

---

⁷⁰ См. примеч. 2 к письму 40 от 16.5.1991.

⁷¹ Эдит Крамер, уроженка Вены, художница, одна из родоначальниц дисциплины «арт-терапия», ученица Фрида Дикер-Брандейс, сыгравшая огромную роль как в моей судьбе, так и в процессе становления Мани. С 1938 года жила в Нью-Йорке, в 2003-м она окончательно переехала в Австрию, в дом на берегу озера Грундлзее в Альпах, где прожила до самой смерти.

⁷² На самом деле, услышав за завтраком в гостинице русскую речь, я вспомнила, что у меня с собой лекарства, которые нужно отправить маме, и направилась к столику, за которым сидели эти четверо, двое из них оказались теми, кто допрашивал меня в помещении за паспортным столом в Шереметьеве в 1988 году. Я возвращалась из Праги с документами сидящего тогда в тюрьме Вацлава Гавела, которые я обещала передать по назначению. Теперь я знаю, кто следил за мной в Праге и кто на меня донес. Допрос был долгим, меня обвинили в подрыве моста дружбы между Чехословакией и Советским Союзом. Эти два мерзавца, не получив от меня информации о том, от кого и кому я везла документы, пригрозили мне большими неприятностями и свою угрозу исполнили. Я чудом осталась жива. Понятно, что, увидев их за столиком, я решила немедленно покинуть Франкфурт. Бедная Маня тогда так и не поняла, что случилось.

39. Е. Макарова – И. Лиснянской *Май 1991*

Дорогие мои мамочка и Семен Израилевич! Сегодня мы с Маней провели весь день с Рыбаковым и Таней⁷³, а потом за нами приехали Билл с Лисой, мы ходили в итальянский ресторан и есть мороженое. Мы плавали, обгорели, все было как-то чудесно, кроме одного – рассказов о Советском Союзе. Трудно в Раю слушать про Ад – тяжелая, какая-то мазутная информация на берегу синего Средиземноморья.

Меня очень тронули ваши письма и точные замечания С. И. Несколько дней тому назад в душе вдруг осела какая-то приятная тишина, туман на рассвете, летом. Было много тяжелых дней (с Франкфурта пошло), огорчений (с выставкой везде лопнуло), я перенервничала на конференции, было много людей из Союза, они все приехали как посланцы еврейского народа, такие Лопахины из «Вишневого сада», разумно превращающие убитую культуру в поле для бизнеса. Их нельзя судить, конечно, замечательно все собрать и издать, но все это напоминает поле после битвы, над которым кружатся вороны с картины Верещагина. И вот, после всех моих острых реакций и переживаний на самом пике, я вдруг ощутила какое-то освобождение от груза, притихла, может, это все к лучшему, и я начну что-то писать в промежутке между делом.

⟨...⟩ Мечтаю приехать в сентябре, на 80-летие, книжную ярмарку, да помочь Биллу и Лисе в путешествии. Но это пока мечты Обломова.

Мамулечка, постарайтесь быть здоровыми, ешьте пусть дорогие, но фрукты, я просто не понимаю, что там у вас есть, может, прислать поливитамины? ⟨...⟩

---

⁷³ Писатель Анатолий Наумович Рыбаков и его жена, Татьяна Марковна.

40. И. Лиснянская – Е. Макаровой 16, 18–19 мая 1991

16.5.91

Дорогая моя ласточка! <...> Рудольфовна⁷⁴ получила 2 талона на комплект белья – 97 р. Вообще не понимаю, как народ сводит концы с концами. Повышение цен ждали все и запаслись всем, что есть. Так что пока у населения есть запасы. А вот кончатся – начнутся убийства и грабежи. Как сейчас убивают Армению, ты, наверное, уже знаешь. Сердце болит, ведь подряд всех – детей, стариков, женщин. И действует армия вместе с азербайджанцами и омоновцами.

<...> Лизочка Руге послала нам со своим отцом⁷⁵ посылку, к которой ты прибавила башмаки и носки для папы. Но мы в Переделкине, телефон Руге потеряли, конечно. М.б., ты сообщишь по телефону Лизочке, чтобы она папу направила в Переделкино. Там мне дали в старом здании ком. 31, а Семену 13 – в новом. Когда всех удивляет, почему Литфонд так со мной обошелся, говорю: «Рылом не вышла», а один меня поправил: «Ну почему о своем лице Вы говорите рыло? Это не так. Просто рейтинг». <...> «Рейтинг» меня рассмешил. Я просто хохотала до упаду. Чувствую себя весьма неплохо, только сон разладился, вскакиваю в 6 утра – и все! Сначала я думала, что это судьба так обо мне обеспокоилась и будила меня так рано, чтобы я писала. Я написала несколько стихотворений еще будучи дома и в дачных вылазках, а в Переделкине – времени до черта свободного. Так что могла бы и спать. <...>

18.5.91

Доченька! <...> Мы у одних отъезжающих купили диван и два кресла, Машке холодильник – ЗИЛ! А также секретер Семену, калошницу, книжные полки в холле. Маршрут был таков: Мы с Машкой на метро поехали в Черемушки. Туда пришел транспорт (500 р + 2 бутылки водки, что здесь валюта), погрузили вышеуказанные предметы, часть перевезли на Усиевича. Оттуда на дачу (он [холодильник] еле работает) вывезли. В Красновидове выгрузили диван и два кресла. Оттуда взяли для Машки диван в ее Коровники и кресло в Москву, два красных, помнишь по юности. Обнаружили, что мы на Усиевича забыли выгрузить кресло-диванную гарнитуру – журнальный столик на колесиках. Но все равно надо было вернуть в Москву красное кресло. Потом поехали в Коровники, выгрузили Машке холодильник, диван. А уж там приехали.

Я с удовольствием, хоть устала, вечером еще возвращалась в Переделкино, все-таки путешествие и какой-то маленький выход из однообразия.

Писать стихи уже перестала. Из 11-ти я тебе писала 2. А там еще более менее приличных остается 3. Остальное мура.

<...> Прости, что так мелко пишу, но бумаги совершенно нет, я ее выклянчиваю, то у одного, то у другого. Тот или другой – молодцы. Звонил позавчера папа и сказал о твоём звонке (завидую). Он – нож к горлу – требует башмаки, а я ума не приложу, как отыскать Герда Руге! Попробую кого-либо обзвонить, м.б., узнаю телефон. 20-го мы должны быть на открытии мемориала Сахарову, а вечером на конференции в зале Консерватории – день рождения Сахарова. Там Семен уверен, что встретит Герда. Я этой уверенности не разделяю, м.б., снова умчался в ФРГ. <...>

⁷⁴ Наталья Рудольфовна Бершадская, учительница, автор пособия по литературе «Объединенное творчество учащихся в школе».

⁷⁵ Герд Руге, немецкий журналист, любящий русскую литературу и друживший со всеми метропольцами. Отец Лизы Руге, живущей во Франкфурте и переводящей русскую литературу на немецкий язык.

Начала читать Репина, но стал противен мне почти его религиозный атеизм. Все к Христу, и все – против него. М.б., еще возьмусь, и мне не покажется Репин неким верующим богохульником. Я тоже не подвержена уставам церковного быта, а двум Заветам – Ветхому и Новому. Если глубоко осмыслить во взаимосвязи – только две мысли не совпадают: «подставь левую щеку, когда бьют по правой» и «возлюби врага своего сильнее себя». Куда реалистичней, выполнимей: «Не пожелай другому, что бы не пожелал для себя». А в остальном все имеет не только точки соприкосновения, но и целые линии соприкосновения. <...>

Видимо, настало время, когда день длится целую вечность, и все от звонка до звонка: завтрак, обед – ужин – радио и лживое «Время». Вчера Бессмертный обнимался с Арафатом. Что же творится? Как не видят все «нашего» поведения? Неужели весь мир ослеп, или глаза миру залепили в виде посылок нам – гуманитарная помощь. Какое нищенство и какое бесстыдство. <...>

19.5.91

Милая моя дочушка! <...> Я сделала мелкое, но необходимое жульничество. Поэтому если ты папе сообщила о трех парах носков, то припомни, что было действительно 2 пары. Дело в том, что когда я читала, что – кому, то увидела, как выжидательно, с заведомой грустью ждал Семен – а ему? Поэтому после «туфли папе и носки, я как бы прочла носки и Семену, а Ире сигареты». Мне Герд принес «мальбуру», и я этим покрою нанесенный двоим ущерб, «соус» также отдам Ире. Прости, что я так распорядилась, но уж очень жаль было Семена, ведь он тебя любит, пожалуй, больше своих детей, и даже мне в этом признается: «С Леночкой могу день проговорить, а со своими через сорок минут томлюсь и скучаю». Видишь, я пишу уже на страницах из блокнота. Бумаги нет и не предвидится. <...>

41. Е. Макарова – И. Лиснянской 29 мая 1991

29.5.1991

Была вчера у Серманов⁷⁶, разговаривала с Ильей Захаровичем о его работе в университете – для моего журнала. На обратном пути встретила с людьми, которые передали мне совсем свежее письмо про носки и сигареты. Сейчас, отправляя посылку с Рыбаковыми, положу еще сигарет и кое-что по мелочи. Получила ли ты мои зажигалки разноцветные? А летний костюмчик? Я носила его пару раз, он будет тебе на лето. Если его вешать – он не мнется. То, что ты поправила, это тебе должно быть к лицу, честное слово. А где 10 стихотворений? Я знаю только четыре из них. Мамуля, чем больше проходит времени, тем больше я скучаю, тоскую, становится физически трудно сносить разлуку, не знаю, как это будет дальше. В то же время я так замотана, что не знаю, как начать оформлять бумаги на сентябрь к вам в гости. Или, м.б., на книжную ярмарку. Я знаю, как просто поехать куда угодно, и не знаю, как поехать в известную мне страну. Но очень хочу. Даже не то слово – хочу. Сегодня еще раз перечитывала твои подборки, такие хорошие, про Петю⁷⁷ очень трогательно. Мамуль, даже не знаю, что сказать тебе толкового о жизни. Вот занималась сегодня с эфиопскими детьми. 14 500 человек сюда привезли за 34 дня. Дети чудесные, они никогда не видели ни красок, ни фломастеров, все схватывают на лету. А вот что со взрослыми – не знаю. Видишь, не полетела тогда к армянским детям после землетрясения – теперь хожу к эфиопским. Странно. Я только начала что-то сочинять, а тут эфиопские дети – бегом! Интересно мне, представляешь, фаллахи, древние и мудрые, сохранившие свое еврейство, хотя и иврита не знают, так, слово – два, интересно, что они рисуют, в пятницу пойду, попрошу их нарисовать Эфиопию, а для этого надо 100 листов подписать по-фаллахски – «Эфиопия» – иначе ведь не поймут, что я от них хочу. Столько нового!

Сейчас из-за журнала я встречаюсь с разными писателями – сефардами и ашкенази, выходцами из Ирака, Австралии, откуда хошь, с арабскими писателями тоже. Сколько мнений об Израиле, сколько прогнозов!

⟨...⟩ Здесь свою жизнь (работу) надо рекламировать. Идешь к эфиопским детям – веди с собой корреспондента. Это, м.б., и верно поступи доброй воли предавать огласке, но меня такие вещи коробят. А раз коробят, буду так вот ковыряться в архивах, не знаю, когда дети вырастут, захотят ли они мне помогать в работе, думаю, нет. Но я не унываю нисколько, – запас витальной силы – и, как ни гляди, что-то движется. Не так быстро, не так, как того требует моя натура. И все же это живая жизнь, особенно в плане самообразования, познания, я к этому одной частью души очень склонна. Не знаю, удастся ли когда-нибудь описать хоть сотую долю впечатлений, ежедневных потрясений и удивлений, кажется, жизнь вливается в меня действительно как в бездонную бочку. ⟨...⟩

---

⁷⁶ С Ильей Захаровичем Серманом, литературоведом, профессором Иерусалимского университета, и его женой, писательницей Руфью Зерновой мы свели знакомство через маму и Семена Израилевича в ноябре 1990 года. Серманы пригласили нас всех на ужин. В их «московской квартире» в Иерусалиме с бесконечными рядами книг на стенах, полках и в серванте, с бронзовым бюстиком Пушкина и портретом Ломоносова в овальной раме – Серман написал о нем книгу – мы бывали не раз.

⁷⁷ Петр Коренберг, мой младший брат, умерший в роддоме и похороненный на кладбище в Баку.

42. И. Лиснянская – Е. Макаровой

Начало июня 1991

Дорогая моя, любимая моя, солнышко мое! <...> Спасибо тебе, что ты так хорошо написала о моих стихах. Но ей-богу это только оттого, что ты моя дочь, а так Кублановский более глубокого (наверное, старался) не увидел.

<...> Сейчас так все погано. ООН осуждает Израиль за депортацию 4-х арабов, а в Армении льется и льется при депортации кровь. <...> Как им не стыдно, увидели 4-х депортированных преступников и не хотят увидеть тысячу депортированных армян, и походя убитых и изнасилованных детей, женщин. А старики – это же просто ужас. Была здесь конференция, посвященная Сахарову. Боннэр⁷⁸ прислала нам билеты на все, но мы, т. е. в данном случае Семен, нашел в себе силы только на открытие Мемориала и на открытие в консерватории. Елена Боннэр и приехавший на конференцию Юрий Орлов давали жизни! Вернее, не давали – сидящему в ложе Михаилу Горбачеву. Больше ничего нового. Но сейчас отсутствие нового – тоже радость. <...>

---

⁷⁸ Елена Георгиевна Боннэр, вдова академика Сахарова, председатель Общественной комиссии по увековечению памяти Андрея Сахарова – Фонда Сахарова.

43. И. Лиснянская – Е. Макаровой **Июнь 1991**

Милая моя Леночка, солнышко мое! Получила позавчера от Рыбакова твое письмо и подарки. Большое тебе спасибо, несмотря на мои 60 кг 50-й на меня в самый раз. Дождусь жары и буду щеголять. Но это все так, для затравки разговора. Леночка, поверь мне, тревог за свою судьбу у меня начисто нет, все мои мысли и чувства обращены к твоей жизни, к твоей душе. <...> Я каждый день считаю со времени вашего отъезда, я тоже без тебя чувствую себя сиротой, в особенности остро после ухода мамы. Но ведь надо жить вопреки всем препонам и набираться для этого сил, зная, что впредь от детей нельзя ждать той поддержки, которую можно получить от родителей. Таков закон. Ты явилась исключением из правил. Мне кажется, что такой верной дочери ни у кого нет. <...>

У меня на столе стоят розы. Они уже старые, но стойко держатся, а другие совсем молоды, и им еще невдомек, с какой старательностью надо держаться. Слава Богу, наша жизнь – не жизнь цветка, куда долговечней, но и не жизнь оливы. <...>

44. Е. Макарова – И. Лиснянской **7 июня 1991**

7.6.1991

Дорогая мамочка! <...> Я очень занята все это время, кроме того, работаю с эфиопскими детьми, которые все похожи на Пушкина, детей много, у меня изумительный переводчик с амхарского языка, медбрат из Аддис-Абебы, который знает английский, что редкость среди этих крестьянских еврейских эфиопов, он здорово умеет передавать им мои просьбы или задания, это все страшно интересно, кроме как через рисунок я не могла бы понять ментальность этих новых жителей нашей страны. Еще одна тема для исследования... Мой журнал о книгах Израиля съедает дни – интервью, встречи, поездки с фотографом, утомительно, но все же очень интересно.

<...> Похоже, я улетаю на 5 дней в Японию, в Токио, с 25 июня по 1–2 июля. В качестве консультанта по Терезину.

45. Е. Макарова – И. Лиснянской Июнь 1991

Мамуля, пишу тебе сразу после нашего разговора. Как странно мне всегда звонить именно в Переделкино, с этим местом столько связано общих воспоминаний, особенно осенних, с пожухлой травой, грибами, дождями, Пастернаком под тремя соснами. А у меня в окне Иерусалим, горы на горизонте, охваченные сухим жаром, люди, идущие из синагоги. Теперь они входят в литературу, теперь они для меня – люди Агнона, А. Б. Иегошуа, Амоса Оза⁷⁹, – я узнаю их, они стали персонажны. Таков результат моих чтений и бесед с классиками. За эти два месяца, кроме остальных работ, я занималась ивритской литературой. Материал уже собран, думаю, интересно было бы выпустить отдельную книжку, может быть, с переводчиком Виктором Радуцким⁸⁰ подготовим ее для Москвы. Это – не болтология, это мыслители наши сегодняшние, те, кто отваживается говорить и писать на языке Пророков. У меня была потрясающая встреча с поэтом Карми, он же исследователь и переводчик с иврита на английский поэзии с древних времен до наших дней. Его знают во всем мире, он такой еврейский Набоков, скептический, образованный, тонкий. Меня потрясло то, что он смог за полтора часа нашей беседы очертить картину странствий ивритской поэзии по миру, дать мне общее представление о тысячелетней истории поэзии. Все это хорошо бы опубликовать, в мой журнал войдет десятая часть статей (я делаю их по разговорам, не люблю жанра «интервью»).

⟨...⟩ Я пишу тебе и папе очень часто, надеюсь, эти письма в конце концов найдутся. Письма вам – единственное, что пишу. Да и то в них трудно собраться с мысле-чувствами. Сейчас, пока наливала Маньке чай и выбирала ей книгу для чтения («Детские годы Багрова-внука»), опять встало в памяти Переделкино, потом поле Красновидова, потом Новый Иерусалим, – и словно нечего сказать об этом всем, или оно, это все, отеснено и вынесено на задворки души, – картины, но уж не *голоса*. Прошное перестало разговаривать со мной, оно не умерло, а застыло в виде магмы.

⟨...⟩ Нас с Фридл занесло в Японию. Интересно. Все, что она со мной вытворяет, – из области мистики, хотя любой отрицатель мистики может перевести наши приключения в причинно-следственный ряд.

⟨...⟩ Пришел Виктор Радуцкий – переводить мне, неграмотной, поэта Иехуду Амихая, тутошнего классика, которого я очень плохо записала, технически, надеюсь. Виктор передает тебе привет, он читал твои последние стихи в «Знамени» и привез журнал в Иерусалим. Так что наше Гило тебя читает всюю. ⟨...⟩ В 8-м номере «Знамени» будет роман Амоса Оза в его переводе, прочтите, я еще не читала, но думаю, это очень должно быть интересно. Виктор переводит добротню, высокий уровень. У Амоса Оза я читала только один рассказ, который не дал представления о его прозе в целом. То, что он говорит, чрезвычайно любопытно. Читала его эссе в журнале «Континент». Все, мои дорогие. Очень по вас скучаю, на дне рождения весело пейте за меня, ибо я буду уже вблизи горы Фудзиямы, которой мы с Басе посвятили немало выдающихся хокку. ⟨...⟩

---

⁷⁹ Шмуэль Йосеф (Шай) Агнон, израильский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1966 года. Писал на иврите и на идише. Авраам Б. Иегошуа и Амос Оз – известные ныне здравствующие израильские писатели.

⁸⁰ Виктор Радуцкий, переводчик с иврита на русский, с которым мы готовили журнал для книжной ярмарки в Москве.

46. И. Лиснянская – Е. Макаровой Июнь 1991

Доченька! Получила, приехав с дачи на день, сразу 2 твоих письма. Одно еще до Японии, другое после твоего звонка в Переделкино. Оба письма чудные, ясные, толковые жизненно. Действительно, о старости надо думать загодя, хотя дай Бог тебе и через 30 лет быть такой красавицей, умницей. Перед всеми тобою хвастаю, как моя мама в последние годы – мной. <...> В одном из писем ты правильно почувствовала, что мне неможется. Но уже все позади. У меня вышел сигнал книги (Сов[етский] пис[атель])⁸¹. Думаю, что через месяц-полтора появится в магазинах. Я сильно пересмотрела свои поэтические результаты и возможности и пришла к стойкому выводу – в русской поэзии я букашка. Наверное, именно я глупо прожила свою жизнь, без пользы хоть кому-нибудь. Мне бы было сверхрадостно быть хотя бы тенью Сумарокова. И то, что ты встречаешь ивритских поэтов масштаба Сумарокова, а тем более Державина, – это большое, непомерное счастье не только для тебя, а для всего Израиля. Только вчера написала два стихотворения, надиктованные тоской по вас. Но тетрадку с собой не взяла и помню всего три строки, нет две.

Где Вы, мои дети?
В этот час ночной
Ловит меня в сети
Дождик затяжной.

Тут я что-то переврала в строке о сетях, в Манькиной тетради лучше, чем здесь, эта строчка. Если вдруг поднапрягусь, может быть, вспомню и второй триптих. Однако это все непрофессиональная семейная ерунда. <...> Вчера плюнула на все и написала эти вирши. Все-таки вспомнила один триптих.

Триптих дождя

1

Дождь сегодня прыток
На семи холмах,
Душевный преизбыток
Схороню в стихах.

О том, что очень больно
К разлуке привыкать,
Свете мой настольный,
Позолоти тетрадь!

Так гадалкам руку
Люди золотят,

---

⁸¹ Стихотворения. – М.: Сов. писатель, 1991.

Когда печаль-разлуку
Охладить хотят.

Где вы, мои дети?!
В этот час ночной
Мне расставил сети
Дождик затяжной.

2

Дождь – ловец, а я добыча.
... забыла строчку
Никого уже не клича,
Наглotalась сонного.

И сегодня мне приснится
Море Средиземное,
И субботняя седмица
И вино отменное,

И короткое свиданье,
С дочкой-эмигранткой,
И волшебное сиянье
Над ее тетрадкой.

3

Дождь: это сильный Вавилон,
Я – его пленница.
Если дождит с четырех сторон,
Жизнь не изменится.

И позновато ее менять
Речью рассеянья.
Связана с почвой грешная мать,
Словно растение⁸².

Леночка, не суди строго, это просто чувствоизлияние, а не стихи. Вот еще перепишу два, какие помню, июньские, майские.

---

⁸² «Триптих дождя» опубликован в «Одинокое дар» со многими изменениями. См.: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/lisn3-7.html>.

* * *

Что прошло, того и нет,
Я отпела то, что было,
Стала облаком могила,
Где посеян звездный цвет.

Ну а то, что есть, – то есть
На земле настолько близко,
Что от ангела записка –
Мне остратка, а не весть.

Ну а то, что там, вдали,
Мне и ясно, и понятно:
Солью слезной сводит пятна
Матерь Божия с земли.

* * *

Спи, мой ангел, спи мой Авель!
На дворе играют дети
В жертвы-палачи.
Кто тебя так искровавил?
Вижу кровушку при свете
Трепетной свечи.

Спи, мой ангел, спи мой Авель!
Ты с начальных дней прообраз
Убиенных без вины –
Тех, которых ты возглавил.
Слышу я твой кроткий голос
Из-под глубины.

Спи, мой ангел, спи мой Авель!⁸³

---

⁸³ Оба стихотворения опубликованы в «Одиноком даре». См.: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/lisn3-6.html>.

47. Е. Макарова – И. Лиснянской 28, 30 июня 1991

28.6.1991

Дорогая мамочка, и впрямь – сижу в Токио, в кафе, 15 минут свободного времени. Я здесь совершенно обладела от красоты, даже гора Фудзияма живая, и из нее идет дым. Словно калмык в своей шапке сидит, одна голова видна, да дым из трубки.

Красота, особенно людные места. Базар с рыбой, лавки японские. И работа. С утра до 2–3 ночи. Режиссер, переводчица и я. <...>

Встретили в аэропорту, у меня порвалась ручка от чемодана, режиссер нес на себе мой чемодан до поезда в Токио. Оттуда мы поехали в Осаку – 4 часа на поезде, оттуда утром обратно в Токио, опять с этим гнусным чемоданом – и вот мы идем втроем, молоденькая высокая японка – переводчица и маленький Такаши – режиссер с большим чемоданом в обеих руках. И разговоры – Баухауз, Фридл, Терезин, Вилли Гроаг, Зденек Орнест⁸⁴, а в окне вагона – Фудзияма, дороги, по которым странствовал Басе... Как хочешь, а во всем этом есть что-то запредельное. Через два дня уже буду в Лондоне.

Японцы сделали самую прекрасную выставку терезинских детских рисунков в Осаке. Цветные фотографии такого качества, что невозможно отличить от оригиналов. Выставка передвижная, каждые 6 дней в другом пункте. Она движется по всей стране, организатор ее плачет, не может на это смотреть, – и все-таки возит и монтирует ее на разных выставочных площадках. Поразительно! Мы с Такаши Нишимурой продумываем план фильма на час на главном канале их телевидения. Ой, бегу, здесь нельзя опаздывать, у меня 3 минуты в запасе. <...>

30.6.1991

Мамуля, лечу в Лондон. 3 дня практически не спала. Прорабатывали сценарий каждый день до 5 утра, в 7.30 – подъем. Давно я не получала такого удовлетворения от работы. В самолете почти все время дремала (12 часов), осталось 3 часа, я отдохнула. Бизнес-класс – лечу с комфортом, слушаю Моцарта, смотрю кино, сплю, ем вкусно, не нервничаю. Получила часть денег – 2000 долларов – за удовольствие. В последних днях июля мы снова встречаемся – в Европе (Прага, Терезин, Франкфурт). До этого я должна оставить Лене всю работу по журналу, чтобы она действовала дальше сама. <...> Три дня в Лондоне тоже будут забиты работой, постараюсь хоть прогуляться по улицам. Мамик, возраст и погодные условия от нас не зависят!

---

⁸⁴ Чешский актер Зденек Орнест, мой близкий друг. Мальчиком в Терезине он писал стихи, которые я читала маме. Позже мама перевела их, и они были опубликованы в «Иностранной литературе», 2004, № 5, а также во 2-м томе четырехтомника «Крепость над бездной».

48. И. Лиснянская – Е. Макаровой 8 июля 1991

8 июля 1991 г.

Леночка дорогая! <...> Вчера я очень спешила и не попросила у тебя снотворных. <...> Вообще лекарства исчезли, как таковые. Страдаем мы и страны Восточной Европы, напр[имер] Польша, Венгрия. Они очень много для СССР уже поработали, но купля-продажа идет на валюту. Мы не денежноплатежны. У них закрываются кое-какие лекарственные производства. Такие-то делишки. Мы тронемся на дачу, если тронемся вообще, числа с 17–20-го, не раньше. Как получишь приглашение, позвони! <...> Моя книга так и не вышла, у Семена вышла в «Современнике»⁸⁵, да нет еще тиража, а в «Худлите»⁸⁶ – еще и в печать не пошла. В конце июля жду верстки «Поэмы без героя»⁸⁷. Там я пропустила в цитатах такие ошибки после перепечатки, что просто ужас. И так книга скандальная, но если я прозеваю верстку, то любой критик меня поначалу упрекнет в безграмотности. Еще перевраны три-четыре строки. А это просто хлеб для критики литературоведов, уж если процитировать правильно не может, то о какой концепции вообще может быть речь? <...>

---

⁸⁵ Липкин С. Лунный свет. Поэмы. М.: Современник, 1991.

⁸⁶ Липкин С. Письмена. Стихотворения, поэмы. М.: Худ. лит., 1991 (предисловие С. Рассадина).

⁸⁷ Музыка «Поэмы без героя» Анны Ахматовой. – М.: Худ. лит., 1991.

49. Е. Макарова – И. Лиснянской Август 1991

Дорогая моя любимая мамочка! Дорогой мой любимый Семен Израилевич! Я получила столько писем от тебя, мама, и такое трогательное письмо от Вас, Семен Израилевич, что бросилась было сразу отвечать, но отвлекла меня недельная конференция по еврейскому искусству. Прослушав около 50 сообщений на эту тему, я все-таки не поняла, каково же влияние книжной графики и каббалистических таблиц на современное искусство (изобразительное). Видимо, одной недели мало, чтобы это понять. Моя лекция о Фридл и Баухаузе прошла очень удачно, хотя у меня дрожали ноги, но за кафедрой это никому не было видно. <...>

Стихи, мамочка, мне очень понравились. Почему надо искать моральное оправдание тому, что твоя душа – сирота? Ведь это не головное умозаключение, а поэтическое. По моему, это очень здорово. <...> Очень обрадовалась, начитавшись твоих подборок и рецензии. Правда, здорово, хотя рецензии я бы, мне кажется, написала лучше. Мне кажется, что о тебе надо писать в двух направлениях, что ли: у тебя спектральные стихи, по цвету и музыке, но они для меня всегда существуют в как бы дуалистической рамке, весь цвет, вся музыка, заключены в мир антиномий, иногда абсурдных противоположений. Если бы ты не пользовалась классической формой стиха, была бы, скажем, «новатором», в таком случае твоя поэзия была бы экспрессионистической, как скульптуры Неизвестного. Но форма удерживает цвет и музыку внутри себя, не дает разгула, – поверхность стиха, как поверхность греческой скульптуры. Это – общее ощущение. Я не согласна с Кублановским про вину, это частное, одно из чувств или мотивов, а поэзия – это не набор мотивов, а концентрированная форма, прежде всего. <...>

Мамусенька, я должна приготовить еду и лететь на встречу. Я надеюсь, что все-таки сяду писать, иной раз все собирается внутри, а иной раз такой разброд, что надо дать чему-то там неизвестному осесть и успокоиться сперва. Сейчас разброд. <...>

50. И. Лиснянская – Е. Макаровой 18 августа 1991

18.8.1991

Дорогая моя доченька! Позавчера так счастлива была слышать твой голос, разговаривать с тобой о твоём возможном приезде. С сегодняшнего дня жизнь меняется круто, что будет – неизвестно⁸⁸. Чрезвычайное положение вряд ли пройдет безболезненно, м.б., и пересмотрится потепление между нами и вами. Только что в панике звонил папа, просил меня написать тебе, сообщить об опасности твоего приезда. Я еще не знаю, как надобно поступить, но подумать об этом необходимо. «Они» думают о целостности СССР, а я о целостности твоей семьи и о твоей жизни, в частности. Сейчас все может быть, из всего, что может быть плохого. Конечно, нужно надеяться на чудо, а м.б., наоборот – надежда отбирает силы, а отчаяние – прибавляет? <...>

Сегодня все граждане возле радио. Конечно, когда ты получишь это письмо, уже многое будешь знать из ваших средств информации. Есть в том, что мы услышали бендеровский оттенок, так, как бы он участвовал в составлении обращения к народу: «Великая держава, целостность, патриотизм и т. д.»

Теперь о твоих делах. Неужели, когда ты взялась за журнал, ты не заключила письменного контракта? Неужели ты веришь обещаниям (особенно связанным с финансами) словесным, не подкрепленным, как и вызов в Пен-центр, «круглую печатью»?⁸⁹ Если так, то ты получила печальный урок. Впредь помни: бумажка действует во всем мире еще сильнее, чем у нас, несравненно сильнее.

Здесь же любая бумажка по мановению любого выдуманного переворотного закона теряет всякую ценность. Думаю, вскоре инфляционно-военное правительство уничтожит все денежные вклады. Мы, конечно, не так-то много имеем по нынешним временам, но все-таки какой-то запас нам еще обеспечивал такси, домашние услуги и т. д. <...>

В ближайшие дни на дачу не выедем, неизвестно, что будет с транспортом и т. д. Жаль, что я тебе не могу написать, как ты и Манька написали мне во время войны: «Мы победим Саддама!» Наших сегодняшних Саддамов проморгал дурак Горбачев, приблизив к себе. <...>

---

⁸⁸ Августовский путч (18–21 августа) под руководством Янаева имел целью свержение власти М. Горбачева, который, по их мнению, вел страну к распаду. В Москву было введено около 4 тысяч военнослужащих, 362 танка, 427 бронетранспортеров и БМП.

⁸⁹ Договора не было, Израиль отменил свое участие в Московской книжной ярмарке. Журнал был опубликован в качестве приложения к газете, и редактор газеты отказался платить за работу. В конце концов какие-то гроши мы получили.

51. Е. Макарова – И. Лиснянской Август 1991

Дорогая мамочка! Я даже не знаю, с чего начать. Мы так перетряслись здесь за вас... Не знаю, в связи с чем конкретно, но на меня обрушилась жуткая тоска. То ли устала от всех работ сразу, то ли так хочу к вам, сама не пойму, что со мной происходит. Хочется плакать, ощущение, что все неправильно, а спроси, что – не отвечу, наверное. В последнее время думаю все о виде из окна. Наш вид – прекрасный, но я скучаю по осеннему дачному духу, по реке с быстрым течением, дождям и сырости в лесу. <...>

Мамуля, я читаю все время твою книгу. Она замечательно составлена, все стихи, как и твои фотографии, навевают воспоминания. Каждое или почти каждое стихотворение с чем-то связано, – и это при моей теперешней раздрызганности вызывает удушье. Я пытаюсь оглянуться назад, – моя сорокалетняя жизнь кажется огромной и бессвязной. В ней много судорожных попыток «сделать что-то» в разных сферах, но нет ни цели, ни объемлющего смысла. В то время как ты смогла стать собой, самоосуществиться в слове, я сочла свои способности прикладными, – и, наверное, за это теперь расплачиваюсь. Звучит выпренно, но мне трудно сейчас подыскивать выражения более скромные. Кажется, все уже было сказано в Экклезиасте. Наверное, мне следует отдохнуть. <...>

Видимо, то, что произошло у вас и продолжает происходить, слава Богу, – очень сильно изменит политическую ситуацию во всем мире, в конце концов все изменится в самую лучшую сторону, – но это настолько бурные события, что они не дают возможности осмотреться, одуматься, они затягивают в водоворот, – в этом смысле лучше быть сейчас там, чем наблюдать отсюда. Если все так пойдет, мир скоро станет маленьким и общим. Наши представления о времени, пространстве и скоростях настолько отличаются от представлений прошлого века!

Человек тогда был внутри времени и движения, а теперь скорость самолета, например, ты не можешь ощутить, находясь внутри самолета, то есть теряется связь с пространством и временем в процессе перемещения. Коммуникация – две минуты – сообщение из Токио по факсу у тебя в Иерусалиме. Обмениваясь такими сообщениями, например, ты выпадаешь из времени и пространства. У тебя утро, в Токио ночь. Ты в одну и ту же секунду находишься со своим сообщением в разных временах (день-ночь), и в одновременности. Земной шар становится объятным, сближаются люди и языки, происходит взаимопроникновение культур. С одной стороны, утрачивается «национальное лицо» (например, проза Платонова или Лескова становится для иностранцев все более непонятной, скажем), а с другой стороны, вырабатывается общая, и вовсе не обязательно безликая культура, основанная на общих ценностях, общих представлениях, таких как жизнь-смерть-любовь-свободный выбор и т. д. Этот процесс, по-моему, начался с архитектуры. Все современные постройки, будь то в Нью-Йорке, Праге, Токио, Тель-Авиве или Хельсинки, повторяют друг друга. Потому что архитекторы выбирают для своих проектов уже известные формы, но приспособливают их к конкретному ландшафту. Раньше, в Средние века, тоже были такие явления, но только в близлежащих странах. Например, Вена, Прага, Будапешт. Они построены по одному принципу. А также маленькие городки в этих странах повторяют столицу. Везде – центральная площадь с костелом, центральная часть города взята в кольцо реки. Теперь архитектурные застройки примерно одинаковы во всех больших городах мира. Я специально обращала на это свое внимание. И говорила с людьми в Токио об этом. Они со мной согласны – остаются оазисы старой культуры, памятники, и возникает общий вид общего мира, так скажем. <...> Я надеюсь, что смогу скоро написать тебе письмо о твоей книге, а не о моих слезах при чтении стихов, напоминающих иные времена и места обитания. <...>

52. Е. Макарова – И. Лиснянской **8 сентября 1991**

8.9.1991

Мамочка, несусь по Швеции в скоростном поезде. 3 лекции по-английски для шведской публики позади. Напротив меня мужчина – пишет на компьютере, говорит по телефону, ест обед из ресторана, – они везде живут комфортно, зря времени не тратят. Курить запрещено везде – спорт, природа, здоровье. Но они не тупые, начитанные, чтут поэзию, все люди, с которыми мне тут пришлось по работе общаться, очень-очень симпатичные, умеют держать дистанцию, но не холодные. Осталось 5 дней – и домой. Я уже устала от бесконечных перемещений с места на место. <...> Была в лесу, собирала грибы и бруснику, парилась в финской бане, что было прямо в том доме, где жила 2 дня. Отмылась, отоспалась. Представь себе, стараюсь использовать свободные часы, чтобы отдохнуть, такой рационализм прежде мне не был свойственен. Видимо, я здорово напугана будущей напряженной работой. Никогда не видела своего будущего столь сильно перегруженным.

При всей комфортабельности поезда не могу спать. Виды за окном, люди новые <...> Ведь это страна всяческих чудес – откуда бы Ибсен, Стриндберг и проч. черпали свои образы и идеи? Стараюсь коротко записывать, что случилось за день, но я невероятно ленива нынче, писать не получается, может, потому, что все вокруг иностранное, в нем мой русский деревенеет, как сирота в детском доме. <...>

53. Е. Макарова – И. Лиснянской **Октябрь 1991**

Дорогая мамочка! Спасибо тебе за вырезку (из газеты) и письмо, очень горько все это читать, про угон, карточки, и потому что тон письма такой легкий, а жизнь такая аховая, и нет пока в ней просвета. <...> Пользуясь тем, что у меня сейчас нет никакой срочной работы, что компьютер доступен, я все время стараюсь писать, никуда не хожу, ни во что не вникаю. Готовлю обед, время от времени беседую с детьми на темы искусства. Сегодня с Манькой разбирали натюрморты Сезанна, а с Федей говорили о Филонове. Он хочет писать о нем работу, в связи с этим говорили о Хлебникове, Платонове, революционной космогонии и Бог знает о чем еще. Мне очень нравится беседовать с детьми о том, что я как бы знаю и что им может пригодиться.

<...> Манька стала похожа на тапирчика, такая розовенькая, смешная, особенно в профиль. С детьми в Музее мы сейчас заняты переводом живописи в графику, то есть ходим в залы, каждый выбирает себе картину и делает карандашный этюд. Манька в прошлый урок выбрала натюрморт Сезанна, очень сложный, но я не стала ее отговаривать, – до чего ж я была удивлена тем, что она сделала, – она так тонко и точно чувствует форму. Сегодня еще рассматривали картину Фридл, ту, что у меня висит на стене, вид сквозь деревья на реку и горы, разбирали с ней, как написана вода и трава. Хорошо, что я хоть сколько-то училась искусству, теперь это мне так помогает! <...>

54. Е. Макарова – И. Лиснянской 2, 4, 6 октября 1991

2.10.91

Дорогая мамочка!

Я спала сутки, утром решила сесть и записать все, что увидела. Стала думать над названием: «Sad Country» (Грустная страна) или «Every יום סמנתה» (Каждое утро сметана). Первое не предполагает никакого юмора, второе – его допускает. Дальше размышления дело так и не двинулось. Восстанавливать хронологию? С Шереметьева? И им же и кончить? Я искала телефон позвонить вам. Вместо телефонов-автоматов теперь игральные, они трещат и поедают доллары, но не соединяют с родителями. Почему-то это меня вконец огорчило, и я начала плакать.

Дважды мы посмотрели фильм, который сделал Алик⁹¹. Тоже плакала над ним. Соображаю очень туго. В окне – Иерусалим в дымке, кажется, и его залили сметаной. Вчера вышли прогуляться, после Московской прохлады Иерусалимский воздух кажется сгущенным. Пишу тоже в сгущенке, выкарабкиваюсь из слов, как муха. Вы все стоите у меня перед глазами, еще и закрепленные фильмом дважды.

4.10.91

Отгремел Федин юбилей. Написала сию многозначительную фразу, пошла за яблоком на кухню. Я все еще очень медленно соображаю, наверное, тому виной хамсин – очень жарко эти дни. Уже вечер, все привычно мерцает в окне. Начинаю приходить в себя. Очень отрезвили письма Кафки.

Двадцатые годы Европы – какой расцвет искусств, и какое отвратительное время, – становление советской и формирование фашистской империй. Ипохондрический еврей Кафка ищет душевного укрытия от будущего ада на груди Милены Ясенской. Все те же проблемы – социальные катаклизмы и жизнь художника. Очень полезно для понимания эпохи и Фридл, ведь это схожие по типу женщины – богемные, свободные (в рамках тогдашних представлений о свободе). Пока не могу найти себе места, где могла бы сидеть и сочинять. Для разгона нужно одиночество, у меня огромная потребность в нем. <...> Появится. Здесь у меня нет эсхатологического чувства безвыходности, конца всему, нужно лишь искать в правильном направлении. <...>

6.10.91

Представь себе, мамочка, я получила вчера твое письмо, написанное во времена чтения Семеном Израилевичем твоей верстки об Ахматовой. Такое теплое, такое родное! Вы все время в моей голове, каждую секунду хочу позвонить, но, как ты понимаешь, каждую секунду это невозможно... Все-таки не выдержала и пошла тебе звонить. С первого раза удалось. Теперь мне спокойней, будет машина, все же вам будет полегче функционировать. Мамуль, ты только не напрягайся, не нервничай, – ты очень много нервной энергии растрачиваешь, лучше трать ее на стихи.

Мамуля, я немного отоспалась, написала два рассказа, один, по-моему, на уровне, а второй еще совсем сырой. Решила каждое утро пытаться работать, посмотрим, как выйдет.

---

⁹⁰ См. примеч. 1 к письму 57 от 24.10.1991.

⁹¹ Алик Стрыгин, одноклассник, снял на видео мою поездку в Москву.

Сейчас я сижу в кафе «Нава» с Ленкой Изюмовой, она читает мои рассказы, а я, пользуясь случаем, дописываю тебе от руки. Все-таки здесь, несмотря на все трудности, какая-то не призрачная для меня жизнь. Хотя иногда думаешь, где ты, что за люди вокруг, что за ландшафты?

Манька еще накупила рыбок, две у нее сдохли. Я слышала, как она звонит в магазин и на иврите выясняет, что же это, почему рыбки не выдержали?

Вчера у меня было первое занятие с детьми. Манька нарисовала два шедевра, а когда мы вернулись, я увидела, что Федька сидит и рисует. И тоже, мама, потрясающе! По-моему, самое хорошее в моих детях – это то, что они вдохновенные. Федька просто сложней, да и возраст у него сложней, да и парень он, но иной раз в его рисунках я вижу такую кипучую, с одной стороны, и такую самоограничивающую себя натуру. Как-то с утра он прочел мне свой рассказ – по стилю обериутский, полный иронии. Я спросила его, почему у него такая потребность высмеивать самого себя и постоянно держать оборону. Самооборону. Ведь когда он, например, влюблен, он же сам над собой не смеется? На что Федька ответил, что самая здоровая философия – это цинизм, поскольку все уже всем про все известно. И, если человек сентиментален и реагирует, значит, он попросту глуп.

Я сказала ему, что это «Экклезиаст», но есть и другие точки зрения, – короче, у нас был долгий разговор поутру, я рада, что Федя все еще считается с моими «нециничными мыслями». <...>

55. И. Лиснянская – Е. Макаровой 18 октября 1991

18 окт. 1991

Дорогая моя Леночка! Сегодня мы также отмечали твой день рождения с Хлебниковыми⁹². Перезванивались с папой, поздравили друг друга. Пишу ночью, когда узнала о дипломатических восстановленных отношениях СССР с Израилем. Если первая сторона не подгадит в смысле конференции по БВ [Ближнему Востоку], то твой день рождения будет знаменательным днем для всех евреев. Дай-то Бог. А я тебя еще раз поздравляю и представляю тебя именно такой, когда ты родилась. В голубом чепчике, с волосатой головкой, плачущей, когда тебя у меня забирали от груди, а там молока было – кот заплакал. Бедняжка моя, только когда тебе исполнился месяц, мы узнали в консультации путем взвешивания, что молока мало. Но ты такая оказалась подвижная в дороге, наверное, потому, что ты, в первый раз вынесенная за порог дома, попала в автоаварию. Мы взяли пикап, папе я почему-то под шляпу напихала смену пленок, он уселся в кузов, а я с тобой на руках в кабину. И вдруг: ты вываливаешься на мостовую, а папа, перевернувшись в воздухе, падает на проезжую часть. Это мгновение, – шок, когда я вмиг подумала, что – все. Ни тебя, ни Годика⁹³. Когда же я вылезла из кабины, вдруг увидела папу, поднявшегося на ноги и, как и я, подбегающего к маленькому голубому свертку (ведь мы ждали мальчика). Сбежался народ, но я долго не открывала твоего лица, спрятанного углом конверта, и никому не давала к тебе притронуться. Наконец, призвав на помощь Бога и все свое мужество, я открыла твое лицо – о, чудо! Ты спала и сосала «сосу» – так ты ее впоследствии долго называла. Ибо уменьшительный суффикс «к» к любимому предмету уже в восьмимесячном возрасте отвергала. Да ребенок, хоть и болезный, оказался особенным, рано начавшим проситься на горшок – в 4 месяца! А прежде ни минуты ты не желала лежать мокрой – подавала голос и няня тебя звала дивно: «чисторядница». Не могу сказать, что «чисторядницей» ты осталась целиком. Но к душе твоей эта «чисторядница» абсолютно подходит. Неряха ты только внешняя. Еще какие-то удивительные черты твои проявились уже в 8–9-месячном возрасте. Ты понимала, как помочь несчастным людям. Так, когда я одним и тем же путем за чем-то ежедневно ходила с тобой (вспомнила, за грудным молоком), надо было миновать клуб глухонемых. Как только мы приближались, ты начинала, подражая им, что-то говорить пальцами. Эти несчастные так радостно начинали смеяться и заигрывать с тобой на языке жестов. Очень скоро я поняла, что они уже специально приходили в свой клуб и толкались у дверей в ожидании такого редкого ребенка. Тогда уже ты много говорила слов, чем пугала суеверную бабушку из молотан. Собственно, почти все слова ты произносила либо вслед за взрослыми, либо сама по себе. Только при глухонемых ты не раскрывала рта. Не правда ли, удивительно?

«...» Тебе уже 40. А для меня ты все маленькая, и хотя понимаю, что теперь я – старуха-ребенок, мне все хочется от чего-то тебя уберечь, спасти, наставить. Тот 5-летний перерыв, вернее, перерывы, когда мать особенно запоминается, был дурным, греховным временем моей жизни. Но то, что я не могла стоять у ворот рядом с папой⁹⁴ (только первое время стояла), а потом лежала 2 года, это-то как раз и был период моей жизни полностью

⁹² Поэт Олег Хлебников и его жена Анна Саед-Шах.

⁹³ Уменьшительное от Годель. Так папу звали в семье – Годик, Годинька.

⁹⁴ Мама говорит о воротах больницы им. Шумской на станции Турист, где я провела два года. Мама пыталась отстоять московскую прописку ценой отказа от еды, тяжелый психоз «лечили» в больничных условиях аминазином и галоперидолом, что сказалось на всей ее последующей жизни.

жертвенный, полностью самоотрешенный от своей особы. И по сей день отголоски тех лет меня не отпускают, и с ними борюсь с помощью лекарств и т. д. Сейчас я опять в норме, из которой вышла, как только ты уехала. Я обожаю тебя, я не умею словесно передавать силу моей любви. Это отразилось явно только в стих[отворении] «Дочери»⁹⁵. Весь комплекс этой любви. <...>

---

⁹⁵ Казалось бы, и нечего сказать. Пред очевидностью простого факта, Что я, твоя нелепейшая мать, Скончалась то ли так, то ль от инфаркта. – Не надо плакать! Вот что я скажу: Не я в гробу нарядная лежу В платочке с розочками рококо, А лишь пустая глина, но когда-то Ее сосочек, до крови намятый, Вливал в тебя скупое молоко. Все мерки жизни и координаты Смерть изменяет быстро и легко: Теперь ты от меня настолько близко, Насколько от тебя я далеко. Теперь с пути мне сбиться нету риска, Теперь в той самой я непустоте, Какую жизнь считала пустотою. Не те здесь массы, скорости не те И даже сон не тот, что в простоте Жизнь относил к вечному покою. Теперь отпала надобность в очках, Отсюда вижу все твои веснушки – Темней на скулах, золотей в зрачках, И вся ты – свет от пят и до макушки. Не надо плакать! Холмик на опушке Кладбищенской не есть последний дом, Где забываются последним сном, – То наших встреч таинственных площадки И нежным незабудкам благодать. Загадка – жизнь, а смерть – ее разгадка. О как мне эти слезы видеть сладко! Поплачь еще, хоть я плохая мать По всем параметрам миропорядка. Нет, слуха твоего не оскорблю Тем оправданьем, что с пути я сбилась, – Все это ложь. Я так тебя люблю, Как дочерям заласканным не снилось. 1983

56. Е. Макарова – И. Лиснянской **Октябрь 1991**

Дорогая мамочка! Получила твое письмо от 18.10. Такое трогательное! Хотела сразу же ответить на него, но замоталась. Голова не варит, нет вдохновения на слова. Лучше картину написать, изобразив в ней странный внутренний мир мой, – в цветах и линиях.

Сейчас я у Билла и Лисы, они спят, а я не могу заснуть в 11 вечера.

Завтра едем в Иерусалим, днем я работаю с детьми. Прошлый урок я была плохо подготовлена, дети сидели у меня на голове, боюсь, что придется серьезно готовиться к урокам. Дети от 7 до 12 лет хотят учиться, а не играть со мной в игрушки. Честно говоря, мне и преподавать сейчас не в кайф, хочется тишины.

Здесь сейчас появилось множество новых русских газет, некоторые весьма даже на уровне, все суетятся и крутятся со своими произведениями, я – в стороне. Что-то, видимо, есть во мне «изъянное», что делает мою прозу лишней здесь и там. <...>

57. И. Лиснянская – Е. Макаровой 24–25 октября 1991

24.10.1991

Леночка, солнышко мое! Получила от тебя письмо с запиской от Маньки. Доченька, конечно, первое время после Москвы – неуравновешенное. Все войдет в свою колею. Очень рада, что ты, моя дисциплинированная девочка, по утрам пишешь! <...>

Вчера, когда меня не было, приезжал Сережа (фотограф) и передал три предмета, которые вернула таможня. В том числе и черную (папину) икру. Без меня открыли банку, так что этот возврат держи в секрете. <...>

Очень мне нравится ездить в своих «Жигулях». Придает какую-то уверенность в передвижении. Например, на днях поеду к маме на могилку. Отвезу цветы и деньги на памятник. А то стой и голосуй, заказывай и т. д. и т. п. при нашей грубости. 2 раза в неделю договорились с шофером за 250 р. в месяц. Это – хорошо. А плохо, что все меня предупреждают о возможности угона. Я уже к мысли привыкла, хотя жаль, что непременно угонят. Я и техника – несовместимы, и по логике машину должны украсть. Инфляция подходит к гиперинфляции, но уже сейчас «Жигули» (шестерка) стоит на рынке 1 500 000 р. Вообще дела аховые и краховые. Вся страна борется сама с собой, при такой ситуации победителей не бывает, только побежденные. Долго же было в Москве тепло – видимо, ты привезла солнышко и потепление. Теперь уже начинает быть холодно. Уже пошел мокрый снег: завтрак – сметана. Но сметаны уже нет. Насытимся сметаной снега – прямо из космического холодильника. Как поживает «утро – сметана»?⁹⁶

25.10.[1991]

Вчера не успела дописать письма, а сегодня с утра в доме стоит крик Семена, читающего мою сверку: «Плохой стиль, делаешь Ахматову мелкой, цедеэльские манеры». В общем – ужас, хоть иди и забирай книгу, уплатив неустойку. <...>

---

⁹⁶ Билл ездил по Союзу с профессорами Иерусалимского университета. Во Владимире их обокрали подчистую, вплоть до обуви, о чем он сообщил мне по телефону. Чтобы как-то смягчить историю, он похвалил ресторанные завтраки, – «эври бокер – сметана» – это предложение из трех слов на трех языках маму невероятно рассмешило, и, уже позже, когда она жила у нас, при встрече с Биллом произносила их в качестве приветствия. Поездка в Москву описана в повести «Obsession».

58. Е. Макарова – И. Лиснянской Осень 1991

Мамулечка, дорогая! Получила твое нежное успокоительное письмо. Прочла его дважды, один раз в такси, другой – в автобусе. Ты пишешь много лестного в мой адрес – это на расстоянии я обрела такой ореол. Вслед за этим письмом пришло второе, дополняющее и уточняющее. Вчера я написала несколько фраз, потом опять закрутилась. Сейчас у меня есть полчаса до поездки на Север, надеюсь, что смогу в них уложиться.

Мамулечка, правда, что время очень тревожное, особенно у вас, – каждый день что-то происходит, и все – к худшему. Это и есть развал империи. Достанет ли сил собрать здоровые, неповрежденные ткани и из них снова начать расти? Это похоже на полностью поврежденный механизм, у которого мотор то глохнет, то вдруг включается неожиданно, у которого пробит глушитель, нет солярки, нет бензина, но вот появился бензин – и вновь движение. Машине легче поставить диагноз, поскольку она плод человеческой мысли (инженерной), а вот как поставить диагноз живому существу? На сколько процентов оно еще сохранно и есть ли смысл для пересадки внутренних органов – ведь нужны доноры – у кого-то взять почку, у кого-то печень, стоит ли? И если стоит, то сколько стоит?

Машина – человек – творец.

Здесь остается апеллировать только к последней инстанции. Не забывая важность двух первых. В периоды катаклизмов очень трудно видеть провиденциальную задачу, она потоплена в отсутствии молока, витаминов и прочего необходимого топлива для существования.

Отсюда все тоже плохо просматривается.

Мамочка, спасибо тебе за все твои добрые слова, но на расстоянии действительно происходит романтизация образа. Особенно единственного ребенка. <...> Сейчас я очень занята подготовкой выставки детей, моих учеников. Опять нужна концепция, нужно найти гармонию между планом содержания и планом выражения. Это аналитическая работа, здесь нет места капризам вдохновения. Дети должны понимать мои установки, а это значит, я должна понимать – их. Тогда дизайнер понимает меня и детей. Значит, нужно планировать как с Фридл, никакой спонтанности. А вся моя проза – спонтанна. Таким образом, я внутренне распадаюсь на части. Мне кажется, именно этот дефект создает разорванность и в личной жизни. Я чувствую, но не могу поступать согласно чувству. Даже чувство должно быть для меня интеллектуализированно, понято, т. е. из-за этого я не могу быть стопроцентно честной. И когда я пишу, это как бунт против логики, но не очень уж сильный, так, волнения на море.

Лена Изюмова может плакать, смеяться, реагировать сиюминутно, а я на это не способна. Все оседает во мне – так было в Москве, когда мне часто хотелось плакать, но выглядела я даже, по-моему, холодной. Ладно, этот самоанализ или объяснения оставлю на потом. <...>

<...> Еду выступать за 300 шекелей. Приближаемся к Хайфе, отсюда еще 2 часа езды, это самая граница с Ливаном. <...> Едем под ориентальную музыку, что-то древнее, сефардское, очень красивое, – дудочка, скорее всего, это пастушьи песни. Музыкант, один из самых известных здесь, Шломо Бар (в его ансамбле индус, хасид и француз) спит на переднем сиденье, до этого он читал Сидур (молитвенник). Кажется, у него все правильно – музыка и Сидур. Индус спит на заднем сиденье – интересная компания, во всяком случае, неожиданная в моей жизни. <...>

59. И. Лиснянская – Е. Макаровой **13 ноября 1991**

13.11.91

Леночка! Даже не верится, что год назад я была у вас, видела внуков, не верится и в то, что я два месяца назад встречала тебя в Шереметьево. Кажется: вечность прошла. Очень трудно без тебя и детей, что естественно. Ежедневно в 15.30 пьем твой, в пакетах, чай, и говорим о тебе. Я, которая вообще античаевница, в восторге от чая: то ли жасмин, то ли еще что-то невероятно благоуханное. Я говорю о чае не потому, что почти все население говорит о почти уже несуществующей еде, по невозможным даже для нас ценам. Просто чай тобой пахнет, представь себе. А между тем, как ты благоухаешь в виде подарка, многие мне говорят об интервью с тобой по программе «Маяк». Даже работница Литфонда, когда я туда позвонила, сказала мне: а я вчера слушала Вашу дочь, Макарову, по «Маяку». Как замечательно она выступала. <...> Хожу и горжусь, сижу и горжусь, лежу и горжусь. Короче, горжусь во всех положениях, а не только за чаем.

<...> Доченька, здесь хорошо, но дома лучше в том смысле, что хоть дозвониться до тебя когда-нибудь можно. Соскучилась по твоему: ма-ма! – с повышением последнего слога до колоратурного сопрано 2-го регистра. Это твое ма-ма! у меня всегда в ушах живет.

<...> В городе я бываю раз в семь – десять дней на своей машине. Со своим шофером! Конечно, эта лафа долго не будет длиться. Мы перестали быть обладателями денежного запаса. Все так и вытекает с невероятной быстротой, ибо, к счастью, я не считаю четко и не переживаю это. Слава Богу – и Семен. Когда бедствие стихийное, как война или землетрясение, он спокоен. Это – мудро. <...>

60. Е. Макарова – И. Лиснянской **Ноябрь 1991**

Дорогая мамочка! <...> Я вчера читала Чехова, знаменательное событие, по-моему, впервые за три года я взяла в руки книгу. Не для чего-то, а просто так. Перечитала пять рассказов, упиваясь восторгом и завистью. Как он потрясающе драматургичен, как создает атмосферу, вводя в повествование как бы ничемных второстепенных героев, пейзажи, интерьеры, и какая грусть разлита во всем этом <...>

Здесь, кажется, иначе звучит русская классика, или воспринимается иначе с возрастом. Жутко захотелось все перечитать, от Лескова до Платонова, никого не видеть, ни в чем не участвовать, просто читать. Попробовала Бальзака, отложила. Мешает перевод. Вещь свою я вчерне написала, не нравится, хочется чего-то другого. Не всплесков и выплесков, а характеров, развития поступательного. Я не расстроена, напротив, спокойна. Пока не погрузишься во что-то, не понимаешь. <...>

Москва как-то перевернула меня. Судя по написанному, я нахожусь в разводе с самой собой, это я вычитала из текста. Не хватает той последней прямоты, с которой можно сказать, что все лишь Бренди, Шерри-Бренди... К чему невольнику мечтания свободы (Баратынский), когда нет ничего нового под солнцем (Экклезиаст)...

<...> Мамулечка, очень по тебе скучаю. Влезла ли ты в платье? Получила ли лекарства?

61. И. Лиснянская – Е. Макаровой 1–2 декабря 1991

1.12.1991

Дорогая моя доченька! Вчера по телефону узнала, что от тебя пришло письмо, и поспешила за ним в город на уже покалеченной где-то шофером машине. Начинаю сразу с нескладной фразы. Полная нескладуха. Письмо твое давнее (конец окт[ября] или начало ноября – не разб. Пиши дату!) никак не затмилось последующими вскоре бедами: болезнью Билла, укладкой дяди Мили в больницу⁹⁷. Не затмилось, ибо – очень грустное письмо. Или тебе очень плохо, или, хочу надеяться, плохо – вспышками, и в одну из них ты мне написала письмо.

Доченька моя, любимая, моя ласточка! Бывают дни и в молодости (себя в пример не ставлю – болела с младых ногтей), когда все валится из рук, когда ощущаешь свою ненужность в главном своем призвании. Но ей-богу, это именно свойство таланта и ничего более. Ничто самобытное почти никогда не впадало в общую реку, а как бы уходило в песок, но это – как бы. На самом деле я чувствую, что у тебя идет трудная, но благодатная работа души. Это подтверждается и тем, что кроме двух часов за машинкой остальное время хочется только покоя и покоя. Отсюда и трудности в преподавании. Это не дети ждут от тебя учебы, а не игры, а ты не хочешь больше играть, а хочешь учить. Контакт с детьми – это всегда лучи, исходящие из тебя.

⟨...⟩ А внешняя «литературная» жизнь – не более чем возвышенная суета. Ты же меня сама учила не оглядываться на других, делать свое дело. Вот меня научила, детей учишь, а себя научить не можешь. Это потому, что себе веришь больше, чем другим, а в себя веришь меньше, чем в других. Доченька моя, держись, родная. Ты для меня и, думаю, для папы – единственная опора. Папа уже здесь, я горячо, но моментно с ним поздоровалась и поговорила. Он, видимо, напряжен, я это почувствовала и отошла. Право, жаль, если не сумеем по-человечески общаться. Так бы и говорили о тебе, про тебя. ⟨...⟩

Переделкино для нас, видимо, надолго – есть решение. Но, возможно, путевки будут так дороги, что мы их не подыдем. Но если вдуматься: жизнь в городе может быть еще неподъемнее. Инфляция такова, что мы входим уже в ту половину населения, которая считается за гранью. А за гранью чего? Нищеты? Безумия всеобщего? Всеобщего беспредела? Что-то должно случиться с нашей страной жуткое, только бы с вашей ничего не случилось. ⟨...⟩

2.12.1991

Леночка! Только вчера отправила тебе письмо, но как бы в нем нечто не договорила. И вот опять пишу. Сама не знаю, что именно я не сказала. Возможно, таким образом убиваю тоску по тебе и детям. Возможно. Только сейчас, перед завтраком, видела папу, мы поговорили буквально минуты две. Тема: Миша⁹⁸ слушал твое интервью – голос Израиля. Очень я Мише позавидовала. Папа же мне сообщил, что пришла к Наташе посылка от тебя и там якобы что-то есть для меня. Твои подарки использую экономно, чтобы существовало бы какое-то осязаемое, обоняемое твое присутствие. Так, покамест не выпили твоего чая и кофе, я не притрагивалась к шампуню со смесью алоэ – это то из малого, что уцелело после шере-

---

⁹⁷ У Билла в ноябре случился инфаркт, дядю Милю, папиного брата, живущего в Иерусалиме, положили на операцию.

⁹⁸ Михаил Липкин, брат Семена Израилевича.

метьевского грабежа. Хранила ровно год, ведь почти ровно год тому назад мы вернулись от вас. И вот я открыла шампунь, мылась и с блаженством вспоминала...

«...» Еле дождалась, чтобы ушел Семен, и схватилась за твои 3 письма. Ты видишь, доченька моя, какие они разные, хотя второе и третье взаимосвязаны и в последнем есть надежда и свет⁹⁹. «...»

Ты себе даже не представляешь, как на расстоянии мне передается твое самочувствие – жизнечувствие. Нет, доченька, в основном ты – сильная, но слабость твоя мне давно известна, и она-то меня мучает и переполняет сердце бескрайней материнской жалостью. Ты не железная, что и говорить, все очень тяжело и для твоих плеч, хоть они и не такие узенькие, как мои. Солнышко мое, ты очень милосердно поступаешь, когда пишешь мне все, как есть, внутри тебя и вовне, и если бы не было твоего письма № 2, полного отчаяния и растерянности, я бы, все понимая, совершенно бы сошла с ума. Твоя боль – моя боль, плоть – от плоти, оболочка – от оболочки, не может обойтись без душевной связи. «...» Ленуся, у меня еще до твоего приезда к жжению спины и всего, даже головы, прибавилось дерганье во всех моих конечностях, внутренностях и т. д. Проверили меня на сужение сосудов и сказали: органики, слава Богу, нет, а это также вегетативка.

«...» Стихи, естественно, не идут, да я их и не тороплю. Все зависит в этом деле не от меня. Можно было бы на мою жалобу резонно ответить: а кто вообще сейчас спокоен?

Ведь такой ужас вокруг – беспредел агрессивности, безденежья, бескормицы и т. д. и т. п. Но все же тревога должна быть нормальным человеческим чувством, а не таким болезненным. Тем более что вас в этом ужасе нет, а так сильно тревожиться можно только за детей. Я как раз очень спокойно переношу весь этот отечественный кошмар. Так что было мне худо в общем-то без видимых причин. Ленчик, я все думаю, что все уладится в твоём отечестве, в твоей душе. Иного нам не дано, как уповать на Бога и опираться на себя и близких. «...»

---

⁹⁹ Письма из больницы, где мы с Лисой дежурили у Билла, когда состояние его определялось как критическое, к счастью, на вторые сутки наступило облегчение.

62. Е. Макарова – И. Лиснянской **10 декабря 1991**

10.12.91

Дорогая мамочка! Очень полезно иметь тексты в компьютерной памяти. Видишь, как бежит время. Одно письмо от другого отделяет 10 дней или меньше. Украина свободна, до Переделкина дозвонилась, дяде сделали операцию, и завтра его выписывают. Билл дома, чувствует себя хорошо. Видимо, нервничать не стоит. Сама жизнь, пожалуй, не стоит наших нервов. Эти дни я полностью была занята дядей. Очень много физиологии. Он вел себя точно как дед. Подозревал всех то в неправильной операции, то в перченой еде, – на самом деле все было в порядке. Ничему не радовался, полностью отдался своим физиологическим «предчувствиям», проблема стула, катетера и т. д. Это или характер, или отсутствие запаса прочности. Билл, как бы плохо ему ни было, радовался каждому посетителю, радовался красивым и точным действиям медсестры, при этом понимая, что в первые сутки его дважды прошляпили, но не жаловался, считал, что везде возможны ошибки, зато как теперь хорошо за ним все ухаживают, какие люди вокруг, судьбы! В этом отношении Билл мне очень напомнил Семена, я даже ему рассказывала о том, как Семен Израилевич стоически мудро переживал свою болезнь. Билл считает это «еврейским», но ошибается. Я думаю, люди здесь душевно гораздо прочней, чем в союзе. Поэтому на фоне сравнительно нормальной жизни они и удары судьбы переносят иначе. А советских людей всякая малость лишает душевного равновесия. <...>

63. Е. Макарова – И. Лиснянской **29 декабря 1991**

29 декабря 1991

Мамуля, сегодня я шла по Бен Йегуде, центральной улице, нашему Арбату, и вдруг мне показалось, что это не я, а ты и что ты в моем обличье ходишь по Иерусалиму, участвуешь во всем вместо меня. Возможно, потому, что я коротко постриглась и стала еще больше походить на тебя, так мне кажется. Вчера ездила одна на Мертвое Море, в Эйн-Геди. В Иерусалиме лил дождь, а там сияло солнце, прозрачная луна висела над густой синей водой, в ней отражались горы сплошным неподвижным рельефом, а за спиной возвышались скалы, в их пещерах были найдены Кумранские рукописи. Я обнаружила на пустынном берегу пологую раскладушку, просоленную, как вобла, разложила ее на гальке, и легла так, чтобы видеть закат, видеть, как луна наливается белизной, как меняется цвет моря, с синего на фиолетовый, красный, потом светлеет и доходит до металлической серизны, а зато луна в это время становится белейшей, небо синим, а если встать с зеленой раскладушки и посмотреть в противоположную сторону, увидишь вершины скал, подсвеченных закатным солнцем так, что они выступают, вырываются из картины, прорывают своими остриями ткань неба.

Так я пролежала час, не отрывая взгляда от моря, только раз взглянула на скалы. Это стоило езды туда-сюда и денег на автобус. Но дома на меня опять навалилась тоска. Я пошла гулять, чтобы не потонуть в ней, но потонула в дожде. Сегодня весь день думала над разными вещами на разных языках. Это мешает. Разные языки. Думала, что уже могу написать нечто о неосуществившемся, разные обрывки планов, идеи, канувшие в никуда, мечты, оставшиеся на дне, как камешки на дне Мертвого моря, но по мере этих дум все наводнялось иронией, переходило плавно в гротеск, в конце концов, когда я уже сейчас ходила гулять, смотреть на Вифлеем вдаль, – я просто посмеялась над своей грустью, над истоком ее, который мне неизвестен, известны только речки, берущие от него начало, да и то – в среднем течении. Может, если бы я была одна, я бы скорее нащупала музыку и форму, но одиночество – это подарок, который я уже не рассчитываю получить. Хороша ложка к обеду.

Мамулечка, мы все время следим, как вы разваливаетесь, и хотя и прекрасно дожить до разрушения порочной системы, но плохо, что приходится вам существовать в зоне этого разрушения, – за вас страшно, а на систему плевать, все равно все определяет не она, а сам человек, с его свободным духом. Но не с пустым брюхом. Тогда такое противостояние становится угрожающим для самой жизни, а она одна, жаль ее на это пускать. Хотя и в этом я сомневаюсь. <...>

64. И. Лиснянская – Е. Макаровой 2, 9, 11 января 1992

2.1.1992

Вот и Новый год, моя доченька! Дай вам Бог здоровья и благоденствия!

<...> Сейчас – рассвет. 7 утра. Новый год мы встретили на редкость мило и весело. Окуджава нас зазвал и приехал за нами. Его жена сказала: «Уже с позапрошлой новогодней ночи вас ждем, оказывается: вас надо не приглашать, а забирать». Булат дорогой о тебе расспрашивал и просил обязательно тебе передать привет. Несколько позже подошли и Рыбаковы (часам к двум) и также расспрашивали о вас и передавали приветы. Здесь они получили роскошную квартиру в «доме на набережной» и уезжают в Америку дней через двадцать. <...>

Да, позади остался настолько бурно-непредсказуемый год, что, кажется, прожиты за этот год 25 лет, не менее. Семен прочел твое письмо и сказал: «Как Лена замечательно талантливо написала себя на раскладушке, и море Мертвое. Вот рука писателя!» <...> Морды, особенно в нашем корпусе, живут просто невозможные – бандиты. В Петербург стягиваются фашистские силы, пока в гражданском одеянье. Но об этом даже по телику объявили. Да, забыла, вернее не успела тебя поблагодарить за колготки. Прелесть! Я их натянула на себя, и у меня оказалась новая вещь на Новый Год. Семен меня смешит, видя, что его просьба «бритвы, мыло» не выполнена, спрашивает: а что папе Лена прислала? Отвечаю: все как мне, кроме колготок, но все – в два раза больше для тебя и меня. Он довольно заулыбался, действительно смешно: к папе ревнует. <...>

9.1.1992

Доченька, начинаю на странице, оборот которой из первого, вчерашнего письма. Папа сказал тебе, что мы, видимо, гриппуем. Как в воду смотрел, вчера вечером я и впрямь загрипповала, и Семен, кажется, носом шмыгает. Хоть бы его это обошло. А мне – все равно. На улицу не рвусь. А лежать простуженной очень даже хорошо, можно спокойно читать и даже о стихах подумывать. <...>

Сейчас нам принесут ужин. На завтрак не ходим, оставляем с вечера на утро. Все удивляются, что меня почти никогда нет в столовой да еще при сегодняшних трудностях. После завтра Семен, тьфу-тьфу не сглазить, первый раз с 1-го числа пойдет в столовую. Ну я, в основном, там даже в обед редко бываю. Мне хватает того, что он приносит с завтрака, хлеб с маслом с двумя кусочками сыра и яйцо. Этого мне достаточно и в завтрак, и в обед. Если бы не проклятые лекарства, я была бы стройной. <...>

Читаю все подряд, например, Ницше и Зайцева. Какой прелестный, акварельно-прозрачный писатель. Как хорош у него твой любимый и не любимый мной Чехов. Не говорю уже о Жуковском, это я перечитываю. И еще меня ждут его «Тургенев» и воспоминания о Бунине, Белом, Цветаевой и т. п. Последнее время я полюбила читать о писателях, *особенно о поэтах*. Например, чудный Ходасевич и его «Колеблемый треножник». Что это за страсть читать поэтов о поэтах и поэзии? М.б., честолюбиво ищущих аналогов?

Я радуюсь, когда с кем-нибудь из действительных поэтов нахожу сходство в характере или в моем понимании задач и бесцельных целей искусства. Оно, мне кажется, только тогда достигает цели, когда пишешь бесцельно, для себя. Когда совершенно не имеешь в виду ни читателя, ни времени, в котором обитаешь. Время имеется в виду подсознательно. Вот ты мои последние стихи считаешь очень печальными. Но это, однако, не так. Прежде поперек и наперекор болоту тихому, с внутренними кругами коррумпированных слоев, с активным

КГБ, я позволяла себе писать безысходную чепуху. А теперь наперекор и поперек я этой чепухи не касаюсь, появилась некая просветленная дыра, из которой я все же вижу выход. Вокруг настолько плохо, что душа сама по себе не позволяет впадать в беспредел нашей чепухи. Как раз немногие мои читатели, как Л. Ч.¹⁰⁰, и еще некоторые считают, что у меня последние стихи, как бы они ни были печальны, содержат в себе душевное просветление. Это не касается упоминания всуе Его. Тут ты, м.б., права. Но общая тональность все-таки иная. Конечно, смешно находить перед тобой оправдание в моем деле. Видимо, ты права, так как очень умна и углубленно понимающая. Вот как ты Семену написала о его книге! Ничего подобного, никогда ты бы не смогла мне написать о моей. И тут, говоря стихами Северянина: «Виноватых¹⁰¹ нет, все люди правы / в такой благословенный день». Сказано прекрасно. Поэтому я тебе все-таки рискну переписать 3 свои последние стихотворения. Не зря же я свою тетрадь положила под новый год между книгами Мандельштама и Цветаевой, чтобы ума набралась. А та, Маничкина тетрадь, синяя с золотой бабочкой потерялась, а с нею и все мои не выпечатанные стихи. А выпечатанные я тебе послала из «Н[ового] М[ира]» и «Знамени». Но я если и переживаю эту пропажу, только потому, что тетрадка Маничкина. А стихи? – Значит, так надо было.

Тайна

Уже спокойно мне не спать,
Не уповать на суд и милость,
Поскольку я распеленать
Чужую тайну покусилась.
Не мумия оголена
И не младенец распеленат,
А музыка чужого сна,
Слегка похожая на омут¹⁰².

Березовая роща

Всегда при мне и горечь, и надсада,
И роща в трех минутах от шоссе.
Столетье, как березы, полосато,
Мне жить досталось в черной полосе.

Пусть жены не винят, мужья не ропщут, –
Злость ненасытна, беззащитна грусть, –
И я угомонюсь, как эта роща,
Дождем умоюсь, солнышком утрусь.

Что на хвосте ни принесет сорока
И что ни наворкует мне сизарь,

---

¹⁰⁰ Лидия Корнеевна Чуковская.

¹⁰¹ У Северянина – «виновных».

¹⁰² Неопубликованное.

Какою гарью ни обдаст дорога,
Я все приму, и даже эту гарь¹⁰³.

Ночь на рождество

Кто говорит, что мы должны страдать,
Уязвлены терновою занозой,
Когда звезда умеет так сиять
И пахнуть осликом и розой?

Кто дарит блеск рассветного луча
Звезде, напоминающей о розе? –
И ночь тепла, как с царского плеча
Соболья шуба на морозе.

Что нужно яслям прежде и потом? –
Избыток сердца и остаток сенца.
Мы связаны друг с другом не крестом,
А пуповиною младенца¹⁰⁴.

Вот такими стихами, нехитрыми мыслью, изобразительными средствами я и хочу снять с души тупиковость, прежде всего со своей души. Если мне это удастся, то, м.б., и кому-нибудь понадобится. Уж прости, что я разговорилась о своих стихах, да еще и переписала. Все это, видимо, оттого, что затемпературила. Вчера мне и в голову бы не пришли бы эти «рассуждансы» и «романсы». Сейчас сделаю перерыв на часок-другой, пообедаю, если принесут. А потом с новыми душевными силами буду тебе писать, хоть и боюсь, что мои длиннописания тебя утомляют. Но я – эгоистка и позволю себе это удовольствие. <...> Я тоже, как и папа, терпеть не могу писать письма. В жизни короткое время и кратко я писала папе, где подписывалась «твоя Шушаник» и еще так же кратко – Семену. <...>

А вот тебе мне хочется писать целыми днями, и я буквально удерживаю свою левую руку, чтобы без конца тебе не писать. Я даже, будучи левшой, не могу тебе сказать строками Цветаевой: «Вот тебе моя рука – Праведная, правая».

Если бы у меня хватило мысли в этом жанре, я бы тебе написала целый роман в письмах. Есть и сюжеты, и побудительные силы, но нет оригинальной мысли. Я пришла к убеждению, что только новое содержание диктует и выстраивает форму. А не наоборот, как думает сегодняшний андеграунд. Эта молодежь, да и стародежь лишена совершенно художественного содержания. Все силы бросили на «как» сказать, а не на «что». И глупо воображают, отвергая даже Булгакова, что они последователи Набокова. А у него все изначально опиралось на содержательность души и ума, и эта содержательность, именно она, определила новую изысканную форму. Можно спорить о глубине содержательности, но никак нельзя ее вовсе не заметить, а только говорить о синтаксисе и проч.

<...> Все сейчас очень правильно говорят, что литература не должна быть идейной. Но забывают сказать, что произведение не может быть бессмысленным. Тут полная путаница:

---

¹⁰³ Из книги «Ветер покоя» (СПб.: Пушкинский фонд. <http://www.vavilon.ru/texts/prim/lisn3-6.html>).

¹⁰⁴ В книге «Ветер покоя» последние строчки изменены: «И связаны друг с другом мы крестом, / Как пуповиною Младенца».

идею отождествляют с мыслью. А это две большие разницы. Идея – это раз и навсегда окаменевшая мысль. Именно поэтому нельзя путать идею с мыслью. Художественная мысль всегда очень подвижна и вряд ли может окаменеть.

А вот идея – это та философская «горячая» точка, которая застывает, как вулкан. Вот и я разрасталась, в то время как я вовсе не теоретик, практик. Да еще беспомощный. И беспомощно думать литераторам, мол, русский писатель должен прекратить и свою пророческую миссию, это опять перепутывают идею с мыслью.

Я восстаю на все, что сейчас говорится в русской поэзии и в прозе, что мы все должны очиститься страданием. Это уже окаменевшая идея.

Поэтому моя «Рождественская звезда» антиправильна, скорее, с примесью католичества. Я приемлю рождение и связь «пуповиной» и отвергаю Крестный путь. Сейчас нельзя уже взывать к страданию, просто безнравственно. Потому что вокруг одни страдания, и в такую пору их культивировать – опасный грех.

Вчера показывали фильм «Святая земля». Естественно, к моему сожалению, только связанное с Божьей Матерью и «Воскресением». Но что было хорошего, был комментарий ведущего программу, из которого следовало, что Иисус, как и его родительница, – евреи. Много было ссылок и на Ветхий Завет. Население, сидящее перед телевизором, мало смыслит, где какой Завет. Но вот что Богородица – еврейка и сын – еврей, – это для нашего темного населения – открытие, хотя, возможно, и неприятное. Мне вспоминается, как секретарь райкома, когда нас вызывали, возмутился словами Семена: «Время со времен Рождества и т. д.» Он завопил: «При чем тут Рождество?» А Семен спокойно ответил: «Хотите вы этого или не хотите, но в России календарь ведется летоисчислением со времен Христа. И я, и вы живете по этому календарю». Я видела, как у этого секретаря со значком университетским на лацкане глаза выпучились и на мгновение застыли. Он каким-то утробным нюхом понял, что это не вызов, не издевательство над ним, а правда. И эта правда его потрясла. Вот таким потрясением я вижу и часть населения, глядящего в телевизор, и недоуменно застывшие глаза. <...> Теперь нет открытых призывов, даже как бы мелькает жалкое подобие мысли: мы не против отдельных евреев, мы противники сионизма, которым опутывается весь мир, а Россия в особенностях.

<...> Ну, делаю перерыв, сейчас включу самоварчик и выпью твоего чаю, мое солнышко.

Выпила. Спасибо. Даже проглотила еще давно подаренный тобой аспирин. С лекарствами – жуть. Цены – ужас. Инвалиды, т. е. ветераны, многодетные и такие, как я, скоро будут обслуживаться аптеками (которые еще нужно создать) социальной защиты. Это означает, что все аптеки будут с безумными ценами и льготникам там делать нечего. А проекты с соц. защитой не пройдут. Их не будет. Но я все-таки меж лекарствами и Переделкином выбираю Переделкино. <...> Нет-нет, но я вдруг перехожу на благословенный, но проклятый наш быт. Я, как никогда прежде, научилась радоваться любой малости. Но стала еще более робкой и замкнутой. Конечно, если бы Межирову сказали, что такова, он бы всплеснул руками: «О чем вы? Инна самая мудрая и прагматичная женщина, каких я встречал. Ну, разве что такая же Люся Боннэр». Но он не может здесь всплеснуть руками, т. к. сейчас находится в Америке, где очень удачно выдал замуж свою внучку (за миллионера), обустроил дочь там же, а сам читает лекции по 18–19 векам русской литературы. Вот тут-то ничего поддельного, он отлично знает этот предмет. Глубокие знания и феноменальная память, пожалуй, самые прекрасные черты его личности. Молодец, всегда без памяти любил русскую словесность.

Иногда мне кажется, что моя темнота не только в том, что после известного периода моей жизни (сумасшедший дом) я потеряла те клетки памяти, где сосредоточена прочитанная литература, а еще в чем-то присущем мне. А в чем – не знаю, как определить. М.б., это эгоцентрический порок? Но некоторое оправдание у меня все-таки есть. Предположим, я

не с такой страстной интенсивностью читала в школьном возрасте и несколько позже. Но сейчас-то я, как пиявка, всасываю в себя всю кровь словесности, но минует неделя, – и я уже все забываю. Жаль, конечно. Остается от всего прочитанного только ощущение солоновато-сладкое во рту. Ну, с какой гадостью я себя сравнила, можно только утешаться, что эта гадость часто спасала и продолжает спасать человека от инсульта. <...>

Прочитала эссе Зайцева о Блоке. Так превосходно, что хочется тебе целый кусок переписать. Ну это уж полная дурь. Скажу только, что Борис Зайцев, со всем его изобразительным даром, еще и редкий психолог. Как он прочел «Двенадцать»! Просто удивительна его не зависимость ни от кого доброта и тонкость. Почему я говорю о независимости? Дело в том, что Зайцев близко дружил с Буниным, который Блока просто ненавидел. И сколько такта. Это тебе не Винокуров, который всем тычет в лицо письмом Пастернака. Тут произошло по чудной поговорке: «На безрыбье и жопа соловей». Устав от общих деклараций Долматовских и иже с ним, Пастернак в «Синеве» Винокурова то вдруг наткнулся на солдатскую кружку, то на лопату, и это его по поговорке обрадовало. Ведь целый слой советского стихотворчества был совершенно обезпредмечен, теперь же предметов полно, и это обернулось опять-таки дурной стороной, детали и детали без воздуха между ними. Пишут так, как Плюшкин сегодняшний забивал бы свою однокомнатную квартиру вещами – впритык одну к одной. Но я отвлеклась от Зайцева. Он получил от Блока ответ на подаренную им книгу, видно, что ответ был более чем доброжелательный, хотя бы потому, что Блок в конце письма посетовал на то, что они близко не были дружны. Эта фраза нужна была Зайцеву исключительно для дальнейшего в эссе. Теперь же любой из члеписов, уж если пишут нечто вроде воспоминаний, обязательно целиком привели бы лестное для них письмо. <...>

Когда-то даже малоодаренные люди, например Адалис, не хвастали тем, что о них говорилось. Так Мандельштам, заявив, что он антицветаевец, расхвалил в одной своей статье Адалис. Но эта несчастная вдохновенная стукачка (доносы писала без просьб) и то никогда не похвалялась таким образом. Кстати, смешное: [Лариса] Миллер приводит два рассказа о Мандельштаме – из уст Тарковского, а это вовсе не его воспоминания, а Семена. Тарковский только однажды был в обществе Мандельштама и присвоил его [С. Липкина] рассказы. Я бы на примере Тарковского могла написать эссе «Поэт – ребенок». Это Тарковский, и это чаще встречается, чем «Он сразу родился взрослым» – это про Семена. Я догадалась и спросила его, не говорила ли ему об этом его мать. Очень Семен удивился: «Как ты догадалась? Мама мне говорила, что я чуть ли не с пеленок был взрослым, никакие погремушки не признавал, а после – никакие игрушки». Этот случай более редкий, чем случай всей жизни Тарковского. Замечательный поэт, но в жизни любил только слуг. Я о нем импровизационно рассказала на радио. <...>

Активное нежелание сцены меня несколько выше не ставит над теми, кто любит публичные чтения. И Блок читал. Просто я такая, какая есть. Если бы я сейчас была в мечтательном возрасте, я бы вот о чем мечтала бы. Быть как все нормальные люди. Это к поэтическому дарованию или недарованию отношения не имеет.

Меня удивляет тип стихотворцев, хвастающих своей «нездешностью», незнанием быта. Ну и что? Пушкин очень трезво знал быт и никем не притворялся. Так уж случилось, что я росла каким-то рассеянным недоумком. Это никакая не поэтичность, а беда, ходячий анекдот. Если бы ты только знала, как я хочу быть как все люди. Да Бог поскупился. Однако я опять как бы жалуясь на судьбу. Нет, несколько. Просто я с тобой разговариваю, как сама с собой. <...>

11.1.92

Доченька, солнышко мое! Читаю Зайцева о Тургеневе, жду Машку и пишу тебе. Видишь, сколько у меня свободного времени. С какой бы радостью я отдала бы все мое сво-

бодное время тебе! Но даже само по себе это желание глупо. Мне кажется, что сам по себе человек – есть время. Мое время – пусто, а твое густо. Никакое время, даже если бы было оно вещью, передать невозможно. Оно будет, если представить его оболочкой, либо слишком узко, либо так широко, что ни того, ни этого не захочет душа. Короче, делаю вывод: человек есть время, и та жизнь интенсивней, которая испытывает жажду времени. По нехватке времени – ты есть его сгусток. Моя же созерцательность размыта избытком не востребованного времени. Не знаю, как это сказать точнее. Но ты настолько умна, что поймешь каждое мое слово и даже зазоры между ними. Вот были Микеланджело и Левитан. Первый был настолько сконцентрированным временем, что в нем умещались все таланты, а в Левитане – только один, созерцательный, хоть и очень приятный для русского глаза. Уже совсем другое время – Шагал, это время охватывает все прошлое и будущее, поэтому на земле Шагала не умещаются ни строения, ни люди. Мы их видим и на земле, и на небе. Ты – то время, которое имеет отношение именно к Шагалу. Но быть Шагалом-временем и одновременно женщиной, на которую наваливается быт, – очень трудно. Поэтому я глупо мечтаю, утопирую, хочу тебе добавить свой избыток времени. Но я тебе могу отдать практически только душу мою, и она уже давно твоя, хоть ни мне, а в особенности ни тебе это не известно. Мой неподвижный быт с внезапными приливами бытовой деятельности заставляет меня думать, что я, как это ни парадоксально, совершенно безбытна. Ну какого еще человека может так пугать любая бытовая задача и какой еще человек может так радоваться успехам выполнения этой задачи, пусть самой мизерной. Такой человек – безбытен. Таковой была Ахматова, а ее яркой противоположностью – Пастернак. Эти два примера я привожу только для того, чтобы тебе не показалось, что я безбытность ставлю превыше всего. Нет ничего лучшего, чем жизнь Пастернака. Именно перед такой жизнью я преклоняюсь. <...>

Не зря ты спрашиваешь о моем здоровье, когда узнаешь, что я что-то хочу купить. Ты безошибочно угадываешь тогда, как я себе надоела, как хочу вырваться в волшебный быт человечества. Может быть, ты сама этого не замечала, но помню, что только тебе кто-нибудь скажет, что мать приобрела вещь и радуется, как ты мне звонишь. Это уже было несколько раз, и одной твоей подруге, не помню, какой именно, я сказала: «Для чего вы Леночке передали, что я хочу, например, телевизор новый, ведь она поймет, что мне плохо». И вскоре раздался твой звонок: «Мамуля, что с тобой, я за тебя очень тревожусь!» Вот это еще и признак того, что часть моей души, не затемняя твоей и не тесня ее, тебе мною отдана.

<...> Кстати, я некоторые свои черты явно нахожу в Маничке, нервное упрямство, тщеславие и беззлобность. Много думаю о своих внуках, сейчас в особенности о Феде. Сама знаешь почему. Но и Манькин образ мне не дает покоя, т. е. все время при мне, и я гадаю, что, например, в эту минуту она делает, о чем думает, чему противится. Какое им счастье, что ты их мать. <...> Ты ведь питаешь души своих детей всем своим интенсивным временем. Общие мерки не подходят ни тебе, ни твоим детям. Хотя я прекрасно понимаю, что ты – время-человек – Шагал, сама себя часто винишь за недостаточное бытовое внимание к собственным детям. Если я ошибаюсь, поправь. Я даже нуждаюсь в воспитании, я давно привыкла к тому, что меня воспитывают все, кто со мной ни соприкасается. Только ты меня не воспитываешь. <...>

65. Е. Макарова – И. Лиснянской **Январь 1992**

Дорогая мамочка! Получила сегодня твое трогательное письмо из Переделкина. Пыталась дозвониться – не выходит. Лена Изюмова едет в Москву, она все порасскажет про нашу жизнь, но пока я могу написать что-нибудь тоже. У нас дожди. Сегодня я была у Билла, выглядит он хорошо, но врачи не дают хороших прогнозов на ближайшее время – тромб после инфаркта остался, ничего пока делать нельзя, а почему, они знают лучше, так что он будет два месяца лежать в Тель-Авиве, на лекарствах, а потом они будут решать – делать ли операцию. Он бодр, считает, что все прекрасно, раз он жив, занимается своими изысканиями по иудаике, надеется поехать в марте в Киев, разбирать завалы в их Библиотеке по иудаике. Но теперь, когда Украина станет самостоятельной, в этом вопросе не будет такой однозначности. Вообще, все, что нам рассказывают об отсутствии даже хлеба, о стремительном обнищании, день за днем, – это страшно. Но мы-то можем вам слать деньги, и они там у вас в цене, а вот еды не нашлешь надолго.

Вообще, в трудные времена надо держаться вместе. А они трудные. <...>

66. И. Лиснянская – Е. Макаровой ***Январь 1992***

⟨...⟩ Так же, как ты не умеешь плакать, я не умею действовать. А поступок любви, наверное, важнее любого иного выражения любви. Леночка, ты пишешь о нашем обществе как о неизлечимо больном механизме-организме. Совершенно с тобой согласна и не знаю, что впереди. У вас тоже малопредсказуемое положение в связи с распадом нашего организма, следствием которого является усиление ваших врагов. Очень боязно за вас. На нас я уже махнула рукой. Здесь даже мысль не способна опередить события, так они быстры, неугадываемы и страшны. ⟨...⟩

67. Е. Макарова – И. Лиснянской Январь 1992

Ганкины¹⁰⁵ отдали мне письма от тебя и папы. Мне очень больно, что вы там так обеспокоены нами, в частности мной. Наверное, общетревожное состояние добавляет черноты в ваше представление. На самом деле все совершенно нормально.

Отчет по пунктам:

1. <...>

2. Проекты – это статья моей жизни, и наиболее сложная. Не прожекты, а проекты. Они все направлены на выверенные вполне мною задачи. И вот все уже кажется на мази (как было в тот раз с Америкой при папе) – бах – ничего. Поскольку за последние 4–5 месяцев это происходит с такой частотой, что выстраивается как бы блокирующая система, это напоминает об ограниченности моих возможностей, укрощает мой темперамент.

3. Творчество (писательство) – здесь мне ничего не мешает. Я никому не нужна, как и в Совдепии, хотя здесь уже есть литературная среда и все, что ее питает. В основном меня не любят. Не думаю, что завидуют, просто не принимают всерьез. <...>

4. Обучение детей отбирает много и дает много. Маня и все мои ученики в Музее – этим я могу гордиться. Это создает атмосферу безболезненного перехода в новый социум. Но, чтобы организовать частную школу, которая впоследствии давала бы доход, – на это сил нет. Этот вопрос Фридл решила в сорок лет отказом от всего, кроме живописи (занималась для собственного удовольствия с детьми немецких эмигрантов), – но ей-то, бедняжке, уготовано было другое...

5. Дом – здесь все хорошо, и с детьми, слава Богу, и с Сережей, который обретает себя, т. е. его способности (языки, образование, умение общаться) здесь реализуются. У него есть свои заказчики (иностранные корреспонденты, местные газеты и т. д.), и ему нравится такая роль.

Ты прекрасно понимаешь, насколько жизнь человека беспрестанно сочиняющего отличается от жизни человека нормального, творческого, в рамках работы конкретной. Я – человек, сочиняющий от природы, поэтому счастливый, то, что сочиняется внутри, пересиливает все.

Моя жизнь с Фридл и всем, что вокруг нее, – это очень богатый мир. Через это я лучше понимаю историю, Европу, искусство, детей, еврейство, – она выдрала меня из оболочки и поставила лицом к экзистенции. Это не всегда простое стояние. Я знаю, что это единственное безоговорочное дело, которое у меня есть. Все неудачи свои я переживаю легко, а все, что касается ее и с ней связанного, – когда оно лопается, – очень тяжело. Тогда-то и начинаю сводить счеты с миром, который не слышит. Я слышу, он – нет, почему? <...>

Мамочка, твои письма меня невероятно тронули, но я прошу тебя – не бойся за нас, за меня, сейчас просто временный реванш за предыдущие годы везений с Фридл, но я верю в то, что это каким-то неожиданным, м.б., чудесным образом вернется.

¹⁰⁵ Писатель Александр Ганкин и его жена, искусствовед Галина Ельшевская.

68. И. Лиснянская – Е. Макаровой 19, 21–23, 25–26 января 1992

19 января 1992

Дорогая моя, чудесная моя Леночка! <...> Семен, воодушевленный твоими рассказами, написал стихи и посвятил их тебе. Там есть строка «коржиком верблюда кормит бедуин». Я просила тебе переписать это стихотворение, но Семен заявил: «Так не поступают. Сначала печатают, а потом посылают». Ну у него столько всяких кодексов, что я давно махнула на них рукой. И не только махнула, а кое-что и приняла. Сейчас морозно и красиво сидеть перед окном. Но пока я – привилегированная персона. И очереди, и прочий ужас жизни вижу только по телевизору. Вчера – принес мне известие Семен с обеда – в кинозале была лекция полковника из «Славянского Союза». Дескать, тот говорил, что Горбачев – масон и развалил империю обдуманно, а 98 % русских «сионизировано». Но тогда, спрашивается, с кем бороться? В общем, абсурд дошел до сверхабсурдной точки. Инфляция идет такими шагами, что скоро, конечно, будут бунты и погромы буржуазии. К этой последней группе мы, конечно, не относимся. Разве что по национальному признаку. Глупо я делаю, что тебе все это пишу. Но ты ведь смотришь телевизор! И если бы я молчала, ты гораздо худшее бы думала, чем есть на самом деле. А на самом деле идет фантастическая жизнь, где я созерцатель, а не участник.

И вовсе все, несмотря на сверхабсурдизм, идет как бы по законной орбите. Грущу по характеру своему. Да, есть и маленькие радости: пью твой кофе, чай, мою голову твоим шампунем и тихо, чтоб не сглазить радуясь: «дети мои в очередях не давятся, относительно сыты и т. д.» А вот еще приятная мелочь: по «Свободе» 10 минут говорили о моих стихах. Вроде бы я все еще живу в опале и нахожусь в «там» и «самиздате». Смешно: до меня доходят разные хорошие мнения о моей книге как-то все шепотом, и ни одного пока слова в печати. Зато вот на «Свободе» обо мне говорили как о «большом поэте» и т. д. Это же все-таки веселое время, когда за год проживаешь несколько эпох. Это ж надо быть очень везучей, чтобы к старости проживать один год, как калейдоскоп столетий и десятилетий – то внутри себя, то глядя вокруг. Тут тебе и каменный век, тут тебе – и грядущий «космический». <...>

21 января № 1

Птица – песня, птица – чайка, птица, ласточка моя!

Кажется, вчера я тебе не написала письма. Да это и понятно. Моя жизнь не наполнена событиями, а только – эхом этих событий. К тому же я опять сплеховала по своей главной линии – вчера был вечер очень тревожный, и утром сегодня я позвонила врачу, и та сказала мне, что я преступно бросила лудиомил (ludiomil), снова нужен курс, а это три полные упаковки. Вчера не выходила даже обедать. Впрочем, я редко выхожу на обед. Семен мне приносит хлеб с маслом и сыром – это завтрак по типу «каждое утро – сметана», а вечером ем приносимые им булки.

Но сегодня, подзаправившись лудиомилом (еще есть 10 таблеток) и вдруг написав стихотворение (а за три месяца – это 3-е по счету), я пошла на обед и встретила папу. Уже по его повеселевшим глазам и приветливой улыбке я поняла, что Ира поехала в город. Так оно и было. Папа меня спросил, как я, и я честно сказала, что снова – в тревоге. Он посоветовал мне написать тебе, чтобы ты мне прислала лудиомил на курс. Я, зная, как ты меня обогатила, ответила уклончиво, мол, у меня есть валюта и я сама куплю. <...>

Завтра в письме перепишу все мое творчество за истекшие три месяца. Основное время у меня уходит на чтение, просмотр «телевэйзера» и думанье о вас сквозь весь день. Я даже

уже не думаю о том, что я не поэт. Общений, в сущности, – никаких. Раз в дней десять меня навещает Элла. В течение месяца однажды приезжал Андрюшка¹⁰⁶ и в Новый год – Машка. Да еще одна полоумная учительница музыки приезжала дважды, – это она переделала мне платье. Только что Сема зашел, чтобы показать мне статью в «Известиях» об алие. Он назвал статью подлой. Но там, на мой взгляд, немало правды о свежей алие – и тяжелое положение с устройством на работу и т. д. и т. п. Но я выхватила оттуда и то, что непосредственно касается тебя. Получается, что, покупая что-либо в рассрочку (машину, например), влезаешь в пожизненную кабалу. Так ли это, доченька? Напиши мне правду. А тут еще я со своими проблемами. <...>

Поскольку это не письмо, а как бы дневниковая запись в виде письма, где пишуций ничего не скрывает, прошу написанному верить. Все будет хорошо, уже становится хорошо! Привет от Семена и папы, он молодец, как я погляжу, при такой Ире. И вообще – папа молодец. Дай бог ему здоровья и встречи с вами. <...>

22 янв. 1992 (№ 2)

Добрый вечер, моя красавица, моя умница, моя Леночка!

Вспомнила одну фразу из твоего письма: «Мама, по-моему, ты издалека меня романтизируешь». Что ж, если опираться на опыт переписки «Москва – Рига», «Рига – Москва», может быть, и можно было бы назвать нашу переписку романом. При встречах действительно мы оказывались более далекими друг другу, чем в письмах. Это очень странно. Другое дело переписка Кафки и Милены или Цветаевой с Рильке. Но мыто мать и дочь, и чем дальше взрослее, тем ближе становимся друг другу, тем чаще мать вспоминает своего ребенка в самом нежном возрасте, а дочь свою маму еще совсем молодой, никуда не уезжающей. А помнишь, какой я была толстухой? А вот сейчас я, толстуха, выхватываю тебя зрительно из недавней памяти – победительную красавицу и умницу в ореоле табачного дыма, поклонников и фруктовых веток. Вижу тебя как бы со стороны, хотя вырвала из своей памяти, и убеждаюсь: да, красива, энергична и, что редко сочетается с энергичностью, – духовна. Но вслед за этим из памяти выплывает облако, в котором прячется твое лицо. А облако-то – то слезы и вода, а вода только на таком дальнем расстоянии, как облако, кажется легкой. И все-таки ты преодолеваешь эту немислимую тяжесть – облако, – и снова солнечно светятся твои глаза. О, если бы я была художником и даже если бы была прозаиком, я бы так тебя написала. Однако надо бежать от искушения писать о своих самых близких, а уж о дочери – тем более.

И я перехожу к себе «любимой». Как я тебе и обещала днем, вечер у меня бестревожный, ровный, полный любви к тебе и жалости. Таких, как ты, с виду энергичных и вполне устроенных, редко кто жалеет. Ничего не знают люди, как необходимо этих «железков» с виду жалеть и лелеять. От таких редких людей, как ты, сами ждут жалости. Но я мать и все знаю, – все твои обстоятельства, все мучительные метания, всю твою неуверенность, и поэтому не просто люблю, а жалею бесконечно. И молю Бога: «Господи! Я не прошу у тебя много, не прошу, например, счастья для моей дочери, а лишь – здоровья и равновесия!» И тут же слышу за спиной шуршанье крыльев моего ангела-хранителя: «Ты у меня не дура. Ты молишь только здравья и покоя, а это-то и есть истинное счастье». И Он прав. Счастье мгновенно, как бабочка. А равновесие – это уже космическое понятие, почти бесплотное, во всяком случае, достаточно бесплотное, чтобы не быть мгновенным.

Но, доченька, толстуха расфилософовалась. Может быть, начинаю обретать, несмотря на огромные габариты, некое внутреннее равновесие. А меж тем работает зелено-черное пятно моего многожды отремонтированного телевизора. Может, так и лучше – все либо

---

¹⁰⁶ Андрей Липгарт, филолог, почитатель маминой поэзии.

расстроено-расчетверенно, либо расплывчато. И из этой туманной многозеркальности звучат факты, факты, факты, один другого жестче. Сейчас, например, с точными фактами некто так же жестко, но многословно и необязательно, необдуманно говорит о нужности карточек на продукты. А ему возражает другой голос: «Это при свободном рынке утопия. Нужно просто установить народный контроль». Так что сейчас крадут не только продавцы, распорядители, доставщики, грузчики, начальники, но и многоступенчатые контролеры. Ну и дела! Россия есть Россия. <...>

23.1.1992

Моя маленькая, моя большая доченька! Несколько дней я как бы веду дневник-письмо. Сегодня я уже проснулась здоровенькой и веселой. Теперь понимаю, что в отдельном письме нельзя передавать разные свои состояния. Дурное состояние уже прошло, а ты там, получив мою грустную информацию, еще долго переживаешь, вовсе не зная, что назавтра у матери все устроилось. Раньше было можно узнать мне, например, если я получила от тебя грустное письмо, в чем дело – по телефону. Теперь этого не сделаешь не только потому, что за минуту надо выложить 380 р., но и потому, что все время – за городом. Отдельно посланное письмо приобретает вес, помноженный на расстояние. Но и такая формула годится: факт, имеющий место далеко от тебя, – есть единство времени и пространства. Возможно, факт и сам по себе – есть единство времени и пространства. Это уже моя послеобеденная сытая философия.

А до обеда ко мне приезжал фотограф из журнала «Воскресенье» (бывший «Советский Союз»), чтобы меня сфотографировать для журнала, а стихи я должна подготовить к воскресенью, т. е. к 2 января. Вот и в моем безлюдье кто-то промелькнул. А вообще, интересно, знают ли делатели этого журнала, какое неподъемное для человека название выбрали они журналу – «Воскресенье». Думаю, что этот акт дался Христу гораздо тяжелее, чем добровольный путь на Голгофу. Легко себя принести в жертву, легче гораздо погибнуть, чем воскреснуть после гибели, имея за спиной непонимание церкви, камни, летящие в спину, чернь, кричащую: «Распни его», ученика, которого Он обрек на предательство, и распяты.

Шутка ли воскреснуть?

Вот и я думаю, а как человечеству воскреснуть, как воскреснуть нашей душе, пережившей свою гибель? Если бы я имела на это право, я бы сказала, что уже год с лишним душа моя пребывает в медлительно-гибельном состоянии.

Но видишь, моя родная, сегодня светло мне жить от вновь обретенного душевного равновесия. Видимо, это только была иллюзия гибели, иначе – сегодняшний день бы мог назваться для моей души «Воскресеньем». Весь дурной, гибельный опыт забыт, вернее, забыто все худшее и вспомнено все лучшее в жизни. А что есть лучшее в моей жизни? Конечно же, безусловно – ты и дети. Тогда спрашивается, почему я на все не плюну и не уеду к тебе? Причиной – не один только Семен, что существенно. Ведь ты не смогла бы бросить близкого человека во имя лучшего – во имя мечты. Но это тоже – не главное. Главное то, что я подолгу, увы, пребываю в гибельном состоянии души, и никакие внешние обстоятельства дела не меняют, и с моим незамутненным разумом я не в состоянии тогда приказать: «Живи». Так вот я могу очень просто из любимой мамы превратиться в обузу, в источник напряженки. Разве этого я хочу тебе? Не дай Бог! Такой человек, как я, если он способен на любовь, должен всячески ограждать от себя предмет своей любви. Слава Богу – Семен толстокожий и не вникающий в рядом живущее существо – и я его не отягчаю, тем более что в Переделкине я от него почти совершенно обособилась. Сам ест, пьет, гуляет. <...>

25.1.1992

Доченька моя, моя Леночка! Ну и дела! У меня пропал день, а куда он подевался, понять не могу. Я привыкла искать предметы, которые так часто теряю, на что мне Семен гово-

рит: «Ищи в тракторе». Но как можно быть такой рассеянной, чтобы потерять целый день жизни?¹⁰⁷ Еще раз пересмотрела письма к тебе, последнее датировано 23-м. А где же 24-е, пятница, ума не приложу. Все мне кажется, что только вчера я тебе писала. Не думай – крыша у меня не поехала! Я – эколь нормаль. Разве что вчерашний день потеряла. Наверное, не случайна поговорка: «Вчерашний день ищешь?» Наверное, кто-нибудь когда-то действительно, как я сегодня, потерял вчерашний день и искал его. Ну да Бог с ним. Бывают «потерянные дни» в переносном смысле. И в этом переносном смысле у меня потерянных так много, что составляют не один год! Так что же сокрушаться по одному вчерашнему?

Вот написала тебе о мистической пропаже и вроде бы нашла. По-прежнему сижу и слежу за новостями. У Вас на сегодняшний день вроде бы без особых происшествий, тут вроде бы так же. Хотя вся эта повседневная жизнь за стенами и забором Дома творч[ества] – сплошное происшествие. <...>

Я настолько себя не люблю, что с удовольствием бы была от себя подальше. Но, увы. День еще можно потерять, но оказаться от себя подальше – никак нельзя. Даже в том случае, если бы занималась эпическим повествованием. Много читаю всякой текущей ерунды, но иногда нет-нет да и прочту заново Кнута Гамсуна, его загадочную «Викторию». Иногда мне кажется, что Набоков нечто взял у этого норвежца, сама не знаю, что точно. Некоторые характеры, даже перешедшие к Гамсуну от Достоевского, но так переписанные, что именно они сгодились Набокову. Еще – изощренная манера письма, те подробности, которые Толстой, да и Достоевский как бы миновали. Последнее время вообще много рассуждаю про себя о литературе, о мистическом в области жизни и философии. <...>

26.1.1992

Доченька, добрый день! Спешу заполнить чистые страницы – экономлю бумагу. Ее тоже нет. В общем гораздо легче перечислить что есть, чем чего нет. Главное есть – хорошее, веселое настроение. Еще после затяжной пасмури – выглянуло солнце и позолотило березовые стволы в окне и даже слегка-небесную голубизну.

<...> Сейчас Семен перепечатывает для «Воскресенья» три моих новых триптиха. Глядишь – соберется целая книжка триптихов, учитывая и напечатанные в книге. Папа, когда мы ждали твоего телефона, на что-то мной сказанное о Тарковском, сказал: «А между прочим, разве у Тарковского есть стихи о любви? Нет. А вот у меня, – при этом папа развел руками и причмокнул, – есть “Повесть о моей музе” и другие. А разве кто-нибудь писал об отце?» Робко говорю: «Айзенштадт»¹⁰⁸. Опять тот же жест руками и причмок: «Это он у меня научился», и тут продолжил: «А разве есть такой христианский поэт, как я? Даже Дудко¹⁰⁹ говорил, что такого христианина в поэзии нашей не было. А я единственный религиозный поэт!» – причмок, руки разводятся: «Вот так».

И сейчас я могу сказать, разводя руки и причмокивая: ни у кого нет книги триптихов, а у меня есть, – причмок, руки вот так! <...>

---

¹⁰⁷ При «гибельном состоянии души» письма становятся жизнепроживанием – мама пишет не отрываясь, не перечитывая и не исправляя задним числом ни единого слова (прямо противоположный подход к стихам), так что «потеря дня» – не метафора.

¹⁰⁸ Поэт Вениамин Айзенштадт, известный под фамилией Блаженный. Этот псевдоним придумал ему мой папа, первым вариантом было Блаженных, но Вениамин Михайлович от сибирского «ых» отказался. Моя статья о нем: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1999/12/makar-pr.html>.

¹⁰⁹ Отец Дмитрий Дудко высоко ценил папины духовные стихи и представлял ему свои на литературный суд. После покаянного выступления по телевидению в 1980 году от Дудко отвернулись многие, мой папа в том числе.

69. Е. Макарова – И. Лиснянской 26 января 1992

26.1.1992

Мамулечка, привет! Похоже, я не приеду, жаль. Где-то, видно, застряли мои бумаги или еще что. Честно говоря, может это и к лучшему. Опять бы вы все волновались.

Все здесь спокойно. У вас – страшно, так отсюда видится. Приехали бы лучше сюда, от греха подальше, и к своим – поближе.

Мне очень тебя не хватает.

Прочла твои стихи в «Горизонте», спасибо Сереже Тартаковскому¹¹⁰, он прислал. Некоторые я знала, некоторые прочла здесь. Очень хорошо, но так грустно!

Все проекты провалились по очереди. Выставка детей – сначала, резоны – слишком дидактично, смешно даже обсуждать всерьез эту мотивировку. Потом еще что-то, я уже не помню, а с деньгами на выпуск книги – ввели какие-то еще правила, а я было намылилась собирать сборник. Но это еще, может, и не окончательно. С Арадом¹¹¹ встреча не состоялась пока, то погода на него влияет, то простужен. Словом, такая полоса.

В результате образовалось настоящее время, с далекими будущими перспективами. Я села писать что-нибудь протяженное, пока это в форме или пьесы, или сценария. Главные герои – Фридл, Вилли, а остальные вымышленные, многие – персонажи ее картин, также участвуют ее пейзажи в виде «пространства действия» и пр. Времена – равные. <...>

Небольшую повесть, которую я написала после Москвы, «Обсешн», что значит «Идея фикс» или «Идея-наваждение», – я давала почитать Серманам, они пришли в восторг. Но пока я не собираюсь ее печатать. Серманы посоветовали послать во «Время и Мы», там платят, но я не раскачалась. Как-то нет у меня в заводе продавать вещи, а надо научиться. Клавдия¹¹² получила мои две тысячи долларов за книгу, она выйдет летом. Клавдия считает, что успех обеспечен, что она продаст эту книгу в разных странах, а сама сядет за следующую, израильскую. <...> Вчера я читала лекцию для советских, которые здесь изучают иврит, чтобы преподавать его потом по стране. Когда я спросила их про Терезин, что они знают об этом лагере, то они ответили, что знают про Фридл и детские рисунки. Мне это было приятно. А одна девушка спросила, та ли я Лена Макарова, которая написала «Переполненные дни»? Была восхищена, что – та. Она сказала, что они (кто они?) зачитывались этой книгой. Она – из Воронежа. Так что, как ты понимаешь, я пришла домой весьма довольная, как лекцией, так и своей известностью. Иногда действительно приятно бывает узнать, что где-то бродят твои книги и Фридл.

Получили японский фильм. Совсем не то, что я ожидала увидеть. И дело не в том, что в фильме меня показывают несколько секунд, а в том, что он вышел таким нормальным европейским просветительским фильмом для масс, это обидно, все мои усилия были направлены против этого. Видно, массовая культура сильнее всяких утонченных видений. Но я не безумно огорчилась. Если они не уничтожили те 24 часа отснятых, можно будет что-то еще сделать, я напишу им.

Дети хорошо. Федя переводит на русский французский фильм про катастрофу для кибуца «Борцы Гетто». Зарабатывает. Манька изо всех сил рисует, написала пять стихотворений на иврите. Здорово, что у нее прекрасный русский и она свободно говорит, читает и

---

¹¹⁰ Фотохудожник Сергей Тартаковский.

¹¹¹ Ицхак Арад, возглавлявший Яд Вашем с 1971 по 1993 год.

¹¹² Клавдия Сульяно, переводчица.

думает, наверное, на иврите. Забавно, что даже со своими подружками, Лизой и Аней, она по телефону говорит то по-русски, то на иврите и русский не коверкает вставлением в него ивритских слов.

⟨...⟩ Пьесу вчерне дописала. Сяду за нее снова, пусть пройдет время. Эта зима оказалась очень сложной, очень какой-то нескладной, каша во всем, и в работе, и в жизни.

Слышала о тебе передачу Татьяны Бек, неглупо, и очень приятно общаться с тобой таким странным образом.

70. И. Лиснянская – Е. Макаровой Февраль 1992

Доченька! Милая моя! Солнышко мое! Надеюсь, что ты все-таки помогла выглянуть солнцу над заснеженным Иерусалимом. Мне же ты так помогаешь жить – каждое письмо от тебя – торжественное событие, хотя часто и горькое. Спасибо тебе и за деньги, и за лекарство.
<...>

У нас вышло по книге стихов. Могу сказать твоими словами: «писатели меня почему-то не любят», и, конечно, как ты правильно замечаешь, не из-за зависти, я их не интересую. Перестая интересоваться и периодику. А рядом со мной Липкин, к которому приходят поклониться как молодые, так и старые поэты и т. д. Почти не проходит 2–3 дней, чтобы его имя не мелькало в прессе. Завидую ли я? Нет, просто констатирую. Страдаю ли я – да, и очень, в особенности терплю от тех, кому по наивности или по переоценке себя дарила книгу. Благодарят только Семена, я уже привыкла и все-таки удивляюсь: нужна хотя бы элементарная вежливость. Отзывы на меня (знаю уже два случая) редакциями отклоняются так: «Она нам не нужна». Только Т. Бек обо мне поговорила однажды, но в написанном виде была статья отклонена везде.

<...> Так что же с нами, доченька, происходит? Я объединяю нас, но не так, как Семен: «Все мы уйдем, все забудемся». Это «мы» предполагает только «ты». Ибо вот я легко и, не кривляясь, могу заявить о себе: я – бездарь, но почему тогда мне так больно, когда это либо говорит мне кто-нибудь в лицо, либо даже делает вид, состоящий из этих слов? Так что, поверь мне, я как-то фатально, трансцендентно ощущаю эту связь с тобой. А что хорошее есть у нас? <...> Что нас еще неразрывно связывает? И я, и ты счастливы, когда пишется. Для меня это блаженство всегда было сильнее другого блаженства. Но ради того, как я в эту неделю, ради одной этой недели вдохновенной, готова я все остальное время переживать неприятие, молчание, особенно собственное.

<...> Сейчас пишу, нарядившись в твоё платье, помнишь, ты мне на один из многих моих дней рождений купила его в художественном магазине? Так что сию опять-таки в твоём подарке, который прежде на мне изячно¹¹³ висел, а теперь обтянул так, что Семен сказал недавно: «В этом платье ты похожа на шкаф!» Но мне хорошо сидеть в этом шкафу, в глубине которого помещается моя необъятная любовь к тебе. Была бы худой, – не знаю, как эта любовь к тебе и гордость за тебя поместились бы. <...>

---

¹¹³ «Изячно» – так говорила мамина мачеха, Серафима Михайловна Федорова.

71. И. Лиснянская – Е. Макаровой 13 февраля 1992

13.2.1992

Леночка! Солнышко мое! <...> Видимо, чувство вины перед всеми – мое безумие. Иногда я себя охлаждаю фактами, доказывающими, что виновата не я вовсе. Так вот, например, я себя изводила мыслями о твоём интернате. И вот все прошлое вспомнилось, прошло перед моими глазами, как кинокадры. Ты и папа меня провожаете на курсы, куда я вовсе не хотела, но папа решил, что это зацепка за Москву. И правильно решил. Дальше пошло неправильно: я, приехав в Москву, увидела, что детей в общежитие не допускают. Дала знать папе, чтобы немного вы подождали, а я присмотрю комнату, что и сделала, но гораздо позже (Внуково). И вот в последних числах сентября вы приезжаете. Дети 2–3 теток курсовых ходят в интернат, чего же, меня спрашивают, не отдать и тебя? Я покоряюсь этому решению почти со скандалом. И вот ты в интернате. Эти полтора месяца я буквально схожу с ума, а вот папа тебя навещает чаще, чем я. Я вкалываю. Но помню: однажды пришли к тебе и принесли батон белого хлеба. И ты, которую надо было умолять перед каждой ложкой еды, при нас съедаешь почти весь батон. Я ужаснулась и, уйдя от тебя, твердо сказала, что в субботу, а это была среда, во что бы то ни было, тебя забираем; хоть назад в Баку. А в пятницу мы тебя уже забрали, но ты уже была снова больна – сердце. Оказалось, что тебя именно в четверг заставили дежурить – натирать полы. Хорошо, что с помощью Инны Варламовой удалось снять комнату во Внукове. И вот я себе сказала только сейчас: «Но в этом интернате виновата не ты». То, что я вспоминаю, никак не относится к тому, что я перелагаю вину на папины плечи. Я уже защищаюсь сама от себя.

<...> Передай, пожалуйста, Доре Штурман¹¹⁴ мою радость за нее и поздравления. Замечательная премия. Оксфордскую мантию не так-то просто получить – из наших на моей памяти – Ахматова и Корней Иванович¹¹⁵! <...>

---

¹¹⁴ Дора Штурман получила звание «Женщина года» Кембриджского (1991–1992) и Принстонского (1992–1993) университетов. Так что про мантию не совсем точно.

¹¹⁵ Анна Андреевна Ахматова удостоилась звания почетного доктора Оксфордского университета в 1965 году. Корней Иванович Чуковский получил это звание в 1962 году. В доме-музее Чуковского хранится его мантия.

72. Е. Макарова – И. Лиснянской 16 февраля 1992

16.2.92

Дорогая мамочка! Наконец-то я посылаю лекарства. Если нужно будет еще – нет проблем. Я задержалась с этим только по причине своей неорганизованности. Очень обидно, что мы говорили с тобой обе сонные. О нас, мамуля, нет причин тревожиться. Зима эта была на редкость холодной, снежной, говорят, такого здесь не было с прошлого века. Но уже тепло, светит солнце, а это, оказывается, очень важно.

Я наконец получила бумагу о том, что мне дадут деньги на публикацию книги (по-русски). Я еще не знаю, как ее составить, – из прошлых вещей или вперемешку, но, пока я не получу эти деньги, я не буду и рыпаться.

Похоже, что в конце марта я на неделю улечу в Голландию. С детскими рисунками Мани, Илюши и Лизы, моих талантливых учеников. Но я поняла теперь, что пока у меня нет в руках соглашения или билета, я не должна ничего планировать. Главное, от чего я устала, – это от планирования (вовлекаюсь и потом разочаровываюсь).

⟨...⟩ Ко всему прочему мы или должны переезжать из этой квартиры (остался месяц по договору) в большую, как хотели, или продлевать этот контракт. Переезд – это бедствие, но хочется, чтобы у всех было по комнате, тем более что приедет папа. Всё это нужно решить скорее, а из-за нашей погруженности в работу (слава тебе Господи, что не в быт!) мы внутренне переваливаем друг на друга эту миссию.

⟨...⟩ По сравнению со многими нашими друзьями и знакомыми мы просто счастливицы. Мы можем одалживать деньги, помогать им. Отсутствие постоянного места работы и стабильного заработка покрывается возможностью жить свободно. За это надо платить.

Были у Серманов, они молодцы. Передают вам с Семеном Израилевичем огромный привет (Руфь бросила курить), они уезжают на полгода в Штаты.

Дети молодцы, Федька просто гигант самостоятельности. Мы очень дружим, обсуждаем всё открыто, он сейчас много рисует, и здорово рисует. Читает книги на всех языках, Манька тоже большая читательница и сочинительница всего. Мы купили еще один подержанный компьютер, так что Федя может работать на нем на иврите. Интересно наблюдать, как компьютер выдает ивритские тексты, которые Федька создает на нем, для меня это все еще японская премудрость.

Мамулечка, держитесь там, я просто не представляю, как можно существовать в условиях тотальной энтропии, но я не имею права даже вопрошать. Все равно вы должны сюда приехать, и так и будет. ⟨...⟩

73. Е. Макарова – И. Лиснянской *Март 1992*

Дорогая мамочка! Вчера получила от тебя письмо «старое», от февраля, опять с изумлением прочувствовала неумолимую силу времени. То, что ты пишешь и о чем волнуешься, – уже так далеко... Единственное, что есть и остается все время, – переутомление. Все ярко, будоражит, смены картин, актов, сцен, персонажи... условности и реалии...

При этом постоянно существует ряд событийный. Вот позвонили из Голландии – будет 10 стендов 3×2 метра, и я уже в голове их расставляю, развешиваю работы, вижу, чего уже не хватает, а что можно бы и не брать, – звоню своим детям, чтобы они приготовили дома другие рисунки и ждали меня на машине дома...

⟨...⟩ Если бы научиться выключаться или переключаться на созерцание без реагирования! Думаю, как увижу выставку Рембрандта, его дом, – и от этого у меня дух заходится. Не говоря о миссии, с которой еду.

Это приглашение от христианского общества, помогающего евреям в Израиле. Человек, который впечатлился моей работой, играет на органе во время воскресной службы, он как-то мистически глуп, но что-то есть, видимо, в этой глупости величественное...

Он по-человечески хочет мне помочь с моими проектами, свести меня с людьми, которые могут быть спонсорами. Интересно, что мои герои, все эти дети, Фридл и свита погибших, бродят со мной с места на место, я всегда ощущаю их присутствие. Не думаю, что это помешательство, в реальной жизни я все еще вполне сохраняю адекватность и срываюсь только в тех случаях, когда мои переутомленные мозги натываются на раздражающий фактор извне.

Мы волновались 17-го¹¹⁶ за вас, но все обошлось. Что касается внутреннего состояния Израиля, то оно сейчас нелегкое. Наверное, все, что ни делается здесь, дразнит и злит мир, часто справедливо. Но ведь многие правительства многих стран ведут себя глупо, почему здесь все должны быть умными? Мы такие же люди...

Разумеется, в правительстве раскол, огромная безработица, недовольство. У советских людей нет запаса прочности, нервы у всех не в порядке, мягко выражаясь, надежды и претензии огромны, поразительное отсутствие умения радоваться и созерцать, им все мешает, все давит, трет. Везде тесно и душно. С одной стороны – Израиль не справляется сам по себе, с другой стороны – ропот разлит в воздухе. Каком? Древней и свободной земли, Пророков и Мудрецов, – советские обыватели не способны это понимать и ощущать, и они не обязаны – весь мир потерял обоняние, чем хуже мы?

Еще два года тому назад в атмосфере не было разлито такой тревоги. Люди улыбались, были по-хорошему легкомысленны, а теперь в автобусах мрачновато, – какой это яд, мы! Ведь если аргентинским евреям здесь не пришлось по душе, они взяли да уехали к себе в Аргентину. Это все личные проблемы. А советские люди все обобщают, суммируют, нагнетают. Посмотришь: одеты, накормлены, никто не валяется по лавкам в парках, – нет – нас не любят, нас не хотят, мы не нужны. Ненавидят «пейсатых», как они выражаются, вообще ненавидят слишком много чего. ⟨...⟩

---

¹¹⁶ Годовщина всесоюзного референдума.

74. И. Лиснянская – Е. Макаровой 18 марта 1992

18.3.1992

Дорогая моя деточка! Большое спасибо тебе – 3 пачки кофе! А у меня как раз кончилось. А уж Семен радовался, как маленький, – цвел и сиял. <...> Очень я огорчилась, что нет от тебя письма. На что папа сказал: «Зато в прошлый раз мне не было письма». А я: «Леночка мне ответила на десять моих вопросов по всем пунктам». Папа сказал, что ты ему прислала носки и кофе, и тоже был очень доволен. Детский сад – скажу тебе, хотя, правда, в очень непростой жизни – дороговизне. Сильная рифма!

Позавчера у нас был один Джон¹¹⁷ с женой Кэрол. Фамилию забыла. Он увидел на полке твои фотографии и сказал: «Очень, очень знакомое и красивое лицо». Это – моя дочь. Во-первых, писательница Елена Макарова. – Да, да, сказал он, я слышал, что есть такая хорошая писательница. Но почему-то мне очень знакомо ее лицо. Тогда его жена, которой он переводил на английский, подошла к полке, и я, из ее восхищенного предложения по-английски, поняла только одно слово: «Терезин»! Ну и разговорились. Они тебя, оказывается, видели по телевизору в Америке¹¹⁸. <...> Они почему-то в подарок нам привезли штук 50 одноразовых шприцев. М.б., думают, что я наркоманка? Шучу. Знают – все дефицит. <...>

---

¹¹⁷ Речь идет о Стивене Дине, авторе неопубликованной рукописи о Терезине.

¹¹⁸ Тут мама что-то напутала. Не помню, чтобы я выступала в Америке по телевидению.

75. Е. Макарова – И. Лиснянской *Март 1992*

Дорогая мамочка! Пишу тебе из самолета. Он еще не взлетел, но уже можно сидеть спокойно, без надобности немедля что-то делать. В ушах – Шопен. Теперь – Равель.

В последние дни я отправила вам всякие вещи с Гас¹¹⁹. Она позвонит скоро. Сегодня мы улетели – она в Москву, я – в Амстердам. Очень странно.

⟨...⟩ Манька вдруг стала самозабвенно танцевать. Так похоже на тебя! Она вообще очень трогательная, вдохновенная девочка.

Везу 100 рисунков, из них 40 Манькиных. Хочу показать всех детишек как можно лучше. Самолет разгоняется, сейчас встанет на стартовую площадку, взлетит, и можно будет курить, – я купила себе хорошие сигареты.

⟨...⟩ Летим. Здесь это так ловко, совершенно не ощущаешь взлета. Сейчас будут давать напитки, потом ужин, и я лягу спать – 4 часа лету – прилетим в Амстердам в час ночи, и еще час до Роттердама, так что надо ловить мгновенье. ⟨...⟩

Иногда так жаль, что у меня не 4–5 детей, я бы с легкостью с ними справилась. Я знаю, что у меня есть, правда же, особый дар общения с детьми, потому Маня и Федя, в принципе, счастливые дети, они, при моей занятости, знают, что я всегда смогу понять их. Думаю, они этим защищены. Я никогда не раздражаюсь на них, они знают, что я рядом, даже если нахожусь в другом городе.

⟨...⟩ Два года в Израиле – это много и мало. На иврите я могу все еще читать одни вывески да говорить через пень-колоду, никакой Танах мне не доступен. Внедрение в Израильскую действительность идет обводными путями. Наверное, стара я для полного погружения.

Кончился ужин. Крабы, курица и т. д. Близимся к Югославии. Я засыпаю.

⟨...⟩ Мамуля, мы уже садимся. Похоже, за бортом жуткий ветер и дождь. Самолет болтает. Если будет холодно там, – не разгуляешься, в тех краях сейчас еще холод. Вот от чего я отвыкла, переношу его хуже, чем жару.

Мамуля, я смотрю, как складывается жизнь, – интересно, столько перемещений и событий, – все в короткое время проворачивается на безумных оборотах, – думаю, не будь этого, я впадала бы в разные состояния пограничного свойства.

⟨...⟩ Вилли Гроаг решил написать книгу обо всем. Но... у него нет родного языка. Немецкий – язык его детства и дома – уже стал архаичным, чешский – забыт отчасти, иврит не полностью освоен, английский не интимен. Я предложила о каждом периоде писать на своем языке, и эти части переводить на другие, т. е. использовать это как художественный прием. Я бы так хотела написать вместе с Вилли эту книгу, но на каком языке?! ⟨...⟩

---

¹¹⁹ Гас – Галина Ельшевская.

76. И. Лиснянская – Е. Макаровой Без даты [11–12 апреля 1992]

Дорогая моя доченька! Получила твои два письма из самолета и после самолета, деньги и банку кофе. Про деньги я уже знала, папа позвонил Яне просто так через неделю после Сашиного (Ганкина) возвращения и узнал, что нам есть письма и др. Но про кофе я не знала. И когда мы его вывезли и привезли от Иры в машине, узнали про кофе, я просто завизжала от счастья. Хотя деньги куда большее богатство.

⟨...⟩ Ты почему-то не пишешь о нашем с Семеном подробном письме о твоей повести. Наверное, еще не дошло. Пьеса нам очень понравилась, но я смутно представляю себе, как и кем она может быть поставлена. *Талантливо!* М.б., для кино лучше? Здесь о такой постановке и думать нечего. ⟨...⟩ В Киеве, говорят, в автобусе ехать почти невозможно (передал Галинский¹²⁰), а украиноязычного поэта Кацнельсона¹²¹, которого всегда любили, подожгли, т. е. квартиру подожгли. Сработала какая-то сигнализация в подъезде, приехала пожарная команда и спасла семью, а книги и проч[ее] сгорели. В Москве такого вроде бы нет, в транспорте не езжу, но, если бы такое было бы, конечно, и до нас бы дошло. Есть только на коричнево-красных лозунгах и т. п. ⟨...⟩

Ленусенька, любимая моя, как я рада, что твое путешествие было таким *непредсказуемо* интересным. Конечно, ты очень прекрасно описала мне строгую и роскошную красоту увиденного и встреченного в путешествии. Меня очень тронуло, что первое письмо ты мне писала в самолете, прерываясь то на обед, то на завтрак. Каждое письмо твое это «праздник со мной». ⟨...⟩

Мы с Семеном пришли к убеждению, что папа – счастливый человек. Он живет иллюзиями, в которые верит, абсолютно войдя в роль личности, какую его фантазия нарисовала. Держится очень в себе уверенно, даже снисходительно, я за него рада. Например, он рассказывал Семену, что у него были в Израиле и выступления (платные!) в переполненном зале. Ну, еще одно такое я могу представить. А вообще я строю иную картину: собрались твои знакомые и знакомые твоих знакомых, знакомые папы и знакомые их знакомых, сложились, и так папа получил денежное вознаграждение. Права ли я? Но он даже не врет, он сам уже есть его версия. Действительно, дай Бог ему здоровья – счастливец. Я же строю свою жизнь в литературном мире с обратным знаком, м.б., хуже, чем на самом деле, но очень точно. ⟨...⟩

Хотя сейчас совсем не до литературы, все же, например, книга Семена очень даже замечена, и его в печати упоминают в среднем два раза в неделю. Сейчас ему будут выдавать «Премиию за мужество» сахароведы на собрании «Апреля». Первую получила в прошлом году Лидия Корнеевна, а в этом – Семен, он доволен, я радуюсь за него – дожил до всеобщего признания! ⟨...⟩

Леночка, спасибо тебе, что ты так подробно написала мне о Фединьке. И о Маничке – хоть менее подробно. Имеет ли она друзей, о которых молит судьбу, как мне папа сказал? Неужели она одинока? А что она многими чертами в меня, а даже больше – в мою маму, я и прежде видела. Почему больше в мою маму? Та не была совершенно закомплексована. А на мою долю досталось такое детство, о коем в полной мере ты и не знаешь. Так что пусть танцует моя внученька, и пусть ее во вдохновенности этой никто не обижает. ⟨...⟩

¹²⁰ Литератор Аркадий Галинский, сосед по Красновидову.

¹²¹ Квартира поэта Абрама Кацнельсона была подожжена в марте 1992 года.

Я в первой половине марта писала, есть 9–10 стихотворений разного качества. Кто-нибудь (Элла или Андрюшка) мне перепечатают, и тебе пошлю. Просто так, как мать – дочери, а не как произведение от стихотворца к читателю. <...>

Сейчас опять пошел снег, холодно – это то, от чего ты отвыкла, судя по твоему письму. <...> Мне нужна вечная весна, но это только в раю, а туда мне хода нет – зело грешна. <...>

77. И. Лиснянская – Е. Макаровой 13–14 апреля 1992

13.4.92

Дорогая моя деточка! Спасибо тебе. Я уже не буду распространяться на тему: «и радостно и тягостно» получать от тебя такие трудные твои деньги. <...> Доченька, если бы ты знала, как мы с Семеном потрясены Манькиными рисунками. Какие линии быстрые и гибкие, какое чувство меры в заполнении пространства. Какой талант! Но Семен говорит, что талант Маньки, да и характер, очень похож на мой талант и характер. Тогда – бедная девочка. У меня даже сердце сжалось, не дай ей Бог относиться к себе так, как я отношусь к себе.

<...> Я получила авторские моей «Музыки»¹²² и высылаю тебе, вам. Все-таки письмо по почте дойдет, надеюсь.

<...> Если завтра, отправив Семена и папу, останусь ночевать в городе, м.б., дозвонюсь до тебя. Хотя, как я уже писала, – кругом воры, даже в том случае, когда можно бы не красть для себя, а для государства, крадут так же. Они к 3 минутам прибавляют 15 и присылают уже невысказанные счета.

Стараюсь писать убористо. Бумаги тоже нет. Вот пишу тебе об этом и хохочу. Если бы ты сейчас видела бы мое лицо, ты бы даже не поняла бы, – с чего это мать так веселится. Но не веселиться уже невозможно, поверь мне. Такой театр абсурда совкового, что и впрямь только веселишься. Вот если бы вы были здесь, я бы не веселилась, конечно. У вас там свое «веселье», оно какое-то нормальное, – и все же тревожит меня.

Погода после снегопада снова начинает быть весенней, солнышко выглядывает, и это уже нормально веселит душу. <...>

14.4.1992

Леночка! <...> Сегодня я чувствую себя неплохо. А вчера даже не знала, как сегодня поеду, – спазмы и спазмы. 3 дня меня покололи, – и сегодня я, по-моему, в полном порядке. Об этом не беспокойся, это уже бывало, в более краткой форме. Болезненно, но совершенно безопасно для жизни.

<...> Сейчас идет съезд. Правительство подало в отставку, не знаю, сумеет ли переломить съезд Ельцин? Но тут творится большой скандал, чем в Кнессете.

Да, но плюнем на политику до того, как выяснится, под кем мы теперь. Каждый день засыпаешь, не зная, в каком государстве проснешься. Но это уже так же привычно, как причисываться.

<...> Я много писала в ответ на твое письмо из самолета, о том, что так чудесно, когда дети чувствуют свою неразрывность с матерью, даже на расстоянии. Ни мне, ни тебе не довелось, м.б., по противоположным причинам, в детстве это чувствовать. Но сейчас, мне кажется, и на расстоянии в четыре самолетных часа, мы крепко связаны невидимой пуповиной. Так, во всяком случае, одной стороне кажется, т. е. мне. <...>

---

¹²² Музыка «Поэмы без героя» Анны Ахматовой. – М.: Худ. лит., 1991.

78. Е. Макарова – И. Лиснянской 14 апреля 1992

14 апреля 1992

Мамуля, привет! Сегодня Пасха. <...> Дома все хорошо. Федя утром произнес тираду на арабском, он его сейчас учит, очень смешно звучит, особенно глубокие горловые звуки в его исполнении. Он у нас стал зарабатывать деньги. Переводит, убрал тут к Пасхе квартиру нашей подруги, отредактировал перевод с иврита, так что он у нас работающий господин. Прекрасно стал рисовать, особенно натуру, вообще мы очень дружим с ним, у него есть соображения о жизни, которые мне кажутся очень оригинальными, прислушиваюсь к ним. Он думает менять школу, в конце месяца у него собеседование с директором, но он сам еще не очень уверен, правильно ли поступает. К Пасхе он убрал у дяди Мили с тетей Идой¹²³.

Манька растет и оформляется. Она становится хорошенькой. Думаю, если бы заработать приличную сумму денег, можно было бы поехать с Маней в Нью-Йорк к Эдит Крамер, чтобы она поучила ее. Эдит – гениальный педагог и художник, к тому же ей очень нравятся работы Мани. Увидим. Любой из проектов дал бы мне такую возможность. Хотя известно, что на такие проекты не проживешь тоже, это не большой бизнес. В наши времена. Разве что кино.

Мамуля, я так по тебе соскучилась! Все, что у вас делается, вызывает устойчивую тревогу, я бы так хотела, чтобы мы все были вместе!

Здесь есть ощущение ЖИЗНИ, движения, возможностей, даже когда все проваливаются, надежда существует, нет безнадеги, нет уныния.

Хотя, наверное, предаваться унынию – это свойство характера, здесь многие люди ноют и стонут, но потом посмотришь, устроились и больше не ропщут. Нет уныния в атмосфере, скажем так. <...>

---

¹²³ Коренберг Ида Клементьевна – жена папиного брата Мили, Михаила Шабеевича Коренберга.

79. И. Лиснянская – Е. Макаровой Апрель 1992

Родненькая моя! Вчера с Леной Аксельрод¹²⁴ послала тебе цикл своих писем, последнее уже на одной ноге. И по записке – Феде и Мане. <...>

Доченька, я так много и глупо тебе писала изо дня в день, что теперь даже и написать как бы не о чем. Здорова. Папа также здоров. Семен подбарахливает. Ира цветет. На днях буду в городе и попытаюсь дозвониться – теперь это легко, ибо очень дорого. Ну совсем ничего не сказать о ценах просто нельзя. Например, один конец из Переделкина до Усиевича на такси 300 р. минимум! «Дымок» – 7 р., но трудно достать, «Ява» 15–17 р. и т. д.

<...> Все никак не пришлю тебе своих стихов мартовских, некому перепечатать, да и лень мне о них даже думать. Единственное, что мне не лень, – это писать тебе письма. <...> Семен мне говорит: «Чувства не стоят ни копейки, стоят – факты». Я же прочно знаю только один факт: «Я тебя обожаю, ты – талант и золотая душа». А некоторые факты внешней жизни я тебе описывала.

<...> Перепишу одно программное для меня стихотворение, хотя и плохое, но меня оно подбадривает.

* * *

Молись, золотое сердце,
Крепись, железное сердце,
А каменное – смягчись!
Забудь птицелов ловитву,
Забудь генерал про битву,
И враг врагу улыбнись!

Иначе уже не выжить,
И даже слезы не выжать
Из осоловелых глаз.
Крепись, железное сердце,
Молись, золотое сердце,
Тому, кто оставил нас¹²⁵.

Это – не лучшее, но очень мне нужное, вернее – единственное необходимое, а остальные – красоты и т. д. <...>

---

¹²⁴ Поэтесса Елена Аксельрод.

¹²⁵ Из книги «Ветер покоя», «железное» сердце мама в двух случаях заменила на «восковое».

80. Е. Макарова – И. Лиснянской **26 апреля 1992**

26.4.92

Мамуля, получила большое письмо от тебя с припиской Семена Израилевича. Грустно... Перестань думать о деньгах, мне стыдно, что пока я не могу посылать больше этой мизерной суммы. В следующем месяце тебе и папе привезет деньги Клавдия, из моих за книгу, с которой временные осложнения. Но деньги, аванс, к этим осложнениям не причастен.

Обстановка, которую ты описываешь, кажется удушающей. Но во всем мире сейчас период наступления материализма, везде. Это реакция на крушение социалистических идей, и, боюсь, она будет длиться долго. Кибуцы – последний оплот, но и здесь уже никого не устраивает уравниловка. Дети получают наследство, а те, кто не получает, работает на стороне, чтобы хватило на всякие путешествия и прочее, – так что и этот оплот скоро рухнет.

Вчера я была с Вилли в Гиват-Хаим, в богатом кибуце, где красота и покой, но и это только на первый взгляд. Все раздираемо внутренними противоречиями. В бедности можно объединиться и кантоваться как-то сообща, а вот в богатстве никто не будет объединяться.
<...>

81. И. Лиснянская – Е. Макаровой 27–29 апреля 1992

27.4.92

Милая моя, моя хорошая доченька! Я-то думала, что буду тебе писать каждый день, начиная с 20-го. Да как-то у меня ничего не выходило, и как бы не о чем было писать. За окном удивительная холодная серость, и даже странно, что началась православная Пасха, куличи и всё остальное. Единственный светлый день, а также вечер, тот, – когда ты мне звонила. Представь себе ситуацию. Я приехала на ночь специально, чтобы позвонить тебе. Да записную книжку забыла, звонила Яне – ее нет. И вот, укладываюсь спать и, всего наглотавшись, думаю: «О Господи, ну хоть получилось бы чудо в моей дремучей жизни, хоть бы Леночка вдруг бы позвонила!» И не успела я и часу поспать – как твой звонок! <...> Сейчас я в Переделкине в комнате и даже есть не выхожу. Что-то опять на меня накатило. <...> Семен же воодушевлен Сахаровской премией¹²⁶ (вручала Боннэр) и своей блестящей речью на вечере. Вечер действительно был прекрасный, Семен сумел задать именно литературный тон. Таких вечеров, как говорят некоторые литераторы, трудно припомнить.

<...>

28.4.92

Ленусенька! Вот в окне, по-моему, сегодня установилась относительная голубизна, осветились березы и сосны, а у меня, кажется, установился ритм. Как говорится – отмерцала. <...> Думаю даже выйти погулять с Семеном перед обедом, да и пообедать. Хотя, глядя на себя в зеркале, надо бы всякую еду отменить. Но именно потому, что часто закладываюсь в постель и Семен приносит хлебное и только, я прямо расту как на дрожжах. Вот бы так душе расти. А она, стерва, какая-то неподвижная, притерпевшаяся к окружающему. А окружающее совершенно сорвано с цепи ценами, беспомощностью, беззащитной озлобленностью и бандитизмом. Но это стало стабильным фоном жизни и уже не воспринимается надрывно.

<...> Сегодня оденусь, выйду и увижу целую столовую. Питание в ней, хоть очень ухудшилось, все же есть. А мне с Семеном большего, лучшего и не надо. Мы в этом отношении совсем непритязательны. Семен, несмотря на прямые и прочие признаки славы, сейчас подавлен. Миша его ежедневно информирует о жутких распрях меж его детьми. Идут, видя, что мать стареет (86 лет), у них разнообразные типы борьбы за власть и жилплощадь. <...> Семья – патологическая, и мне его очень сейчас жаль. Господи! Какое счастье, что в нашей семье (я беру широко, прихватывая и папу) ничего уродливого нет. Бывали срывы и разрывы, но все в пределах человеческой нормы поведения. А там и Достоевский бы растерялся.

<...> На улице очень потеплело – +14°. Выглянули вдруг одуванчики – весна все-таки большая радость. <...>

29.4.1992

Птица песня, птица чайка, птица – ласточка моя! <...> Проснулась и ритуально после кофе и душа взялась за письмо тебе. Здоровье мое похорошело, и даже – очень. На лекарствах прекратила мерцать и безобразничать. Дошли ли до тебя письма и моя книжка «Музыка»? Я-то ее до сих пор не смогла купить, да ее и никто не видел, коме двух-трех киевлян (там печаталась). Мне кажется, что уже вечность прошла с нашего разговора, тем более с твоего последнего письма. Получила ли ты по почте моих четыре? <...>

¹²⁶ Семен Израилевич был удостоен премии «За мужество в литературе».

Вчера вечером мэр Москвы Попов сообщил телезрителям приятную новость (приятную – его выражение), что мэр Иерусалима подарил нам 20 тысяч одноразовых шприцов. А тем временем писатель Белов в новгородской газете, ссылаясь на еврейскую книгу (название забыла, но Семен говорит, что в этой книге написано только о добре), утверждает, что евреи – людоеды и потому русские роженицы не подпускают к себе еврейских повитух. Ну как тебе это нравится?

Я все больше и больше, м.б., благодаря моему христианскому миропониманию, становлюсь еврейкой беспримесной. Что-то во мне происходит чисто еврейское, даже терпение мое становится еврейским. Это не значит, что я не мучаюсь тем, что творят мусульмане с армянами. Пресса полна мусульманских-азербайджанских вымыслов. Никто здесь армян не защищает, несмотря на то что в Азербайджане все время нападают на войска СНГ¹²⁷ и обезоруживают, часто убивают. Но чаще всего войска просто продают орудия смерти азербайджанцам, об этом, как бы между прочим, и по телевизору говорят. Люди же – только люмпены в основном – орут о политике, коммунизме попранном. И о попранном русском патриотизме, а остальные заняты либо захватыванием пирога, либо подбиранием крох от него, либо просто нищенством. Как жаль стариков и старух! Одиноких стариков – даже больше. Бабки более живучи и предприимчивы. С вечера занимают очереди за разными продуктами, водкой, сигаретами и тут же на блошином рынке продают их втридорога. Хотя и магазинные цены баснословны. Ну, конечно, не все старухи таковы. Тех, что беспомощно угасают в своих комнатах, мы на улицах, естественно, не видим. <...>

А небо опять сегодня голубое, и это счастье. Я очень устаю от долгой серости неба, почему-то очень стала зависимой от состояния неба. Когда оно летное, то мне кажется, что увижусь с вами, а когда нет – полная чернуха. Поэтому на мою заунывность в письмах не обращай внимания. Это все от – лукавого. <...>

<...> Вчера вечером смотрели «Сны Израйля» – это очередной телефильм. В этом была показана жизнь нацменьшинств в Израйле – все довольны израильской жизнью: друзы, черкесы и самаритяне. Очень горда была за нас, евреев, дающих возможность нацменьшинствам сохранять свой язык, культуру, обычаи. Какой наш народ! Я больше не могу говорить: «ваш»! Это для меня уже противоестественно. Честно говоря, если бы не Семен, я бы переехала. И все тут. <...>

Видела я по телику и обалдевшего Рудцкого, он говорил похвальные слова, к тому гордо добавил, дескать, сам Бог велел сотрудничать с Израйлем, поскольку 30 % населения из России! И все же его намек на российское участие в палестинском вопросе меня насторожил. Зарубежная печать говорит, что Россией продано 3 атомные штуки Ираку, здешние комментаторы, ссылаясь на заявление МИДа, опровергают эти сведения. А что ты знаешь по этому поводу?

Леночка, пишется ли тебе? Довела ли ты свою повесть до совершенства? У вас, в Израйле, наверное, теплынь. И здесь три дня стоит лучезарная погода, но сегодня в окне уже не так ярко, хоть и не серо, думаю, пройдет дождь. Вчера много гуляла, т. е. ходила немного, но сидела на лавочке долго. Надышалась. Вижу папу все время гуляющим по территории, и это меня радует. <...>

Я немного погуляла, немного на скамейке покейфовала с сигаретой во рту. Зашел разговор о прессе, в частности о Попцове, и я Алле Гербер и Ляле с Сашей Бориным¹²⁸ рассказала твою историю с Попцовым¹²⁹. Очень удивились, дескать, знали, что он демократ-пере-

¹²⁷ Войска специального назначения.

¹²⁸ Журналист Александр Борин и его жена Ляля.

¹²⁹ Вскоре после выхода «Метрополя» Олег Попцов под видом того, что хочет опубликовать мои рассказы, позвал меня в журнал «Сельская молодежь», которым руководил. Я пришла, он велел секретарше принести чай и шоколадные конфеты и, подойдя к окну с видом на Савеловский вокзал, начал: «Вы пишете о жалких, никчемных людях, но людей вы не видите,

вертыш, но что такой циник, толкающий тебя на павломорозовский поступок, все-таки не ожидали. А я, как только вижу его морду на экране, хочу плюнуть в нее, хотя агрессивностью не отличаюсь. <...>

посмотрите сюда, вот наш народ, и т. д. и т. п.» Распаляясь, он подбежал к столу, схватил конфету и спросил, как я отношусь к тому, что моя мать публикуется во враждебных органах печати, и, задав вопрос, вышел из кабинета. Вроде как оставил меня обдумать положение. Вернулся не скоро и, видя, что я не собираюсь вести диалог, принялся за монолог. Обрисовал мне мое неприглядное будущее: верстка совписовской книги будет валяться на столе у главного редактора (на самом деле она валялась на столе у главного цензора в Китайском проезде), ни один журнал не будет меня печатать и т. д. Что делать? А если подписать бумагу, что вы не разделяете взглядов своей матери? Надеюсь, вы понимаете, что она подставляет вас? Что она совершила непоправимый поступок? Еще час я слушала всякие глупости, хорошо, что конфеты были в фантиках, из них образовалась целая флотилия. Попцова мои кораблики жутко раздражали. Так что же?! Я сказала: «Передайте вашему начальству, что вы не справились с заданием, по всем пунктам минус» – и пошла к двери, за ней кто-то стоял, я слышала звук быстро удаляющихся шагов. Интересно отметить, что Попцов первым опубликовал в своем журнале мамини стихи, как только она вышла из-под опалы.

82. Е. Макарова – И. Лиснянской *Конец апреля 1992*

Мамулечка, я прочитала все письма, что присланы через Аксельрод. Стихи чудные, мне все понравились, в них ясность, но нет банальности. Я не забыла про лудиомил, но его нет в нашей больничной кассе, так что я тебе пришлю его с этой же оказией, – не беспокойся. Надеюсь, что Белла¹³⁰ тебе все доставила.

Все эти семейные передраги – мрак дичайший. Но ты ведь знаешь, каковы они, это не то, чтобы тебе вдруг открыли глаза на что-то невероятное. Жаль, что они портят нервы Семену Израилевичу. Все это напоминает нашу политическую ситуацию – все хочется иметь, все жалко отдавать, а жить в такой напряженной внешнеполитической ситуации тоже трудно. Внутри все прекрасно, но сколько может такая маленькая страна сражаться... Перед выборами страсти накаляются. Ни одна партия, как мне кажется, не предлагает соломонова решения, – все что-то сулят, но как решить мирным путем арабский вопрос, как обеспечить полную безопасность страны, как сосредоточить все свои силы на созидании, когда все время нужно охранять себя военными силами. Интеллигенция вся настроена либерально и лево. Многие – крайне лево. Отдать Голаны, прекратить строительство в Самарии и Иудее – гуманно, но страшно тоже. Смотри, американцы как расправились со своей негритянской интифадой, за неделю, мир их не осуждает, а у нас за одного араба не снести головы. Нам нельзя сделать ни одного неверного шага. Еврейская планида.

Вместе с тем кругом красота, полно туристов в этом году, гостиницы переполнены, – это хорошо.

С 1 сентября я иду учиться, в первый класс. Меня взяли в Школу Лидеров, но сначала я должна год учить иврит зверским образом, правда, за стипендию 2000 шек. в месяц. Затем изучать кучу всяких дисциплин, связанных и не связанных с моей программой по искусствоведению. Если я выучу все, тогда еще 2 года буду разрабатывать свои идеи за 3000 шек. в месяц. Это американская стипендия.

⟨...⟩ Разумеется, выучить иврит – святое дело, но на это мне придется положить столько сил, – ведь последующие два года вся работа будет только на иврите, никакого английского. Но я уже научилась смотреть на все так: выйдет – ладно, не выйдет – ладно. Это не обреченность – напротив, все проекты мне интересны, это же не кто-то за меня придумал, сама придумала. Иврит только, вот, придумала не я. Придется приналечь.

Читаю мало, в голове компот из разных языков, сегодня начала читать Примо Леви по-английски, потом про театр по-чешски, потом вдруг поймала себя на том, что говорю сама с собой на этой смеси, русский где-то вдали, на опушке сна, как ты у нас выражаешься, плюнула на все и пошла гулять. Еще сюда же и иврит вползет, не знаю, что из меня за писатель получится. Зарубежный, видимо. ⟨...⟩

---

¹³⁰ Белла Зайчик.

83. И. Лиснянская – Е. Макаровой 1 мая 1992

1 мая

Ленусенька, доброе утро! Сегодня все комуныки выйдут на площадь, кто стройными колоннами, кто кучей. Этот шизофреник Жириновский все больше и больше набирает сторонников. Все пошло с ума. Утро сегодня угрюмое. То преддождливое, то дождливое.

⟨...⟩ Семеновская семья пошла с ума, все со всеми дерутся, от него требуют то дачу в Красновидове, то отказ от своей прописки на Усиевича, 1/5. Но ведь должен он где-то быть прописан, а развода не дают. Как это ему в воздухе повиснуть? ⟨...⟩ Этот кошмар длится уже месяц, и конца не видно. ⟨...⟩ Кроме тебя обо мне никто на свете не думает, это не жалоба, а правда. Семен же, как всегда, думает только о себе, а обо мне иногда заботится, боясь, что останется без своей функции – папы, мамы и т. д. Он всегда был таким, таким и остался. ⟨...⟩

Доченька, определилась ли ты? А в чем? Вот так разговаривают наши вожди: надо начать... надо определиться, надо инвестировать и т. д. и т. п. Дополнения же почти во всех выступлениях отсутствуют.

И вспоминается «Бумажный пейзаж» Аксенова. Помнишь, там герой пишет письмо в ЦК. Одно состоит только из глаголов, другое из существительных. Да и «Остров Крым» нельзя не вспомнить в связи с настоящими событиями. Украина, воспользовавшись слабостью России, и говорить не хочет о территориальном вопросе. Есть решение не пересматривать послевоенных границ. Так отделилась Прибалтика. Но в 54-м году Хрущев по пьяной лавочке взял да и присоединил Крым и Одессу к Украине. И вот теперь побеждает сильный, только б не было войны. Россия сейчас очень слаба, ибо внутри ее тоже все распадается на национальности.

Вспоминаются строки Ходасевича: «Раз – победителей не славить, два – побежденных не жалеть».

Последние дни читала, перечитывала прозу Ходасевича, – не «Державина», а статьи о поэтах, да и другие статьи. Удивительно точно он пишет, умно и талантливо. Так его эссе «Неудачники» великолепно рисует три типа неудачников. Они и сейчас живут, даже в большем количестве, чем тогда, и так же. Я отношусь ко второму типу. Прочти эту статью. Самый безвредный для себя и для других тип такой: 1) Без конца носит по писателям стихи, читает и на отрицательную реакцию говорит: а я вам тогда другие прочту. И снова носится с «другими» и вновь с «другими», не вдумываясь в себя, не переживая ничуть. Тип, к которому я отношусь, выглядит так: всю жизнь строил иллюзии насчет себя, печататься умудрялся – и вдруг – ничего. И он начинает ненавидеть себя, а иногда и других. Вот других я не ненавижу. Вся в этом разница. А третий тип – завистник, клеветник, всем и вся недовольный. Надеюсь, что я не такова. ⟨...⟩

84. Е. Макарова – И. Лиснянской 7 мая 1992

7.5.92

Дорогая мамочка! Какая ты умница, я взахлеб читала твою книгу, по-моему, это одна из самых оригинальных книг, написанных поэтом о поэзии. Блеск, и язык, и стройность композиции, и все эти твои находки типа «маска, брошенная на тень» (кстати, одна из главных фигур моего сценария), – я так давно не наслаждалась чтением и тут села ночью с сигаретами и кофе на диване, – все спят, я читаю. И дочитала до конца. Хорошо, что ты многослойно описываешь многослойность, отсюда все твои тайно вдохновенные «дети-пророки-поэты» и т. д. Это очень русская книга, в том смысле, что ее на иврит не переведешь. Здесь ограниченное число определений (прилагательных), а у тебя самые сильные вещи (тонкие, скорее) – в нахождении определений. Вообще русский язык скорее описательный, поэтому наши классики такие многословно-многослойные в прозе, я читала твою книгу и прикидывала – на английском вышло бы прекрасно, нужно, чтобы слависты, твои и Семена знакомые, обратили внимание и перевели, – а вот на иврите не представляю.

«...» Завтра встречаюсь с Рабиным¹³¹ по поводу создания в Иерусалиме мемориала, памятника или центра (не знаю, как назвать), где будет собрана вся уничтоженная культура (музыка, театр, книги, дневники, журналы, живопись и т. д.) – это еще один глобальный проект. Без Яд Вашем. Там – рутина и смерть. Кроме того, я предложила Вене создать что-то серьезное (не буду пока описывать) в память о Фридл, и министр культуры Австрии это предложение одобрил.

Если Рабин сменит Шамира¹³², а на то похоже, – есть шанс сделать в Израиле именно то, о чем мечтаю. Что бы ни было, жизнь моя здесь осмысленна, а чего еще желать! За год я научусь не только говорить на иврите, но читать, писать и думать. В 40 лет все учусь...

Мамуля, есть еще свободное место и время. Эта зима выпала очень холодной, дома у нас морозильник. Мозги в холоде не стынут, но организм простывает. Когда я разбогатею, сниму комнату, куплю компьютер и буду писать романы, во мне их есть.

---

¹³¹ На встречу с Ицхаком Рабиным были приглашены деятели культуры, насколько я помню, никакие проекты там не обсуждались. Возможно, кто-то из приглашенных (нас было человек десять, помню Михаила Козакова и Давида Маркиша) что-то предлагал, но не я. Первые годы в Израиле мне казалось, что можно многое сделать в память об уничтоженных, но «познания» остудили мой пыл. Посмотрев документальные фильмы о становлении страны, выслушав истории выживших, репатрировавшихся из Европы в Израиль, стало понятно, что с травмой здесь справлялись известным способом – «работа делает человека свободным». Бен Гурион был лишен сантиментов. Забыть прошлое, строить страну ради будущего. Трудотерапия сработала. Прошлому было предоставлено место на складе, даже семейные альбомы сдавались на хранение в архивы кибуцев, позже в Яд Вашем. Процесс над Эйхманом «оживил» народную память. Теперь бывшим узникам концлагерей надо было показать стране, что евреи не шли на заклание, они сопротивлялись. Возникли мемориалы «Борцы Гетто», «Мемориальный комплекс Катастрофы и героизма еврейского народа» (Яд Вашем) и т. д. Израильцы стали изучать историю евреев диаспоры научно и отстраненно, и лишь к концу 90-х годов к реальным людям – жертвам Катастрофы – стал проявляться интерес. Их опросили по списку и записали их истории на видео. Меня же, как я теперь вижу, волновало совсем другое – система и свобода личности. Фридл, Швенк, четыре тома Терезинских исследований были посвящены именно этому. В Израиле эта тема не нашла спроса, ни одна из книг не была здесь опубликована, что приводило маму в недоумение. Но, прожив в Израиле, она перестала удивляться. Даже тому, что ни одно ее стихотворение не переведено на иврит.

¹³² Ицхак Шамир, премьер-министр Израиля. Ицхак Рабин сменил его на посту в 1992 году.

85. И. Лиснянская – Е. Макаровой 17–19, 21, 31 мая, 1 июня 1992

17.5.1992

Леночка! Солнышко мое! <...> Спасибо тебе. Костюм – полный отпад, даже чуть-чуть сужу. Красота невероятная. <...> Вот я сейчас сижу, пью хороший кофе и курю хорошую сигарету. Ну, чем плохая жизнь? Красота, а не жизнь, если учесть дивную блеску еще и твоей блузки, – то вообще блестящая жизнь.

Спасибо тебе за трогательное отношение к моей книге, но Мандельштам о поэзии писал лучше, Ходасевич тоже, а Цветаева и подавно. Правда, их анализ несколько менее конкретный, зато более глубокий, всеохватывающий. Я не скромничаю, те, кто читал, а их по пальцам можно сосчитать, говорят мне, что я открыла особенный жанр: феноменологическое эссе на уровне литературоведения. Но судьба у этой книги особенная, я и не помышляю о переводе ее на какой-либо другой язык. А все-таки хотела бы, чтобы ее прочли. Но не тут-то было. Мистика продолжается. Книга, не дойдя до книготорга, уже библиографическая редкость. <...> В производственном отделе «Худлита» разводят руками, книгу ищут все, в том числе и издательские работники: в книготорг не поступала, на прилавки также. Будет чудо, если она после 4-х месяцев с момента выхода вдруг обнаружится на какой-нибудь базе или в каком-нибудь брошенном на путях вагоне. <...>

18.5.1992

Дорогая моя дочушка! Доброе утро! Сейчас 7 ч. 30 мин. Пишу, пока никто мне не мешает. Папа вчера просил, чтобы мы обменялись письмами, чтобы больше о тебе узнать. Как-то эту моду ввела я, обменивалась, но тем, что нельзя показать, – нет. На ночь еще и еще перечитывала твои письма.

Был ли у тебя уже разговор с Рабиным и как прошел? Я-то боюсь, что он придет к власти, тогда будут колоссальные уступки арабам – территориальные, кроме, конечно, Иерусалима, и это будет, думаю, неправильно. Они ненасытны.

Возьми, к примеру, азербайджанцев, ну устроили Сумгаит, ну устроили погромы в Баку, но чтобы полгода из снарядов «Град» день за днем уничтожить Степанакерт! Эти любят и понимают только силу. Сколько их – и вот горстка армян их выбила из Шуши, а были уже и на окраинах Степанакерта. Но их очень-очень много, как саранчи. И вряд ли армянам удастся удержаться. Если смогут – то это по храбрости и смекалке будет второй Израиль. Удивительный оказался народ.

<...> Сижу перед окном почти во всю стену. А там – на фоне голубого неба почти прозрачные листья, в этом году поздние, берез, и от этой тонкокожести листвы она кажется салатовой. Очень красиво. И птички слышны. А соловьев, увы, не слышу. Они расппеваются почти в полночь. Как-то слышала, две бабки недоумевали: «И к чему это в полночь соловьи так орать начинают, раньше такого не было». «Орать» – как про кошек.

<...> Ты совершенно права, говоря, что бедность объединяет, а богатство – разъединяет. Здесь, в ДТ, живут почти все бедные, представь себе. А валютные писатели, и, значит, всемогущие, обособленно. К ним, вернее, в их души не пробьешься. Думают только о своих делах, и все же надежды я не теряю. Что-нибудь придумаю.

<...> Целую тебя, моя радость и переписываю последний триптих.

Триптих окна

1

Ну что еще сказать мне на последней
Странице в распоследней из тетрадок?

Скажу, что день стоит на редкость летний,
Скажу, что запах лип на редкость сладок,
Скажу, что луч над Истрой между веток
Особенно пронзителен и ярок.

...Так в детстве оставляла напоследок
Я самое красивое из яблок.

2

Нет, я еще не мертвая, –
Еще дышать дано
В трех стенах, а четвертая –
Раскрытое окно.

В окне моем распахнутом –
К реке крутой обрыв
Под серебристо-бархатным
Полупоклоном ив,

А дальше – мир порхающий
Небесно-луговой
И церковка с пока еще
Отбитой головой.

А дальше мир лиловее¹³³,
Чем в клеточку тетрадь,
Где буду в каждом слове я
И жить, и умирать

3

---

¹³³ В книге «Ветер покоя» – «И сумерки лиловее...». Триптих посвящен С. В. Гремяко, мужу Эллы Крыловой.

Раскрыта новая тетрадь,
А солнце лета¹³⁴
Умеет кровушку сосать
Из уст поэта.

Так из цветка сосет пчела
Земную сладость,
И я не отверну чела
Лучам на радость.

Пускай сосут земную соль
Из уст болезных, –
Блаженно я приемлю боль
От пчел небесных.

19 мая 1992

Доброе утро, мое солнышко! Вчера вечером показывали все ужасы, которые были с евреями, по телевизору, фильм английский с привлечением либо погибших, либо случайно уцелевших. Только Терезин не показан, я все ждала – ведь у тебя столько письменных свидетельств. Как обошлись без тебя – мне не ясно. Но надо сказать, все равно – молодцы. И те, кто этот фильм сделал, и те, кто разрешил его показать. Уж сколько слышала и прежде, и в особенности от тебя, а сердце все равно рвется на части. И никогда оно не станет целым, пока не будет чувства прочности нашего Израиля, пока весь мир не поймет, что уничтожение Богоизбранного народа ведет к саморазрушению всего мира. Доченька моя, как же тебе тяжело с этим и в этом жить. <...>

19.5.92, вечер

Моя Леночка, доченька моя! <...> Мы с тобой крайне импульсивны в писании, хотя обе не дуры. Но иногда, разбрасывая направо и налево мысли, до конца их не разрабатываем. Бросаем чудные мазки на полотно, но не можем доказать глубины краски. Видишь, как я расхвасталась. У тебя все-таки больше экспрессии и концентрации. Это абсолютно мне очевидно. Но природа наших достоинств и недостатков, по-моему, одна и та же. Просто ты образованнее, чем я, разностороннее. А я часто чую, как собака, но пролаять как надо, не могу. Эти мои размышления над нашей общностью, конечно, детские. Да, Леночка, и сама-то я – детская. Ей-богу. Это в чем-то и хорошо, но уж слишком я беспомощна перед жестоким миром. Элла правильно меня поняла: «Инна Львовна, в вас есть что-то такое в характере, что позволяет Вас ударить, не рассчитывая не только на ответ, даже на ссору». И впрямь, именно так. Это я описала в твоём любимом из моих стихотворений – «В лодке»¹³⁵.

А какие чудесные люди в твоей повести, какие запоминающиеся – попутчик самолетный, Мальва, да и вообще все. Как хорошо, что, став взрослой, ты стала и мудрей, и снисходительней к людям, жалостнее. Этим повесть сильно отличается от твоих первых вещей. Но путь уже к повести был очерчен и в «Фазане» и в других не самых ранних вещах, исключая первую книгу – повесть о больнице. Там – сама непосредственность не давала тебе

---

¹³⁴ В книге «Ветер покоя» – «Открыта новая тетрадь, / А луч открыто...».

¹³⁵ «В лодке», 1983 г. Музыка жизни одна и та же. Но, что ни день, словно море, другая – Цветом, дыханьем, повадкой, походкой волны. Люди слабы, как все люди. Я же, Странною слабостью располагая, Многих прельщала доказывать мне, что сильны. Что за подробность души? Однако Даже добрейших друзей искушала Выказать силу, – и все мне давали под дых. Если была б у меня собака, То и она бы меня искушала, Хотя не кусают собаки хозяев своих. Я – неудачница высшей марки, А неудачники толка много Верят в посмертность свою, в золотое «авось». Море подьмет белые арки, – Жизнь, если ты не совсем бестолкова, Сбрось меня с лодки, а там – со счетов меня сбрось.

быть нетерпимой, при такой судьбе, при таком испытании. Дальше, как на кардиограмме, зубец пошел вниз – это осознанное полностью зло жизни, бескомпромиссность чувствования, четкая черта, за которой только ад. Дальше вновь пошло по восходящей – положительный зубец – вверх. Это уже неизбежность понимания художником причин и следствий, а значит, понимание Бога и человека. <...> Очень хочется, чтобы ты и писала, это тоже твой долг. Ведь был же у Фридл долг перед живописью. М.б., весь героизм художника как личности в самых разных условиях, проистекает из долга перед искусством. Бог сотворил нас, а мы призваны творить красоту. Да именно – красоту. Это не по Достоевскому, я вкладываю иной смысл. Красота не исключает трагедии, но исключает безысходность. <...>

21.5.92

Доброе утро, мое солнышко! Вот и еще одно письмецо успеваю тебе черкнуть. Наступила весна. В окне зелень и синь. И кажется, что нахожусь не перед окном в листву и небо, а в некоем стеклянном аквариуме прямо под водой. Это ощущение усиливается оттого, что листва не качается от ветра, а находится в каком-то зыблющем состоянии, по зеленому проходит голубая рябь. Но рыб не видно, это наступила весна.

* * *

Листья летят, – а я-то думаю – птицы,
Листья плывут, а я-то думаю – рыбы...

Надо кому-то дурочкой уродиться,
Чтоб веселиться умные люди могли бы.
Добрые люди путать не любят понятия,
Да и названья, чтобы не сбиться с дороги.

...Белое облако мне – подвенечное платье,
Черное облако мне – похоронные дроги¹³⁶.

Вот этим стихотворением я открою свой новый цикл в «Новом мире». <...>

31.5.1992

Милая моя Леночка! <...> Вчера была на кладбище у Пастернака, туда меня отвезли, а оттуда меня медленно и внимательно вела назад жена Солженицына – Наталья. Люша¹³⁷ ее мне на кладбище представила, а она: «Да неужели Вы и есть Инна Лиснянская? Вас очень любит Александр Исаевич, читает вашу книгу “Дожди и Зеркала”. Русская поэзия не умерла, не пала, вот тому пример». И еще и еще много восклицательных слов, напирая на то, что сама она просто читательница, любящая меня, но главное – Исаевич, любящий меня читатель. И все в таком серьезно-возвышенном тоне, что я была совершенно ошарашена, как будто про меня и не про меня. Но ошарашенность моя длилась недолго, и опять – тревога за вас, за моих родных, моих единственных.

<...> На улице лето, хоть и говорят, короткое, 23–24°. Все пышно – и деревья, и инфляция. О ней уже и говорить не хочется. А вот вся трава в саду уже наполовину в отлетевших одуванчиках и в островках незабудок. До чего же люблю я незабудки. Когда-нибудь, в свое

---

¹³⁶ Лиснянская И. После всего. – СПб.: Пушкинский фонд, 1994.

¹³⁷ Елена Цезаревна Чуковская.

время, они, как я и писала в тебе посвященных стихах, и надо мной будут голубеть, но это еще будет очень нескоро. <...>

1.6.92

Дорогая моя Ленусенька! <...> День на улице хорош, только долго не пройдешь. Но я однако почти совершенно здорова, посиживаю на лавочке-скамейке, оглядываю мутантную красу переделкинских незабудок, да и всей зелени.

По телику уже с какой-то садистско-мазохистской бодростью говорят, что будущий год будет гораздо хуже этого. А я себе смотрю еще сериал мелодрамы с налетом детектива мексиканского, он еще будет длиться целый год. Очень переживаю за героев и тем самым отдыхаю отлично. <...>

Читаю сейчас Гиппиус – двухтомник. Чудно о Блоке, да и вообще. Наших журналов не читаю – все почти в поставангардистской дури – сдуй игривую пену, и ничего не остается под ней. Не шампанское. А шампанским меня на днях угостила Нарбикова, которая, как она рассказала, читая своей дочке пушкинскую сказку, подставляет под царицу то морковку, то репку. У всей страны крыша поехала. <...>

86. Е. Макарова – И. Лиснянской 2 июня 1992

2.6.92

Мамочка, привет! Скоро твой день рождения, как бы мне хотелось засесть с вами на даче, я бы навезла мульон жратвы...

Что Лидия Корнеевна сказала про твою книгу? Кто что сказал?

Если можно, пришли еще пару экземпляров, я хочу здесь дать прочитать твоим поклонникам, Михаилу Козакову и Валентину Никулину¹³⁸, они просили, а я не отдала подписанную книгу.

Мы с Диной¹³⁹ (южноафриканской) получили-таки 8000 долларов на сбор материалов по Швенку¹⁴⁰ и кукольным театрам гетто, так что в июле мы будем целый месяц в Европе, в архивах и по людям. Посмотрю, может быть, смогу взять как-то билет, включая Москву, но пока лучше об этом молчать. Это мечта!

Интересно, есть несколько вещей, а скорее, характеров, которые меня занимали с самого начала, и они постепенно проступают на сцене жизни, которая их как бы и не желает сегодня вовсе, – но я хочу.

Интересно со стороны наблюдать за своей личной волей – раздумывать, насколько она и впрямь личная и какова мистическая сила тех ушедших в небытие людей, которые руководят этой моей волей. <...>

Я сидела над «Обсешеном», ввела в него новые элементы, соединила логически с пьесой, – вышла книга, если издам здесь, то вместе с «Фазаном» и «Стучит-гремит», – герои повторяются, да и конструкции те же.

В свободное время читаю по-чешски книги и архивные документы, ни до чего больше руки не доходят. Все туманнее становится замысел про Карла Швенка и кукол, – нужно освободиться от чувства, что эти 8000 долларов обязывают меня создать нечто, – театр никогда не был моей стихией, а сейчас я должна написать пьесу такого характера, чтобы ее можно было поставить и на Бродвее, и здесь. У меня была встреча с продюсером с Бродвее, очень скептическим типом, но он готов вести со мной диалог. Еще ребенок не зачат, а ему уже прочат невесту. Я к такому не привыкла, это мне мешает. В то же время я понимаю, что обычным путем свободной импровизации дела не поднять. Здесь нужно свободное наше российское воображение и американский жесткий профессионализм, не знаю, возможен ли такой альянс.

Тут Горби явился, не знает, как выговорить слово «евреи», – жутко смешно. Мы его титулуем в профессора философии, такие мы вот провинциалы... <...>

---

¹³⁸ Актер Валентин Никулин какое-то время жил в Израиле, даже вместе с Михаилом Козаковым играл в «Хабиме», для чего им пришлось заучивать наизусть ивритские тексты. Притом что в повседневности не могли и двух слов на этом языке связать. Никулин пил, часто оставался у нас ночевать. Потом Козаков уехал в Москву, вслед за ним и Никулин.

¹³⁹ Дина Каплан, художница по куклам, с которой я познакомилась в автобусе, едущем из Тель-Авива в Иерусалим, загорелась историей Швенка и захотела работать со мной над проектом восстановления кабаре.

¹⁴⁰ Карел Швенк, создатель довоенного пражского кабаре «Никчемных дарований», стал звездой Терезина. В концлагере он поставил шесть кабаре, которые шли более 200 раз при полном аншлаге. Его «Терезинский марш» исполняется и поныне. Из Терезина Швенк был депортирован в Освенцим, оттуда в рабочий лагерь ХАЗАГ в Мойзельвиц. С наступлением Советской армии еврейских заключенных гнали 25 км по непроезжим дорогам, голых и босых. 27-летний Швенк умер от истощения в апреле 1945 года.

87. И. Лиснянская – Е. Макаровой 12–13, 23 июня 1992

12 июня 1992

Дорогая моя Ленусенька! <...> Спасибо тебе за лекарства, в данное время они мне противопоказаны из-за декомпенсации порока. Но самое противное уже позади, еще дня 3–4 посижу в комнате, а там буду выходить на лавочку-скамеечку, и даже в столовую.

Когда ты получишь это письмо, я уже буду щеголять в двух твоих вещах, в том платье, которое ты мне привезла (сейчас мне перешивают: за счет длины делают по бокам вставки). Чудное платье. А две недели тому назад я надевала твой костюм, нашла для него черный пояс, украсила могучую грудь цепочками и выплыла наружу. Полный отпад. Я, такая нецарственная, выглядела в нем королевой. Все так и ахнули. А день рождения буду в том, переделанном, ибо в нем не будет жарко. На дворе 23–25°, это для меня почти жара.

А книжки так в Москве и нет. Люди уже делают ксероксы – опять я подпольный автор. Звонили дней 15 тому назад и просили меня приехать в Санкт-Петербург на международную конференцию по Ахматовой, но я, понятно, не могу. Галя Корнилова, бывшая жена Владимира Корнилова и друг Ахматовой, придет ко мне, чтобы из двух моих экземпляров сделать в Петербурге ксерокс. Она-то возьмет один экз[емпляр] под свою ответственность. Прекрасно понимаю, что слависты очень бы заинтересовались книгой, там бы, в Петербурге, если бы я приехала, и расксерили бы для себя. Но я ничуть уже не огорчаюсь. Такова мистическая судьба этой «музыки», а м.б., и моя судьба.

<...> Я пока то лежу, то сижу в кресле, ибо из-за застоя нельзя лежать, а надо полусидеть. Но это не для меня. Я сижу в кресле, и мне хорошо. Читаю, смотрю невнятный телек, то показывает, то нет. Здесь уже и предметы стали абсурдными анархистами. Но если бы ты меня видела в твоём костюме, сказала бы: есть еще красота и гармония! Еще жива традиция в лучшем ее виде. И хаоса в моей душе – никакого, и в сердце он уже прекращается. Писать об окружающей жизни в смысле экономики – смешно. До чего ожесточились люди – ужас. И все же есть оазисы и в этой пустыне клокочущей. <...>

13 июня 1992

Доченька моя! Сейчас меня навестил Миндадзе и очень меня обрадовал. Он сказал, что вещь талантливая¹⁴¹, что можно замечательно поставить ее. Я эту вещь считаю твоей по тому твоему темпераменту, который в ней присутствует. Но мне всегда кажется, что оттого, что я – мать, я преувеличиваю. Но вот слова замечательного режиссера Миндадзе. «Найден поэтический эквивалент. Сначала я читал, трудно входя в это, т. к. первая треть кажется несколько размытой. Конечно, когда найдется постановщик, то диалоги будут неминуемо сокращены. Изумительное переплетение прошлого с настоящим. А начиная с хирурга – все очень точно, восхитительно. Какой талант, знание материала, а что стоит только одна сцена, когда из бара сразу попадаешь в прошлую комнату. Конечно же, в этом фильме нужны эти хроникальные кадры. Чудные характеры, читал чем дальше, тем больше понимал прелесть и значительность, трагичность и удивительную лиричность». В общем – восторг. Потом он перешел к практическому разговору: «Снимать надо в Чехословакии. Нужно найти спонсора, это, учитывая, наличие хроники, не так-то и дорого обойдется спонсору. Здесь – и думать нечего». (Ну что здесь, если штурмуют Останкинскую башню под лозунгами «Россия без евреев»,

---

¹⁴¹ Речь идет о сценарии полнометражного художественного фильма о Фридли, который мы сочинили с поэтом Сергеем Барсуковым, увы, ныне покойным моим соавтором. Да и с фильмом ничего не вышло.

«Ельцин – сионист», «Освободим родину от сионизма» и т. д.) То есть здесь никто не станет субсидировать этот фильм. Но если будет спонсор, то он может хорошего режиссера, адекватного вещи, и здесь найти.

Вообще, полон серьезности. Сам он сейчас снимает какой-то длинный, трудный фильм. Но сказал, что, пока суть да дело, пока найдется капиталовложитель, и он бы смог. Это был мой прямой вопрос, я его задала ему, думая, а вдруг он мне так говорит из-за меня. И он также прямо ответил то, что тебе уже сказала.

Я просто счастлива, что сценарий по достоинству оценил профессионал, а не какой-нибудь совковый специалист – идиот. Еще он говорил о том, как оригинально, не традиционно, нестандартно поставлена и решена тема.

Так что, Лена, в жизни появился еще один план! Папа через дежурную мне передал, что ты звонила – (счастливее!) – что у вас все хорошо. <...>

Я долго думала, говорить тебе, что так разболелась сердцем, или умолчать – ведь что ты можешь сделать на расстоянии. Потом пришла к выводу, что ты не можешь не почувствовать, что со мной не совсем ладно. Хотя бы потому, что я ни разу не позвонила. Еще, когда Белла у меня была, я уже приехала больная, чтобы передать тебе письма. И я ее попросила, чтобы она тебе не говорила: «У мамы все отлично!» А сказала бы: «Мама иногда побаливает, а иногда – нет». Чтобы выглядело все естественно. А может быть, ты мне в мой день рождения позвонишь, уж я-то к тому времени скомпенсируюсь. Все-таки уже месяц в непотребном состоянии, но отеки уже сошли, в легких уже нет того ужасного застоя. Ритм еще не налажен, но это, я думаю, самое большое – неделя, и я его ритмоданом привожу в порядок. Так что все будет хорошо. <...>

23.6.1992. 7.44 утра

Доброе утро, моя птица! Сейчас попью, поем и примусь за письмо. Это я еще до кофе с булкой так плохо-разборчиво пожелала тебе доброго утра. Вчера вечером даже на ужин выплывала в твоём костюме – красавица кустодиевская еврейской национальности! Да, уж насчет национальности у меня не очень-то благополучно. Израиль не возьмет, а идти в армянские партизаны уже поздно, да и примут за лазутчицу – армяне все говорят по-армянски, исключая такие, как я, случаи или коренных армян-москвичей. Но и эти в большей своей части – знают.

<...> Не знаю, что еще здесь произойдет, можно ли сюда будет ехать. Поживем – увидим. Мне кажется, что июль будет решающим месяцем, что-то обязательно произойдет. Свору возглавляют теперь и писатели, и ученые, опираясь не только на люмпен, а и на самый безумный и безграмотный слой населения (это уже даже не чернь). Сужу, например, по одному лозунгу, прочтенному среди других грамотных «Россия – без евреев» и т. п. «Гой, гой, гой! Убирайся в Израиль домой!» Эти уж совсем ничего не понимают, тем они страшней в своей нелепости. Поддон черни. <...> Обстановка в России так раскалена, что требует чепухи, от меня во всяком случае. И я, как всегда, значит, буду менять наряды, и тогда думать исключительно о пустяках. <...>

88. Е. Макарова – И. Лиснянской 28 июня 1992

28.6.92

Дорогая мамочка! Получила твое письмо по почте (Миндадзе описываешь там), надеюсь, что ты уже получше.

Сейчас еще нет 6 утра, но уже взошло солнце, птички поют, и гора Иродион возлежит за домами, – красота!

Думаю, что начинаю понимать тех людей, которые не понимают нашего Платонова или Булгакова, да кого угодно. Эти писатели никогда не были счастливы., м.б., только в момент сочинительства.

Сейчас Федька встал на работу, приготовила ему за 5 минут завтрак, вчера в 11 вечера мы поехали с Сережей в магазин, так как обнаружили пустой холодильник, все закупили ночью за 10 минут, странно так – мы в каком-то ночном городе под названием Иерусалим покупаем еду в разных упаковках, садимся в машину, едем в сторону Вифлеема, опять же кормим нашу дуру-кошку какой-то спецбурдой, смотрим ночью телевизор с нашим новым главой государства (рош-а-мемшала), слушаем своего начальника на иврите, а это ведь кто – царь Израиля (мелех Израэль), – и опять же интересное ощущение семейности, – был плохой папа, его изгнали, пришел хороший, все поют и танцуют. В ночь, когда стали известны результаты голосования, все сидели у телевизоров, – у людей из партии «Авода» хорошие лица. Федька уже позавтракал и едет к Яффским воротам, туда, куда Христос въезжал на осле, – чтобы что-то там строить.

Это все – описание счастья – Израиль, дети, работа, друзья, – я на месте, все внутри на своих местах, знаю, что хочу, к чему стремлюсь, – ясное состояние души.

25 июня мы с детьми в музее открыли нашу большую импровизированную выставку, – 3 дня работы – и вот, все готово. И такая красота! Я получила от директорши музея огромнейший букет цветов, все засняли на видео, так что пришло. Там и Манька мелькает, и Федька переводит мою речь (краткую) на иврит. И детские работы, и детские лица – прекрасные! Значит, проверяю себя, в этом учебном году все было сделано верно, надо думать над программой следующего...

Помнишь, я еще тебе там жаловалась, что мой позитивизм умирает в совке, что я ропщу и раздражаюсь. Здесь очень много других сложностей, но позитивизм моей натуры очень к месту, наверное, он передается и окружающим, поэтому люди ко мне и к моей работе относятся с уважением. В момент работы с детьми над выставкой я вдруг подумала, какие у нас интересные отношения, – есть дистанция, нет панибратства, и есть какое-то полнейшее доверие друг к другу, а ведь это дети непростые, дети, которые за год-два переместились из одной культуры в другую, у которых постоянно идет качка в душе, – и рядом со мной им эту качку переносить и осознавать оказалось легче, чем в одиночку.

Уже около семи, скоро буду будить Маньку в школу. А потом – целый день работы – с 9 утра до 10 вечера, всякой, она у меня расписана в ежедневнике.

89. И. Лиснянская – Е. Макаровой 11, 13, 20 июля 1992

11 июля 1992, суббота

Доченька! Ну что ты так беспокоишься? У меня все налаживается, просто довожу себя до самой лучшей кондиции. Но сейчас я в коттедже, думаю, в понедельник выйти уже в люди. Насчет твоего приезда сюда на 2–3 дня – полная дурь. Не только ты выбьешься из колеи, но и я совсем обалдею. Это не нужно ни тебе, ни мне, ни Господу Богу. <...>

14-го окончательно решится вопрос о нашем здесь пребывании постоянном или непребывании. Но уже заявили, что путевка будет стоить 7000 р. на нас. Тогда уже мы должны будем решать, где дешевле. Конечно, дома, но не намного. Но до середины августа я все-таки продлю, чтобы после длительной лежки посидеть на скамеечке, ходить в столовую и т. д. Сегодня мы с Изольдой¹⁴² уже доходили до близлежащей беседки и играли в карты.

<...> Ленусенька, деточка моя, сейчас, поверь мне, у меня уже даже аритмии нет. Только тахикардия – учащенный пульс. Дышу хорошо, одышка прошла. Ну, считай – полная норма. Просто я так перемучилась с преждевременными вставаниями, что теперь решила закрепить достигнутое. Если что мне и нужно сейчас, то очень преданный мне друг. Такого нет.

Кто только не клевал
С моей ладони
И кто не улетал?!

<...> Из моего окна дивный вид на зелень. Чего только нет – рай, да и только. <...>

Тут были академик Фридендер¹⁴³ и профессор Бабаев¹⁴⁴ – друг Ахматовой, – они в один голос говорили, что, пока будет жить Ахматова, будет жить эта моя книжка. Фридендер захотел писать статью, но не могла же я на не существующую в мире уже 5 месяцев книгу его не отговорить. Он просил ее дать ему для ксерокса, но у него впереди путешествие: Узкое, Норвегия и т. д.

<...> Ты мне очень хорошо описала эйфорию с Рабиным, с выборами. Да, идут на уступки, но арабов они этим не успокоят, а только Америку, чтобы получить обещанные 10 миллиардов. Подумай, дочка, как мы изменились. Почти нет в наших письмах строк, так или иначе не связанных с деньгами. Вот так да! Но это нормально. Ненормально их брать и прикляничивать у дочери. Вот это уже полный беспредел. <...>

13.7.92

<...> Сегодня был звонок от ленинградцев. Короче, в кулуарах только и было разговору среди ахматовских вдов и поклонников о моей книге. Были отдельные несогласия частные и в частности. Но все в восторге. Была речь о ней и на последнем дне конференции. Иностранцы запросили данные, чтобы выписать книгу из Москвы. Ха-Ха-Ха! Но все-таки приятно, я и не подозревала, что это такая хорошая книга. <...>

20.7.1992

---

¹⁴² Изольда Щедровицкая, мамина приятельница.

¹⁴³ С литературоведом Георгием Фридендером мы с мамой познакомились в доме творчества «Комарово» в 1971 году.

¹⁴⁴ Эдуард Бабаев, известный литературовед, доктор филологических наук, профессор МГУ, был родом из Ташкента. Там он в юные годы встретился с А. Ахматовой, куда она была эвакуирована во время войны.

Доченька! <...> Я себе все думаю о поэзии, иногда что-нибудь и черкну. И правильно, что меня и сейчас гоняют, скажем, из корпуса, где сухо, в коттедж, где очень мило, окно выходит прямо в чудную, райскую картину разбухшего от дождя июля. Но, увы, здесь очень сыро. Уже не дождусь 1 августа.

Пускай Семен еще подышит, ибо Семена загородного и Семена городского даже сравнивать нельзя. Мальчику скоро 81 стукнет. Уже прочли верстку «Записки жильца» 9 и 10 № «Нового мира». Он счастлив, хоть бы дождался, ведь все время за такой возраст дрожишь. <...>

90. Е. Макарова – И. Лиснянской 2 сентября 1992

2.9.92

Дорогая мамочка! Пишу тебе из самолета, лечу в Стокгольм через Копенгаген – 4 года тому назад в октябре я летела в Нью-Йорк через Копенгаген, тогда потерялся мой чемодан на 5 дней, надеюсь, получу свою сумку в Стокгольме.

Пробыла дома с 21.8 по 2.9. <...> Не знаю, хватит ли мне жизненного времени, чтобы все, что понимаю и ощущаю, вложить в какую-то форму, но мне кажется, что есть что-то существенное в том, как я живу, чем, – это все равно как-то будет продолжено, это не слова самоуверенности, а ощущение какой-то верности, адекватности вечного временному, т. е. моей жизни.

Теперь у меня есть секретарша проекта, вернее у проекта «Кабаре Карела Швенка» есть секретарша, – пишет бумаги, занимается бюджетом, все уже продумано, разве что я и не садилась писать текст. Сегодня в самолете открыла «Джерусалем пост» (газета) и прочла статью о себе, о смелых моих проектах и дерзких мыслях. Очень забавно.

В аэропорт ехала сама, на автобусе. Чего Сережу гонять, у меня нет никакого груза, чтоб со мной мотаться. В аэропорту встретила с человеком, который собрал всю музыку Терезина и записывает ее с лучшими дирижерами мира. Возможно, он возьмет на себя музыкальную часть нашего проекта.

В самолет влетела последней, заговорила с этим Блохом. Скоро приземлимся в Копенгагене, через час – самолет в Стокгольм, а потом еще сколько-то ехать до места.

Надо будет написать прозу самолетчика – я, например, изучила меню нашей авиакомпании «Эль Аль», везде одно и то же, куда бы ни летел. Крабы, курица с морковью, салат из огурцов с помидорами, лимонад, вино, кофе. Трудно поверить, что к маю буду свободно говорить и писать на иврите. Еще один язык... Язык как ребенок, он должен расти сначала внутри (этого не вышло), потом проклюнуться и действовать, маневрировать уже на суше. И все это происходит со мной в одной жизни! Как не быть благодарной тебе, мамуля, за то, что ты меня родила!

91. И. Лиснянская – Е. Макаровой 9–12 сентября 1992

9.9.92

Ленусенька, любимая моя! Сегодня пасмурно, всю ночь шел дождь, и сейчас меж низких туч тебя мне не разглядеть. К тому же пишу с утра, а я долго не расхожусь после ночного тизерцина, и даже пишу с ошибками. Доченька, пишется ли тебе в свободную минутку и есть ли у тебя такая минутка?

У меня же времени в избытке, но вдохновения нет как нет. Но я тебе уже писала, что меня это больше не колышет. Последние мои стихи те, которые я написала раньше посланных тебе, будут, кажется, в 10-х номерах «Н[ового] мира» и «Знамени». Последний взял ориентацию на андеграунд как в прозе, так и в стихах. Чтение это очень убогое, со всеми эротическими выкрутасами, со всем этим «говном», пуканьем и т. д. и т. п. У этого поколения писателей вряд ли будет будущее. Мы это уже проходили, начиная с 1914 по 1928 включительно. Тогда в атаку пошел фашизм-коммунизм, и сейчас та же атака. В сущности, эта литература плоть от плоти соцреализма. Звучит парадоксально, но так оно и есть. Задумаешься – и поймешь, и согласишься.

Ультрадекаданс всегда приходит с реваншизмом. А что такое соцреализм, как не реваншизм, когда в застывшей форме идет лживое содержание. Сейчас это приняло вызывающе крикливый вид. Содержательности нет совершенно, как правдивой, так и лживой, и это ничто прикрывается «новой» одежкой. Да, это все уже было и прошло, как с белых яблонь дым.

Да, нам, т. е. Семену, привезли потрясающие документы ЦК партии с грифом «секретно» и «совершенно секретно». И хотя история с «Жизнью и судьбой» и со «Все течет» Семену, да уже и мне, известна, но все равно нас эти документы потрясли. Надо же, самые верхние чины, такие как Сулов, до смерти боялись одного писателя, одного произведения! Среди документов были и рецензии членов редколлегии «Знамени». Особенно хорошо высказался Кривицкий: «Да роман “Доктор Живаго” просто вонючая фитюлька по сравнению с антисоветчиной Гроссмана». Очень смешно читать и Скорину. Она все поняла. Напр[имер], пишет: «Василий Гроссман сравнивает фашистский режим с нашим». Дальше идет ругань. И снова: «Его герой – прототип славного Дома Павлова¹⁴⁵ – это же полная анархия». Дальше опять ругань. Но все формулировки, словно квинтэссенция романа. И если читать, опуская ругань, то получается сжатая, точная характеристика романа. Хоть бери и в таком виде – печатай. Ну и старуха. Еще там есть рецензия-донос Галанова. Кажется, зовут Марком¹⁴⁶, ну вот от этого мы такой гадости не ожидали, всегда ходил в порядочных. Представляешь себе, что бы было, если бы открыли архивы КГБ, каждый третий писатель оказался бы доносчиком, стукачом. На это где-то намекнул один работник КГБ.

Какое счастье, что я могу людям смотреть в глаза, да и в зеркало. Пусть кругом я плохая, но уж тут я кристально чиста. Конечно, смешно хвастать тем, что есть норма. Но когда я оглядываюсь вокруг и неизбежно вижу грубоперелицованных демократов, не говоря о фашистах, у меня появляется чувство удовлетворения своей жизнью.

¹⁴⁵ Жилой дом, расположенный на площади Ленина в Сталинграде, в котором во время Сталинградской битвы держала оборону группа советских бойцов.

¹⁴⁶ Борис Галанов: «Свой талант художник употребил на выискивание и раздувание всего дурного и оскорбительного в жизни нашего общества, в облике людей. Это искаженная, антисоветская картина жизни. Между Советским государством и фашизмом, по сути, поставлен знак тождества. Роман для публикации неприемлем».

А что? Я и в опале находясь, не кичилась перед миром своими ранами, и выйдя из-под надзора. Никогда ни в какие игры с политическим душком не играю, а ведь если бы я взяла и написала бы о «Метрополе» и о себе, это был бы интересный матерьяльчик, мне многие, в том числе и Евтушенко, предлагали написать, а уж они напечатают. Слава богу, ушла от этого искушения и не вымаралась в грязной воде добытчиков, дележников пирога под демократической пеной.

Да, до демократии здесь так далеко, как до луны. Но луну еще могут освоить космонавты, а законность демократии – никогда. <...>

10.9.92

Леночка, милая моя! Чем ближе к папиному отъезду, тем сильнее я ему завидую и ревную. Ведь это так с моей стороны дурно, ведь ты меня зовешь, а жизнь не пускает. И надо радоваться за папу, а не завидовать. И я рисую картины его жизни у вас. Вот вы его встречаете в аэропорту, он вас всех целует. Спешит в Иерусалим, если Манька или Федя его не встретили. Вместе в свободное время гуляете, ездите по друзьям. Светит солнце, но уже не так яростно. Время чудесное – на него падают все наши главные праздники. И вообще. Дальше воображение застопоривается, скажем, на общем обеде. Вы все вместе. И это – главное счастье. Конечно, могут быть и мелкие обиды. Скажем, Федя куда-то заторопился, не уделил деду должного внимания. Но такие обиды – производное от счастья.

Очень трудно представляю себе ваш день. Сережа разъезжает, переводит. Ты с такого-то по такой-то час учишься. И впрямь, с какого по какой? Манька учит уроки, усердно ли? А потом рисует. Федя убегает на тусовки.

Здесь это слово приобрело какое-то групповое бесстыдство. Вообще странный город: ничего хорошего не извлек из западной жизни и прекрасно усвоил все дурное. <...> Конечно, и в Израиле жизнь – не сахар, т. е. имеет свои негативные стороны, но только не по отношению к России. Все, что было хорошего: посиделки на кухнях, мечты о свободе личности – ничего этого уже нет. Так что в иные ностальгические минуты помни: «ничего не осталось от русской интеллигенции». Ну, кое-какие руины при желании можно найти, вот я пытаюсь мысленно за них держаться. Рутинка, может быть, и есть на свой лад в любой стране. Но здесь рутинка – и есть самая активная из форм жизни. Так что я больше не сокрушаюсь, что вы уехали, а радуюсь, хоть и по-звериному тоскую.

Леночка, подробно мне опиши, какие планы у тебя сбываются, а какие – нет. То, что у тебя есть двухгодичный грант, по-моему, дело хорошее. Есть какая-то стабильность, меньше дерганья и страха за завтрашнюю жизнь. Впрочем, ты наделена прекрасным легкомыслием, и оно тебе, наверное, помогает. Ужасное выражение «влезть в душу». А я все пытаюсь влезть и посмотреть на все твоими глазами.

<...> Вообще-то я переполнена вопросами к тебе. А на бумаге вдруг начинаю философствовать и расписывать совковую жизнь. Но и это – один из вопросов, тебе адресованных: как из Израиля видится тебе здешнее бытие, хоть что-нибудь ты хотела бы вывезти из совка? Интересно, кто придумал это слово, уж не Зиновьев ли? Именно совок, и не только по звучанию, но и по смыслу. Вот «черпак» тут никак сказать нельзя. Черпать нужно из хорошего. А совок – тут и мусор, тут и грязь, тут и по сусекам только с веничком да совком можно пройтись. Не знаю, если так старательно мести на совок, испечешь ли колобок. Пожалуй, на лепешку наскребется. <...>

11.9.92 (День)

Леночка! Ну что у меня за ограничитель письма? Совсем как у Маньки, помнишь, – просила поставить точку там, где должен быть конец рассказа и удивительным манером заканчивала свой рассказ перед этой точкой. Находила выход, хотя повествование не предполагало такой быстрый конец. Это у Маньки действительно дар новеллиста. А вот не смогла

я закончить на четвертой странице то, что хотела сказать, то, вернее, чем хотела завершить четырехстраничное письмо.

⟨...⟩ Наткнулась в «Новом Мире» на воспоминания, а точнее, на автобиографию Наума Коржавина. Все – искренне-мелко, без божества, без вдохновенья. Я бросила читать журнал и взяла с полки Пастернака: «Охранная грамота», «Люди и положения». Чудесно. Прочла, правда, и его безумное выступление, прославляющее наших корифеев Ленина – Сталина. Но какая крупная личность – Пастернак! Были у него и заблуждения, особенно в «Охранной грамоте» насчет Маяковского. (Тут не могу не упомянуть Юру Карабчиевского¹⁴⁷, я очень часто и много о нем думаю.) Но и сама лексика Пастернака не была обезличена, как у Коржавина. Последний вплоть до смерти Сталина верил в пионерию нашего общества и его вождя. Хотя потом прозрел настолько, что даже сел, учась в литинституте. ⟨...⟩ Что мне до того, что он крестился и теперь так рьянен в этом, как был, находясь в пионерии и комсомолии, целуется с Бондаревыми и призывает непримиримость примириться, все, мол, братья. Короче говоря, в общем-то умный Коржавин все-таки находится вне искусства. Если бы он был глуп, то и разговора о нем не возникло бы. Это типичный средний уровень текучки, ее яркий представитель, где невежество самое себя не осознает.

И получается такая бездна между текучкой и вечностью – это было и есть во все времена. А в моем поколении этот разрыв, эта пропасть особенно ярко видна. ⟨...⟩ В ныне молодом поколении эта бездна почти преодолена, и очень много образованных молодых людей. Но мало кто из них обладает такой мощью таланта, как Бродский, или такой, как Айзенштадт, который знает, кстати, немало, хотя по стихам этого не скажешь. Однако – талант его и в том, что он смело плюет, скажем, на точную рифму. В том, что он читал вовремя Ветхий и Новый Заветы, я не сомневаюсь, как и в том, что он общается с Богом без посредников, потому-то так оригинален. Ведь посредник, т. е. священнослужитель, между человеком и Богом и наоборот не больше, чем переводчик. Такое непосредственное отношение Айзенштадта к божественным и сделало его поэтом милостью Божьей.

⟨...⟩ Что делать, доченька? Ведь все вопросы к тебе уместились на небольшом пространстве писчей бумаги. Так что просто в письмах к тебе, то ли сама с собой разговариваю, то ли с тобой, что иногда мне кажется одним и тем же. Как будто какую-то большую душу Бог поделил на две. Позитивная часть у тебя, негативная у меня. А вообще лыщу себя надеждой – это нечто целое. ⟨...⟩

12.9.1992

Ленусенька! Добрый день! Хотя из окна он видится пасмурным, – дождь шел всю ночь. Завтра будет ровно год, как я тебя встречала в аэропорту. Потом были дивные, неразлучные два дня, а потом меня шарахнуло – почечная колика. Вот обида-то. Ну, Бог с этим. Все же мы виделись, хотя не так, как я планировала. Я хотела быть твоим хвостом: куда ты, туда и я. Не вышло. И здесь уместно сказать: «Много хочешь, Ваню»!¹⁴⁸ Да, Ваню, уж слишком многого захотел, и судьба – окоротила.

Три раза в день смотрю и слушаю «новости», «вести». Ваню и Нико совсем распоясались, все стреляют, сначала друг в друга стреляли, а теперь в абхазцев. Не знаю, ограничится ли эта война Закавказьем, не уйдут ли из России все кавказцы вместе с Фазу Алиевой¹⁴⁹. ⟨...⟩

¹⁴⁷ Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. http://magazines.russ.ru/novyj_mi/portf/karab/index.html.

¹⁴⁸ Ваню и Нико – герои рассказа грузинского сценариста Эрлома Ахвледиани, с которым мама подружилась на Высших литературных курсах в 1961–1962 годах.

¹⁴⁹ Фазу Алиева, аварская поэтесса. Мама ее переводила, вернее сказать, сочиняла за нее стихи, иногда следуя подстрочнику. «Вся дрожу, вся дрожу, не знаю, что дальше будет», – говорила Фазу, слушая мамнины «переводы». После истории с «Метрополем», когда даже переводные издания мамы и Семена Израилевича изымались из библиотек, Фазу уговаривала маму «покаяться», иначе все ее стихи переведут заново. Когда опала кончилась, Фазу приезжала с извинениями.

Кстати, не видишь ли ты Л. А.? <...> Всю-то жизнь она писала с ощущением, что стихи хороши, но из-за ее еврейских мотивов, из-за самого ее еврейства, печатали и издавали мало. И тут они едут в Израиль! Вот где оценят ее тему, вот где она прославится! Но, увы, этого не случилось и не могло случиться. Потому что тема – последнее, что характеризует как прозу, так и поэзию. Голые заявления в стихах никому не нужны, нужен талант, открывающийся в художественности, в новой музыке, в ярко проявленной собственной интонации. <...> Бум вокруг шестидесятников был, поскольку они подменяли собой публицистику. Теперь публицистика несет свою функцию, и тем стихотворцам, которые были «супротив» власти.

<...> Я счастлива, что никогда не спекулировала на теме, на судьбе и не отношусь к тем неудачникам (Вознесенский), участвующим во всех столетиях (сегодня Цветаевское) и прорывающимся на экран двумя локтями и двумя стопами. <...> Думаю, что Л. А., обмеривая свою жизнь, находит причины неуспеха в обществе, которое ее не принимает. Конечно, такому распространенному типу неудачников живется гораздо хуже, чем Вознесенскому. Но с высоты русской поэзии и та и тот поэзии этой не нужны в равной мере. И еще есть крайне редкий тип неудачника, это талант, не нашедший быстрого, а порой прижизненного серьезного отклика не только у читателя, но и в высоколобой элитарной среде знатоков. Такова участь Анненского и Леонтьева (философа). Теперь их все знают и превозносят, а при жизни?

<...> Я тоже отношусь к немногочисленной группе неудачников. Это литераторы, понявшие и осознавшие свою бездарность, это очень редкие люди, не ссылающиеся на судьбу, на жизненные обстоятельства, не завидующие распространенному типу неудачников (Вознесенский), их популярности, их благам. <...>

92. Е. Макарова – И. Лиснянской 13 сентября 1992

13.9.92

Мамулечка! Еду в Копенгаген, посмотреть город, и домой. Вчера я звонила тебе, как и договорились, но тебя не было. Я позвонила папе в надежде, что все хорошо с тобой, но он сказал, что ты опять заболела. От этого мне стало так тревожно, что я не могла ни на чем сосредоточиться. <...>

Вот уже ровно год, как мы не виделись. Разорванность наша (географическая) меня изводит. Не только потому, что мы мама и дочь, а потому, что, кроме тебя, мне не с кем обсуждать происходящее вслух. Пустота, в целом.

Пьеса мне не дается. Все, что пишу, плохо. От ума и знаний – нет нового решения (художественного). Последние два дня лекций не было, я жила на берегу моря и писала на обойном рулоне по вечерам, ходила по берегу и вспоминала Ингмара Бергмана, – так это все созвучно его поэтике.

<...> Швеция – поразительной красоты страна, люди в самых крошечных городках ничем не отличаются от столичных. Здесь нет провинции. Отдаленность от Стокгольма ничего не значит (в плане культурном).

Сейчас я в Дании. От Хельсингфорса плыла 20 минут на роскошном огромном корабле, как аэропорт в Тель-Авиве. А сейчас еду на поезде в столицу. Так жаль, что дети не со мной... Здесь много потрясающих музеев, всяких детских штук, которые бы пленили Маню. Да и Федю. Но у них впереди, надеюсь и молюсь, яркая жизнь, я лишь навестываю, нагоняю упущенное.

<...> Мамуля, пишу тебе уже из самолета, до Тель-Авива осталось 1.50. Посмотрела Копенгаген – красивый город, чудесные сады, особенно ботанический, цветут цветы нежные, как крылья бабочек, музей искусств тоже потрясающий. Самолет уже садится – это я так долго размышляла, что тебе еще сказать. Вспомнила – о встрече с Хазановым¹⁵⁰ в аэропорту Мюнхена. Он передавал тебе и Семену огромный привет, очень тепло отзывался о вас. Он бледный, толстоватый, но не жалуется. <...> Мамик, уже Тель-Авив. Допишу дома, в Иерусалиме.

---

¹⁵⁰ Борис Хазанов, писатель, эссеист, живет в Мюнхене.

93. И. Лиснянская – Е. Макаровой 13–14 сентября 1992

13.9.1992

⟨...⟩ Леночка, я тебе как-то призналась, в том, в чем даже священнику вряд ли кто признается¹⁵¹. Нет, доченька, та болезнь у меня прошла. И проистекала она из-за сильного битья в детстве и, в особенности, из-за тех пыток в подвале ГБ. Это была защитительная реакция на всевозможные угрозы уже быта и на разнообразные посягательства на мою личность со стороны. Все это прошло вместе с бредом, галлюцинациями, в кои я сама себя вогнала. Теперь же, в пику тому защитительному поведению, я, наоборот, стоически все переношу и до последнего, пока меня не свалит, держусь на ногах.

⟨...⟩ Чем дольше длится жизнь, тем больше понимаю свою дурость, особенно в быту. Наверное, всякая сторона жизни, в которой человек глуп, ему ненавистна, а ненависть чувство ужасное, не дающее поумнеть. Вот я и не могу что-либо толково сделать, совсем не умею ходить в магазин – все роняю, – вообще что-либо доставать, заниматься ремонтом и т. п. Только лечить умею, а раз умею, значит – люблю. ⟨...⟩

14.9.92

Ленусенька! Читаю и перечитываю твое письмо. Думаю над каждой фразой. ⟨...⟩ Ты пишешь о трудностях быта и своей виноватости. Но тут же говоришь, что ты не можешь бросить то, что, кроме тебя, никто не сделает. Леночка моя, но это и есть долг призвания. Как в писательстве, некое повреждение в уме, когда человек абсолютно уверен в том, что то, что он должен сказать людям, никто за него не скажет. ⟨...⟩ К моему огорчению, ты в прошлом – в Фридл – проживаешь больше, чем в настоящем. Но главное твое погружение – в чужие, трагически прошедшие и оборванные жизни, ты как бы хочешь их продлить во времени, что тебе и удается. Это очень благородная миссия. Но ты должна помнить, что ты – талант воспроизведения жизни и, значит, также продолжатель жизни. Все-таки очень мне хочется, чтобы ты поумерила свое проживание загубленных жизней.

⟨...⟩ Писательство – это некое заземление во время грозы. Ты уводишь в песок свои нервные окончания, жизнь гремит громом и блистает молнией, а ты спасаешься писательством – этим громоотводом и заземлением. Иногда я, неблагодарная, думаю, что, если бы не мое писание, я бы была просто городской сумасшедшей, добро бы – еще городской, а не в четырех стенах сидящей. ⟨...⟩

---

¹⁵¹ Речь идет об истерических припадках.

94. Е. Макарова – И. Лиснянской 27 сентября 1992

27.9.92

Дорогая мамочка! Одно письмо (заграничное) вот уже 2 недели ношу в сумке. Думаю, с кем бы отправить. Сегодня Новый год. Сейчас 1.30 ночи. Еще все укладываются спать, но я уже заняла позицию на кухне. Хотела тебе ответить на все (или часть) вопросов из твоих совершенно чудесных писем. Видела подборку твоих стихов в журнале, папа привез журнал Козакову от кого-то, там твоя фотография вдоль, с руками, и триптихи. Мне это в целом очень понравилось, весь этот разворот, – и стихи сами, – правда, я прочла их разом, и отдала журнал Козакову, и вот по памяти не могу сказать, что больше понравилось, что меньше, ты уж прости. Показалось чуть «замного Бога», но это, скорее всего, обостренная реакция на папины «рассуждансы», где без конца об этом. Я не сравниваю, просто как во время беременности отлавливаешь взглядом беременных, так и когда кто-то без конца талдычит о вере, везде кажутся эти слова. А слов я боюсь. Стихи показались очень музыкальными и очень грустными. И твое лицо с руками тоже.

Я закончила 1-й вариант пьесы, вчерне перевели ее с Розы (секретаршей проекта) на английский, – когда она все перепишет в компьютер и распечатает, тогда и будет готова английская версия.

6 октября вылетаю в Вену, где мне нужно будет провести пару дней в переговорах о выставке Фридл на 1994 год, как я понимаю, этот вопрос решен положительно, хотя, пока не подпишу контракт, лучше не мечтать. С 9-го по 17-е буду в Праге – с режиссером и документальной режиссершей из Гамбурга, – это про Швенка.

17-го прилетим в Израиль с немецкой режиссершей и здесь до 1-го напишем или допишем сценарий будущего док[ументального] фильма о Швенке. Режиссерша Билли¹⁵² родом из Восточного Берлина, сидела в тюрьме за неверные взгляды, после этого оказалась в Гамбурге и сняла фильм о своей тюрьме и людях, которые ее посадили. Очень сильная вещь. Она с радостью согласилась работать со мной. Видела ее в фильме – милая, хрупкая, интеллигентная. Думаю, мы найдем с ней общий язык. Так вот складывается странно моя творческая судьба.

2 ноября начинаю учебу. Уже виделась со своим курсом – 10 человек, вполне симпатичных на первый взгляд. Выбраны из 1000 проектов десять. Нас пять женщин (из них три Лены) и пять мужчин, их имен не знаю. Видишь, имя Лена оказалось знаменательным в сфере идей просвещения! <...>

Мамулик, когда человек устает, он не выглядит роскошно, особо дама за 40. Но когда человек устает не от бытовых забот, а от чего-то чудесного, остается хотя бы свет в глазах. Это, по-моему, еще наличествует. Все время после Швеции ем и пытаюсь спать. Мечтаю об уединении, – в Праге не будет, а вот в Вене 2 ночи буду в гостинице, там будет!

Папа. Он в своем духе. Все чувствует, интуиция чувствует, но мозги замусорены, и пропускная способность сознания крайне занижена. Словно у него есть несколько всего точек соприкосновения с этим миром, остальное варится и перекипает в его душе, не находя верного выхода. Не знаю, от чего это, от советскости, от лекарств, от природы, от всего вместе? Но это так. При внутреннем, природном чувстве такта – поразительно не тонок в общении с людьми даже близкими, – это на уровне поведения, а на уровне «чуя» – гигант. На уровне «коммуникативном» сказывается отсутствие образования, знания других культур, мира... С другой

¹⁵² Сибилла Шенеманн, сорежиссер фильма «Эти дни в Терезине», 1997. <http://www.imdb.com/title/tt0118977/>

стороны, западный мир полон людьми ритуальными, функциональными (при образованности), а он – самобытная личность. Воспитание (сословье), максимализм, желание любым образом самоутвердиться даже в дурном, – я на это тоже имею «чуй». Но работаю над собой, постепенно изживаю «системные» фобии и уже умею, как мне кажется, регулировать свое поведение, в прежности я часто стыдилась своих внезапных откровений, желая всем все рассказать как на духу. Мне казалось, как папе всю жизнь, что про меня все всем должно быть интересно, мне нужны были конфиденты. Теперь мне, пожалуй, никто не нужен для обсуждения моей жизни, общаюсь лишь с теми, с кем работаю, сейчас из-за Швенка с Диной и Розы, теперь они мне рассказывают о своих переживаниях, я слушаю и «реагирую».

Вот это то, что произошло естественно, когда я посмотрела на нас и на себя со стороны. И поняла – я способна справляться со своим материалом сама, никого в него не посвящая. Творческая работа сближает, но на ином уровне.

⟨...⟩ С Федей у нас такие интересные диалоги, я у него многому учусь. Манька сейчас вся в дружбах, перечислила мне 20 друзей, и все – вернейшие. Она становится очень хорошенькой, если не сказать больше. Она сама удивлена этой метаморфозе не меньше, чем все мы. Папа говорит, что у нее ивритский акцент. Наверное... У Федеи – нет, у нее – да. Мамик, 2.30, иду спать. ⟨...⟩

95. И. Лиснянская – Е. Макаровой 3, 8–9 октября 1992

3.10.92

Ленусенька! <...> Я получила от тебя письмо из самолета в Швецию. Оно совершенно такое, какая ты, а ты – есть сама жизнь со всеми трудностями, недоумениями, но, однако, со всей прекрасностью. <...> Один вопрос ты мне задаешь напрямик: как чувствовала я себя в сорок один год? Ты правильно оговариваешься, что, мол, мне сейчас этот возраст может казаться детским. Это справедливо. Но я подумала, что в 41 год я не считала себя старухой, ибо в именно этом возрасте я круто изменила свою жизнь. Если бы я себя чувствовала стареющей женщиной, то вряд ли решилась бы на такой тяжелый, но, видимо, необходимый для меня и для папы шаг. Конечно, временами мне казалось, что я – древняя старуха и прожила несколько жизней, такое бывало. Но никогда не бывало так, чтобы я разглядывала свои морщинки и т. д. Это, наверное, удел только красавиц, каковой ты и являешься, такой и мама моя была. Да, ее жизнелюбие и стойкость, м.б., только в тебе и оказалось. Но к этим бесценным качествам прибавился еще и талант и все вытекающее из него.

Трудно из таланта вычленишь ум или остроумие. Например, мама моя была и умна, и остроумна. Помню, когда я ей рассказала после Израиля, как меня грабанули, что даже кроссовки разрознили, мама, как бы утешая меня, засмеялась: «Инночка, считай, что ты сделала доброе дело, грабил, наверное, одноногий». Вот и остроумие.

Но в тебе как в таланте есть то, что не вычленяется. Поэтому совершенно справедливо, без всякого зазнайства, ты думаешь, что жизнь тебе дана полноценная и совсем не напрасная, она, ты права, продолжится духовно и непременно. Но рано еще думать о таких вещах, мне от тебя страшно слышать о том, что будет после тебя. Для меня ты – только жизнь, только она!

Как я рада, что ты понимаешь не только трудности, но и слегка надмирную свою сущность. Так оно и есть. У каждого человека много причин и возможностей погрузиться во мрак, в лучшем случае – в повседневную унылость, какую ты вокруг наблюдаешь. И только редкие типчики, вроде тебя, умеют находить счастливую пробойку, лазейку в свет существования. <...> Душевная щедрость столкнула тебя как с живою, с погибшей Фридли. Это доступно только таланту целенаправленному. Не случайно ты написала «Танцуйте с нами», уже тогда ты ушедших не забывала среди живых. Как мы себя мало знаем, со стороны видней все лучшее в человеке. <...>

Радуюсь, что ты пьесу закончила, на каком языке? Я от тебя жду самых фантастических вариантов! Посмейся, ну, засмейся, моя хорошая. <...>

Я же все-таки в своем ежедневном болоте, окруженная горячими точками, – как теперь называются военные действия, – живу довольно сносно, тем более с твоей помощью – и душевной, и материальной. <...> В Красновидове мне гораздо хуже. Не только потому, что нет вокруг врачей, транспорта и телефона на даче. Сейчас у меня там не стало основательного угла. То в кухне ночевала, то у Семена в комнате, а в моей спала Валентина Григорьевна. И если я права, что ты знаешь меня не хуже своих пяти пальцев, то ясно: я могу писать именно только там, где ночую, перед сном курю, читаю, думаю и встаю иногда с готовым стишком. Так до 20 августа я 10 дней что-то шкрябала в лоджии. А потом стукнули холода, и мне пришлось скитаться по квартире. <...> Мне хорошо только там, где нет быта, и я могу думать. Пусть даже то, что я пишу, никому не нужно.

<...> Почему-то все те, кому я писала письма, считают эти письма умными. А тебе я почему-то пишу маловразумительные, бесцветные письма. Как думаешь, почему? Мне-то

кажется, м.б., потому, что мои письма тебе – беспримесная душа. А душу нельзя сделать ни умной, ни материализованной, ни яркой. Она вне формы, осязаемой формы. Солнышко мое, прости мне косноязычие, потому что оно объясняется бесплотностью души. Был только один случай в поэзии, когда плоть становилась душой, – это стихи Тарковского. <...>

8.10.1992

Доченька, солнышко мое! Получила твои письма, которые ты мне писала из средств передвижения и уже из дому. Как щедро – при твоей неустанной занятости – как всеобъемлюще! Спасибо, моя деточка, за то, что я для тебя тоже значу, видимо, многое, раз ты пишешь, что со мною у тебя есть потребность все вместе продумать и почувствовать! До слез это мне дорого! Твои наблюдения о Швеции мне были в высшей степени интересны. В особенности про книги и газеты. Этому мне о Швеции никто не рассказывал, ведь многие ездят, но мало кто вглядывается в мир, не сопрягая его с собой. Еще одно – в первый раз: никогда никто не говорил о равноправности духовной городов, об отсутствии провинциальности.

Самое страшное – коммунистическая провинция. Это то, чему ты ищешь объяснения, когда пишешь о папе. Его жаль, ему трудно отвлечься от себя и однолинейной доктрины. Когда-то с трудом из этого милого человека я выбивала пыль большевизма, как из тяжелого, красивого персидского ковра. Теперь другая однолинейность совка – Бог и более ничего, да еще – здоровье, и это при огромной любви к детям, как к продолжению своего организма.

<...> Доченька моя, из всех пор твоего письма (писем!) – так и прет энергией не только силы, но и усталости. Даже у лени, как ни странно, есть энергия. Вспомни, сколько раз Пушкин с разными эпитетами употреблял слово «лень» как нечто, дающее вдохновение. А при твоей деятельной жизни и душе, даже усталой, имеет силу энергетическое поле творчества. И все же умоляю, если уж ты стала разумной и не обнажаешь себя перед другими, если изжила совковые комплексы, побеспокойся о своем здоровье! <...>

Узнала о Феде чудесную вещь. Ты просто говоришь, что дети чудные, что ты даже у Феде чему-то учишься, что у Маньки 30 друзей, что она красивеет на глазах. (Вынь да положи мне фото.) А о Феде узнала от Яны, что он перевел Хармса на иврит, и про звонок из издательства. Да как тут не подивиться издателю, если мальчику всего 17 лет, да еще за два года так проникся ивритом, что Хармса перевел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.